

CITY OF BLOOD

ГОРОД КРОВИ

Патриция
БРИГГЗ

Узы крови

Вервольфы и вампиры — высшая аристократия среди нежити Нового Света — издавна ненавидят друг друга.

Но юная Мерси Томпсон — своя и среди вампиров, и среди вервольфов. Жребий ее — разрешать самые сложные конфликты между разными кланами "ночных охотников".

На этот раз решить дело миром будет не просто трудно, а почти невозможно. Потому что один из самых могущественных вампиров нарушил закон своего народа — и принялся убивать направо и налево, дабы обрести огромную силу, которую неумершие черпают в крови и душах своих жертв. Мерси Томпсон предстоит найти и уничтожить преступника... если, конечно, он не окажется быстрее и хитрее.

Патриция Бриггз

Узы крови

Благодарности

С благодарностью Барри Болстаду, который поделился со мной сведениями о работе полиции в Тройном городе, и его жене Сьюзан, которая терпела, что мы за ланчем говорили только о деле. Благодарю также мою сестру Джин Маттеччи, которая проверила мой немецкий. Эта книга не оказалась бы написана, если бы не многолетние заслуги нашего «фольксвагена», механиков, работающих с «фольксвагенами», и народа на opelgt.com. Сердечная благодарность тем, кто работает больше и лучше, чем требует долг: Колли и Майклу Бриггзам, Майклу и Ди Энзвайлерам, Энн Питере, Каю и Кайлу Робертсонам, Джону Уилсону и моему редактору Энн Соуардз. Они читали книгу, когда она еще не была готова, избавами» от этого вас. Особая благодарность моему замечательному агенту Линн Прентис, которая берет на себя все дела, чтобы я могла писать и больше всего я хотела бы поблагодарить свою семью, которая привыкла к «приготовьте себе поесть сами» и «отстань, мне нужно было закончить это еще три недели назад». Без них эта книга не была бы дописана.

Как всегда, все ошибки на совести автора.

Глава первая

Подобно большинству тех, у кого свой бизнес, я работаю подолгу и заступаю рано утром. Поэтому, если кто-то звонит мне среди ночи, лучше бы он умер.

— Привет, Мерси, — сказал мне в ухо дружелюбный голос Стефана. — Не сделаешь мне одолжение?

Стефан давно умер, поэтому нет необходимости быть вежливой.

— Я отвечаю на звонок, — я незряче взгляделась в цифры на часах у кровати, — в три часа утра.

Ну, на самом деле я сказала не совсем так. Пожалуй, добавила пару слов из тех, что используют механики, когда непослушный болт или альтернатор [\[1\]](#) падает на ногу.

— Ты мог бы попросить меня и о другом одолжении, — продолжала я, — но лучше повесь трубку и позвони утром в приличное время.

Он рассмеялся. Может, подумал, что я шучу.

— Мне нужно кое-что сделать, и я считаю, что твои особые способности очень даже помогут мне достичь успеха.

Древние существа — по крайней мере по моему опыту — обычно склонны темнить, когда просят о чем-нибудь. Я деловая женщина и считаю, что нужно быстрее переходить к сути.

— В три часа ночи тебе понадобился механик?

— Я вампир, Мерседес, — мягко напомнил он. — Для меня три часа ночи — самое подходящее время. Но механик мне не нужен. Мне нужна ты. И ты у меня в долгу.

Он прав, черт бы его побрал. Он помог мне, когда похитили дочь местного Альфы. И предупредил, что когда-нибудь попросит рассчитаться.

Я зевнула и села, отказываясь от надежды снова уснуть.

— Хорошо. Что я должна сделать?

— Мне нужно доставить сообщение вампиру, который здесь без разрешения моей госпожи, — сказал он, переходя к делу. — И еще нужен свидетель, которого он не заметит.

Он повесил трубку, не дожидаясь ответа и даже не сказав, когда он за мной заедет. Стоило бы снова лечь спать — так бы ему и надо.

Бурча, я оделась: джинсы, вчерашняя футболка с горчичным пятном, носки всего с одной дырой. Одевшись, я прошла на кухню и налила себе стакан клюквенного сока.

Было полнолуние, и живший со мной вервольф бегал с местной стаей, так что мне не пришлось объяснять ему, почему я уезжаю со Стефаном. Вот и хорошо.

Сэмюэль не самый плохой постоялец, но склонен становиться собственником и диктатором. Конечно, я ему этого не позволяю, но споры с вервольфом требуют некоторой тонкости, чего мне... я взглянула на часы... в 3:15 утра явно не хватает.

Хотя они меня вырастили, я не вервольф и вообще не вер-кто-нибудь. Я не подчиняюсь фазам луны, и, обернувшись койотом — это мое второе обличье — ничем не отличаюсь от *canis latrans* [\[2\]](#): что доказывают следы дрови у меня на спине.

Принять вервольфа за волка невозможно: они гораздо крупнее своих не сверхъестественных сородичей и несравнимо страшнее.

Я — ходячая, хотя уверена, что для обозначения этой способности когда-то существовало другое название, забытое, когда европейцы захватили Новый Свет. Может, мне

мог бы подсказать его отец, если бы не погиб в автоаварии еще до того, как узнал, что моя мать беременна. Поэтому о ходячих я знаю только то, что мне рассказывали вервольфы, то ость совсем немного.

«Ходячий» происходит от «ходящий в шкуре» в языке индейских племен юго-запада, но у меня меньше общего с «ходящими в шкуре» — судя по тому, что я о них читала, — чем с вервольфами. Я не владею магией, мне не нужна шкура койота, чтобы перекинуться, и я не злая.

Я отхлебнула сока и посмотрела в кухонное окно. Саму луну я не видела, только освещенный ею ночной пейзаж. И мысли о зле, пока я поджидала вампира, казались вполне уместными. Это по крайней мере не даст мне уснуть: такое действие на меня оказывает страх. Я боюсь зла.

В нашем современном мире само это слово — зло — кажется старомодным. И когда оно ненадолго проявляется в Чарльзе Мэнсоне или Джеффри Деймере^[3], мы пытаемся объяснить его злоупотреблением наркотиками, несчастным детством или душевной болезнью.

Американцы в особенности наивны в своей вере, что паука способна объяснить все. Когда несколько месяцев назад вервольфы наконец перестали таиться и предстали перед публикой, ученые сразу принялись искать вирус или бактерию, ответственные за Перемену: магию их лаборатории и компьютеры объяснить не могут. Последнее, что я слышала: в университете Джонса Хопкинса^[4] над этой проблемой работает целая группа исследователей. Несомненно, они что-нибудь найдут, но, бьюсь об заклад, им никогда не объяснить, как человек весом 180 фунтов может обернуться волком весом 250 фунтов. Наука не допускает существования магии, как не допускает существования зла.

Убежденность в том, что мир объясним, — одновременно слабое место и прочный щит. Зло предпочитает, чтобы в него не верили. Вампиры, например, очень редко выходят и убивают людей на улицах. Охотясь, они отыскивают человека, чье отсутствие никто не заметит, приводят его к себе домой и ухаживают за ним, как за дойной коровой.

Правила науки воспрещают сжигать ведьм, судить водяным судом или публично линчевать. Взамен среднестатистическому законопослушному солидному гражданину не приходится бояться тварей, блуждающих в ночи. Иногда мне хочется быть просто средней гражданкой.

Средних граждан не навещают вампиры.

И им не приходится тревожиться из-за стаи вервольфов — по крайней мере не так, как мне.

Для вервольфов открыться публике было очень смелым шагом; подобный шаг легко может привести к отрицательным последствиям. Глядя в лунную ночь, я с тревогой думала: что если люди снова начнут бояться? Вервольфы не злы, но они и не мирные законопослушные герои, какими сейчас пытаются себя выставить.

Кто-то постучал в мою входную дверь.

Вампиры — зло. Я это знала, но Стефан не просто вампир. Иногда я почти не сомневалась, что он мой друг. Поэтому я не испытывала страха, пока не открыла дверь и не увидела, что ждет меня на пороге.

Темные волосы вампира были зачесаны назад, обнажая бледную в лунном свете кожу. С ног до головы одетый в черное, он должен был выглядеть, как сбежавший герой дешевого фильма о Дракуле, но почему-то весь его наряд: от черного кожаного пыльника до шелковых

перчаток — казался на Стефане более к месту, чем его обычная яркая футболка и потрепанные джинсы. Как будто он снял костюм, а не надел его.

Он выглядел так, словно для него убить человека все равно, что мне сменить шину: с таким же отсутствием мыслей или угрызений совести.

Но вот его подвижные брови пошли вверх, и он вдруг снова стал тем вампиром, который раскрасил свой старый «Фольксваген»-фургон, превратив его в подобие «Таинственной машины» Скуби-Ду^[5].

— Не очень ты рада меня видеть, — сказал он с легкой улыбкой, которая не обнажает клыки. В темноте его глаза кажутся скорее черными, чем карими, но мои тоже.

— Входи.

Я попятилась от двери, давая ему дорогу. Потом — ведь он все же меня испугал — раздраженно добавила:

— Если хочешь, чтобы тебе были рады, приходи в приличное время.

Он помедлил на пороге, улыбнулся, сказал:

— С твоего разрешения, — и переступил через порог. |

— А что, эта штука, связанная с порогом, правда действует? — спросила я.

Он улыбнулся шире — на этот раз показав белое:

— Нет — после того как ты меня пригласила.

Он прошел мимо меня в гостиную и повернулся, как модель на подиуме. Полы его плаща при этом распахнулись.

— Как я тебе нравлюсь? Похож на Носферату?^[6]

Я вздохнула и подтвердила:

— Меня это пугает. Мне казалось, ты избегаешь всего готического.

Я редко видела его не в футболке и джинсах.

Он улыбнулся еще шире.

— Обычно так и есть. Но и внешности Дракулы найдется место. Как ни странно, если наряжаться в это редко, другие вампиры пугаются не меньше, чем необычная девушка-койот. Не волнуйся, у меня есть подходящий костюм и для тебя.

Он сунул руку под плащ и достал кожаную шлейку с серебряными бляшками.

Я несколько мгновений смотрела на нее.

— Собираешься в садомазо-стрип-клуб? Не знала, что у нас есть такой.

Насколько мне известно, такого клуба у нас нет. Восточный Вашингтон^[7] гораздо чопорнее Сиэтла или Портленда.

Он рассмеялся.

— Не сегодня, милая. Это для твоего второго я.

Он потряс шлейку, чтобы я увидела: к ней прикреплен собачий ошейник.

Я взяла у него поводок с ошейником. Хорошая кожа, мягкая и гибкая, с таким количеством серебра, что похоже на ювелирное украшение. Если бы я была обычным человеком, несомненно, такая одежда поставила бы меня в тупик. Но когда проводишь много времени в обличье койота, ошейник и тому подобное бывает очень полезно.

Маррок, глава всех североамериканских вервольфов, требует, чтобы вервольфы, выходя в город в виде волка, надевали ошейник, на котором указано, что они чье-нибудь домашнее животное. Он также требует, чтобы кличка на ошейнике была невинной — что-нибудь вроде Фред или Спот, но никак не Убийца или Клык. Так безопаснее и для самого вервольфа, и для законопослушного гражданина, который может с ним встретиться. Не стоит добавлять,

что у вервольфов это распоряжение так же популярно, как закон об обязательном ношении шлема у мотоциклистов, когда его впервые ввели. Впрочем, никто и не подумает послушаться Маррока.

Я не вервольф — и не подчиняюсь распоряжениям Маррока. С другой стороны, я предпочитаю не рисковать без крайней необходимости. У меня в ящике кухонного стола есть ошейник, но не из дорогой и модной черной кожи.

— Значит, я часть твоего костюма? — спросила я.

— Скажем, этому вампиру потребуется больше угроз, чем обычному, — небрежно ответил он, хотя что-то в его взгляде говорило мне — за этим кроется нечто большее.

Показалась Медея — оттуда, где она спала. Вероятно, в постели Сэмюэля. Громко мурлыча, она обвилась вокруг ноги Стефана и принялась тереться о сапог, помечая его как свою собственность.

— Кошки и призраки не любят вампиров, — сказал Стефан, глядя на нее.

— Медея любит все, что может ее покормить или погладить, — ответила я. — Она не привередлива.

Он наклонился и поднял кошку. Обычно Медея этого не любит, поэтому она несколько раз мяукнула, прежде чем возобновила мурлыканье и впилась когтями в мягкую черную кожу рукава.

— Ты бы не стал тратить только для того, чтобы казаться страшнее, — сказала я, отводя взгляд от черной кожи и глядя прямо ему в глаза. С вампирами это неразумно, он сам не раз мне это говорил, но увидела я только непроницаемую тьму. — Ты сказал, тебе нужен свидетель. Свидетель чего?

— Да, ты нужна мне не для того, чтобы я казался страшней, — небрежно согласился Стефан после того, как я несколько секунд на него смотрела. — Но он решит, что койот у меня на поводке именно для этого. — Он поколебался, потом пожал плечами. — Этот вампир здесь давно, и я считаю, что он обманул одного из наших молодых. Ты — такая как ты есть — не подвластна силам вампира, особенно если он не знает, кто ты на самом деле. Считая тебя койотом, он скорее всего просто не станет тратить на тебя магию. Маловероятно — но возможно — он обманет меня, как обманул Дэниэла. Но едва ли сможет обмануть тебя.

Таким образом я кое-что узнала о магии вампиров. Не особенно полезное, потому что любой вампир достаточно силен, чтобы просто сломать мне шею, как я ломаю стебель сельдерея.

— Он не причинит тебе вреда, — сказал Стефан: я молчала слишком долго. — Даю слово чести.

Не знаю, сколько Стефану лет, но он произнес это серьезно. Иногда мне трудно не забывать, что вампир — это зло. Впрочем, не важно. Я у него в долгу.

— Хорошо, — сказала я.

Глядя на шлейку, я подумала, а не надеть ли свой ошейник? Я могу менять облик и в нем: шея человека у меня не толще шеи койота. Но шлейка, годная для койота весом в тридцать фунтов, тесновата для меня, когда я в облике человека. Однако преимущество шлейки в том, что Стефан не будет держать меня за горло.

Да и мой ошейник, ярко-пурпурный, с веселенькими розовыми цветочками, не очень подходит для Носферату.

Я протянула шлейку Стефану.

— Тебе придется надеть ее на меня после перемены, — сказала я. — Сейчас вернусь.

Я поменяла обличье в спальне, потому что для этого пришлось раздеться. Вообще-то я не настолько стыдлива: смена облика происходит быстро, но я стараюсь не показываться обнаженной тем, кто может мою случайную наготу принять за преднамеренную.

Хотя у Стефана, насколько мне известно, по меньшей мере три машины, до меня он добирался «кратчайшим путем», так что на встречу мы отправились в моем «кролике».

Целых пять минут мне казалось, что он не сможет завести машину. Старый дизель не больше меня любит просыпаться рано утром. Стефан негромко выругался по-итальянски, двигатель наконец ожил, и мы поехали.

Никогда не ездите со спешащим вампиром. Я не подозревала, что мой старый «кролик» способен на такое. На автостраду мы свернули на предельной скорости; Машина с трудом удержалась на четырех колесах.

Но «кролику», по-видимому, поездка понравилась больше чем мне. Шум в двигателе, от которого я уже несколько лет пытаюсь избавиться, прекратился; двигатель довольно мурлыкал. Я закрыла глаза, надеясь, что колеса останутся целы.

Когда Стефан проскочил подвесной мост и мы оказались в центре Паско [\[8\]](#), он шел на скорости на сорок миль выше разрешенной. Не сбавляя ход, он миновал промышленную зону и въехал в район отелей, расположенный у выезда на автостраду в сторону Спокана и других городов севера. Каким-то чудом — наверно, из-за раннего часа — нас не остановили за превышение скорости.

Отель, возле которого остановился Стефан, был не из лучших, но и не из худших. Обычно в нем останавливаются дальнобойщики, хотя сейчас на стоянке был только один большой грузовик. Может, по ночам во вторник движение меньше. Стефан припарковал «кролика» рядом с единственной легковой машиной — черным БМВ, хотя мест на стоянке было предостаточно.

Я через окно выпрыгнула на парковку, и мне в нос ударили запахи вампира и крови. У меня очень хорошее обоняние, особенно когда я койот, но обычно я не слишком замечаю запахи, как и все остальное. По большей части они похожи на гул разговоров в набитом людьми ресторане. Но не заметить этот, было совершенно невозможно.

Может, этого достаточно, чтобы разогнать обычных людей, и потому стоянка почти пуста?

Я взглянула на Стефана, желая убедиться, что он учуял то же самое, но все внимание Стефана было обращено на соседнюю машину. Я увидела это и сразу поняла, что пахнет от БМВ. Как машина может пахнуть вампиром сильнее, чем вампир Стефан?

Я уловила другой, более слабый запах, который заставил меня оскалиться, хотя я не могла точно определить природу этого горько-черного запаха. Он окутал меня, затмив все остальные, и я могла ощущать только его.

Стефан стремительно выскочил из машины, схватил поводок и натянул, чтобы я перестала рычать. Я дернулась и щелкнула зубами. Я не тупая собака. Он мог бы просто попросить не шуметь.

— Сядь, — сказал он, не глядя на меня. Он смотрел на отель, и я почувствовала что-то еще — тень запаха, которую тут же подавил другой, более сильный запах. Но и этого короткого дуновения было достаточно, чтобы узнать знакомый запах страха — страха Стефана. Что может испугать вампира?

— Пошли, — сказал он, направился к отелю и потянул меня за собой.

Я не сопротивлялась, и он заговорил быстро и тихо:

— Ничего не делай, Мерси, что бы ни увидела и ни услышала. Ты не готова сражаться с ним. Мне просто нужен беспристрастный свидетель, который не даст себя убить. Поэтому притворяйся койотом, и, если я отсюда не выйду, расскажи, о чем я просил тебя. И что ты видела.

Как я могу улизнуть от того, кто способен убить Стефана? Так он раньше не говорил — и не боялся. Может, учуял то же, что я, но знает, что это такое. Спросить его я не могла: койоты не разговаривают.

Он подошел к двери с матовым стеклом. Она была заперта, но рядом находился ящичек с прорезью для карточек, освещенный красным миганием светодиодного фонарика. Стефан постучал пальцем по ящичку, свет стал зеленым, и Стефан вставил карточку.

Дверь легко открылась и со щелчком закрылась за нами. В коридоре не оказалось ничего страшного, но я встревожилась. Вероятно, чувствовала напряжение Стефана. Но что может испугать вампира?

Где-то хлопнула дверь, и я вздрогнула.

Либо он знал, где вампир, либо его носу этот чуждый запах не мешал, как мне. Стефан быстро повел меня по длинному коридору и на полпути остановился. Костяшками пальцев постучал в дверь, хотя сам, вероятно, тоже слышал, что тот, кто был в комнате, различил наши шаги и сразу направился к двери.

После нарастающего напряжения появление вампира стало разочарованием — словно мы готовились услышать Паваротти, поющего в опере Вагнера, а вместо этого увидели Кролика Багза и Элмера Фадда^[9].

Этот вампир был чисто выбрит, волосы расчесаны и собраны в аккуратный короткий «конский хвост». Одет он был чисто и опрятно, только костюм чуть помят, как будто долго висел в шкафу. Но почему-то он производил общее впечатление неопрятности и нечистоты. Ростом он был гораздо ниже Стефана и далеко не так страшен. Очко в пользу Стефана, и это хорошо, потому что уж очень много усилий он приложил, наряжаясь князем тьмы.

Трикотажная рубашка с длинными рукавами висела на незнакомце, как на скелете. Когда он задвигался, один рукав соскользнул и обнажил руку такую худую, что виден был промежуток между костями предплечья. Стоял он чуть сутулясь, словно ему не хватало сил выпрямиться.

Я и раньше встречалась с вампирами помимо Стефана: страшными, со сверкающими глазами и клыками. Этот казался наркоманом, в котором не осталось ничего от личности, какой он был когда-то, как будто он мог в любое мгновение исчезнуть, оставив только тело.

Однако Стефана эта видимая слабость несколько не успокоила; напротив, он еще больше напрягся. Неспособность понять, что за неприятный, всепроникающий запах меня окружает, тревожила меня гораздо сильнее, чем новый вампир. Он вообще не казался мне серьезным противником.

— До моей госпожи дошла весть о твоём появлении, — сказал Стефан. Его голос звучал спокойно, только чуть резче, чем обычно. — Она очень разочарована тем, что ты не навелstil ее и не сообщил о прибытии на ее территорию.

— Входи, входи, — сказал вампир, отступая от двери и пропуская Стефана. — Незачем стоять в коридоре и будить тех, кто хочет спать.

Не могу сказать, знал ли он, что Стефан боится. Я сама никогда точно не знала, какие чувства испытывают вампиры, хотя обоняние у них гораздо острее, чем у людей. Стефан и

его черная одежда, казалось, совсем не пугают вампира: говорил он как-то рассеянно или смущенно, словно его оторвали от чего-то очень важного.

Мы миновали закрытую дверь ванной. Я напрягла слух, но за дверью ничего не слышала. Нос был бесполезен. Мы прошли через комнату к дальней стене, где располагалась застекленная дверь, занавешенная тяжелой портьерой от потолка до пола. Сама комната была пустой и безликой, если не считать чемодана на комоде.

Стефан подождал, пока другой вампир закроет за нами дверь, и холодно сказал:

— Сегодня в отеле никто не мается бессонницей.

Замечание казалось странным, но вампир как будто понял, что имел в виду Стефан, потому что хихикнул и застенчиво прикрыл рот рукой; этот жест больше подходил двенадцатилетней девочке, чем мужчине какого бы то ни было возраста. Это было до того странно, что я не сразу поняла слова Стефана.

Он не мог иметь в виду то, как это прозвучало. Никакой вампир в здравом рассудке не станет убивать всех постояльцев отеля. Вампиры не менее вервольфов строги в соблюдении правил касательно того, что нельзя привлекать к себе внимание. А убийство нескольких человек сразу его привлекло бы. И даже если постояльцев было немного, оставались ведь работники отеля.

Вампир опустил руки. На его лице не было и тени улыбки. Не утешительно. Все равно что смотреть на доктора Джекила и мистера Хайда — такой разительной была перемена.

— Никто не мается бессонницей? — переспросил он, словно никак иначе откликнуться на слова Стефана нельзя было. — Возможно, ты прав. Но все равно неучтиво заставлять ждать у дверей, верно? Ты кто из ее прислужников? — Он протянул руку. — Нет, подожди, не говори. Я сам догадаюсь.

Стефан ждал, обычное оживление совершенно оставило его, а незнакомый вампир тем временем обошел его и остановился за нами. Меня сдерживал только поводок, поэтому я повернулась и посмотрела.

Оказавшись у Стефана за спиной, вампир наклонился и почесал меня за ухом.

Обычно я не возражаю против таких прикосновений, но, когда его пальцы коснулись моей шерсти, я поняла, что не хочу этого. Я невольно отпрянула от его руки и прижалась к ноге Стефана. Шерсть помешала ему прикоснуться непосредственно ко мне, но я и так чувствовала, что его прикосновение грязное, омерзительное.

— Осторожно, — сказал Стефан, не оглядываясь. — Она кусается.

— Животные меня любят.

От этих слов у меня по коже поползли мурашки: слишком уж они подходили этому чудовищу. Он присел на корточки и снова почесал меня за ухом. Я не знала, хочет ли Стефан, чтобы я его укусила. Решила, что не хочет, потому что сама не хотела ощутить его вкус у себя на языке. Всегда могу укусить позже, если захочу.

Стефан молчал и не оглядывался, смотрел прямо перед собой. Я подумала: может, он уронит себя, если повернется? Вервольфы в такие игры тоже играют, но их правила я знаю. И вервольф никогда не позволит незнакомому волку встать за собой.

Вампир перестал меня гладить, встал и обошел вокруг, так что снова оказался лицом к Стефану.

— Значит, ты Стефан. Марсилия послала одного из своих солдатиков. Я о тебе слышал, хотя репутация у тебя сейчас не та, что прежде. Бегством из Италии любой нанесет урон своей чести. Тем не менее, я ожидал большего. Столько рассказов! Я-то думал увидеть

чудовище из чудовищ, тварь из кошмаров, которая пугает даже вампиров. А что я вижу? Высохшее бывшее чудо. Думаю, так бывает со всяким, кто несколько столетий прячется в захудалом городишке.

После этих слов ненадолго наступило молчание. Затем Стефан рассмеялся и сказал:

— А о тебе вообще никто не слышал. — Говорил он небрежно, почти торопливо, как будто между прочим. Я сделала шаг от него, почему-то напуганная этим легким тоном. Он мягко улыбнулся и еще мягче добавил: — Как о всяком, кого недавно сотворили и бросили.

Должно быть, для вампира это какое-то страшное оскорбление, потому что второй вампир вспылil: слова Стефана словно ударили его током. Но он не набросился на Стефана.

Напротив, схватил за низ большой пружинный матрас и вместе со всем, что было на нем сверху, поднял над головой. Развернул к двери в коридор и свернул почти в цилиндр.

Перехватив матрас по-другому, он все это бросил через стену в соседний пустующий номер. Две распорки внутри стены раскололись и высунулись наружу, и пролом в стене стал походить на хэллоуиновскую тыкву с глазами. Фальшивая спинка кровати, накрепко приделанная к стене там, куда упирался матрас, выглядела одинокой и нелепой, подвешенная в футе над опорой матраса.

Сила и проворство вампира меня не удивили. Я видела вервольфов в приступе дурного настроения и понимала, что если бы вампир действительно рассердился, то не сумел бы так владеть своим телом, чтобы матрасом пробить стену. Очевидно, как и в драках вервольфов, главному шоу предшествует множество фейерверков.

В наступившей тишине я кое-что услышала — хриплое мяуканье за закрытой дверью ванной. Тот, кто его издавал, похоже так долго и сильно кричал, что теперь был способен лишь на это; но в этих столах было больше ужаса, чем в громком крике.

Я подумала, знает ли Стефан, что там за дверью, и не поэтому ли испугался на стоянке. Есть вещи, которых боятся даже вампиры. Я глубоко вдохнула, но смогла учуять только полную горечи тьму, и эта тьма становилась все глубже. Я чихнула, пытаюсь прочистить нос. Не помогло. Оба вампира стояли неподвижно, пока шум не прекратился. Потом незнакомец отряхнул руки.

— Я недостаточно любезен, — сказал он, но старомодные речи в его устах звучали фальшиво: словно он пытался выдать себя за вампира, как вампиры в старину выдавали себя за людей. — Ты, очевидно, не знаешь, кто я такой.

Он слегка поклонился Стефану. Даже мне было ясно, что этот вампир вырос там, где поклоны — нечто из фильмов «Театр кунг-фу»^[10], а не атрибуты повседневной жизни.

— Меня зовут Асмодей, — величественно объявил он. Как ребенок, выдающий себя за короля.

— Я сказал, что о тебе никто не слыхал, — все тем же небрежным, легким тоном ответил Стефан. — Но не говорил, что я не знаю твоего имени. Ты Кори Литтлтон. Асмодей уничтожен несколько столетий назад.

— Тогда Керфель, — сказал Кори. В его манере держаться не было ничего детского.

Имена Асмодее и Керфеля мне знакомы, и едва поняв, где их слышала, я поняла также, какой запах учуяла. Когда это пришло мне в голову, я осознала, что он не может быть ничем иным. Неожиданно страх Стефана перестал удивлять и озадачивать. Демоны хоть кого испугают.

«Демон» — название обобщенное, как и «малый народ». Оно относится к существам, не способным проявить себя в нашем мире физически. Такие существа овладевают своими

жертвами и кормятся ими, пока не «съедят» без остатка. Но этого вампира звали не Асмодей и не Керфель: знание имени демона дает власть над ним. Никогда раньше я не слышала о демонах, завладевших вампирами. И пытались осознать эту идею.

— Ты и не Керфель, — сказал Стефан. — Кто-то сходный с ним позволяет тебе пользоваться частью его силы, когда ты его достаточно позабавишь. — Он взглянул на дверь ванной. — Чем ты его забавлял, колдун?

Колдун.

Я считала это байками. Я хочу сказать; кому хватит глупости впустить в себя демона? А демон? Он и без того имеет доступ к извращенной душе (ведь предлагать себя демону — это и значит обладать извращенной душой, верно?), так зачем вообще ему заключать сделку? Я не верила в колдунов и уж тем более не верила в вампиров-колдунов.

Вероятно, тому, кого вырастили вервольфы, следует быть более непредубежденным, но где-то нужно остановиться.

— Ты мне не нравишься, — холодно сказал Литтлтон, и от сгустившейся вокруг него магии волосы у меня на загривке встали дыбом. — Совсем не нравишься.

Он протянул руку и коснулся лба Стефана. Я ожидала, что Стефан оттолкнет его руку, но тот никак не защитился, только упал на колени, приземлившись с глухим стуком.

— Я считал тебя более интересным, но ошибался, — сказал ему Кори Литтлтон, и теперь его интонации и тон стали совсем другими. — Ты ничуть не забавен. Придется это исправить.

Оставив Стефана на коленях, он прошел к двери ванной.

Я завyla и встала на задние лапы, чтобы лизнуть Стефана в лицо, но Стефан даже не посмотрел на меня. Взгляд его стал туманным, плавающим; он не дышал. Конечно, вампирам это не нужно, но обычно Стефан дышал.

Колдун каким-то образом его зачаровал.

Я натянула поводок, но Стефан крепче сжал его в руке. Вампиры сильны, и хоть я налегла всеми своими тридцатью двумя фунтами, он даже не шелохнулся. Будь у меня полчаса, я перегрызла бы кожаный поводок, но я не хотела, чтобы вернувшийся колдун застал меня за этим.

Тяжело дыша, я смотрела на открытую дверь ванной. Что за новое чудовище там таится? Если выберусь отсюда живой, больше никогда никому не позволю надевать на себя сворку. У вервольфов сильные втягивающиеся когти и дюймовые клыки. Сэмюэля эти глупые шлейка и поводок не остановили бы. Один укус, и он был бы свободен. А в моем распоряжении только быстрота, да и ту существенно ограничивает поводок.

Я была готова к ужасному зрелищу, готовая увидеть что-нибудь, способное уничтожить Стефана. Но то, что выволок из ванной Кори Литтлтон, вызвало у меня ужас совсем другого рода.

На женщине было платье в стиле 50-х годов, какие иногда носят служащие отелей, — цвета зеленой мяты, с накрахмаленным голубым передником. Эти цвета соответствовали расцветке занавесей и ковров в коридоре, зато веревка вокруг ее запястий, почерневшая от крови, совсем не соответствовала.

Если не считать окровавленных запястий, женщина казалась невредимой, хотя звуки, которые она издавала, заставили меня усомниться в этом. Ее грудь вздымалась от усилий закричать, но даже когда дверь распахнулась, женщина не кричала, а только негромко стонала.

Я снова дернулась в шлейке и, когда Стефан не шелохнулся, укусила его, укусила сильно, до крови. Он даже не вздрогнул.

Я не могла слушать эти ужасные звуки. Женщина хрипло дышала и пыталась вырваться; она была так сосредоточена на этом, что, думаю, даже не видела нас со Стефаном.

Я снова прикусила конец поводка. Когда это не подействовало, я зарычала и повернулась, чтобы получить возможность грызть кожу. Мой собственный ошейник снабжен предохранителем, так что я сама могу его расстегивать, но сворка Стефана застегивалась на старомодные металлические пряжки.

Колдун бросил свою жертву на пол передо мной вне пределов досягаемости, хотя я не уверена, что сумела бы что-нибудь сделать, если бы дотянулась до нее.

Женщина меня не видела: она слишком старательно пыталась не видеть Литтлтона. Но мои усилия привлекли внимание колдуна, и он присел, чтобы быть поближе ко мне.

— Интересно, что ты сделаешь, если я тебя отпущу? — спросил он. — Испугаешься? Убежишь? Нападешь на меня? Или запах крови возбуждает тебя, как вампира? — Он взглянул на Стефана. — Я вижу твои клыки, солдат. Богатый вкус крови и ужаса: он манит, не правда ли? Нас держат на привязи так же прочно, как ты своего койота. — Слово «койот» он произносил на испанский манер: в три слога, а не в два. — Требуют, чтобы мы брали всего по глотку от каждого, тогда как нам нужно гораздо больше. Кровь без смерти не насыщает по-настоящему, верно? Ты ведь достаточно стар, Стефан, чтобы помнить Прежние Времена? Когда вампиры ели, как хотели, и наслаждались ужасом и агонией своих жертв. Когда мы ели в свое удовольствие.

Стефан издал какой-то звук, и я рискнула взглянуть на него. У него изменились глаза. Не знаю, почему я прежде всего обратила внимание на это: ведь все остальное тоже изменилось. Обычно у Стефана глаза цвета намавленной древесины грецкого ореха, но теперь они сверкали, как кровавые рубины. Губы он растянул, показывая клыки, более короткие и тонкие, чем у вервольфа. На руке, которой он крепко держал поводок, на удлинённых пальцах выросли когти. Бросив на него короткий взгляд, я вынуждена была отвернуться: Стефан пугал меня почти так же, как колдун.

— Да, Стефан, сказал Литтлтон и рассмеялся, как злодей из черно-белого фильма. — Вижу, ты помнишь вкус смерти. Бенджамин Франклин как-то сказал: «Те, кто отказываются от свободы ради безопасности, не заслуживают ни того, ни другого». — Он наклонился поближе. — Ты чувствуешь себя в безопасности, Стефан? Или тебе не хватает того, что вы когда-то позволили отобрать у нас всех?

Затем Литтлтон повернулся к своей жертве. Когда он коснулся ее, она едва слышно засипела: ее хриплые крики могли бы доноситься откуда-нибудь издалека. Я натянула шлейку так, что та врезалась мне в плечи, но ничего хорошего не добилась. Когтями я разорвала ковер, но Стефан оказался слишком тяжел, чтобы я его сдвинула.

Литтлтон убил женщину очень быстро: она перестала сопротивляться раньше меня. В конце концов все звуки в комнате стали исходить только от вампиров: один с хлюпаньем пил кровь, другой рядом со мной беспомощно хрипел, но не шевелился.

Женщина забилась в судорогах, ее взгляд на мгновение встретился с моим, ее глаза остекленели в смерти. Когда она застыла, я почувствовала, как убывает магия и уходит ощущение горечи: запах демона ослаб, остался только его слабый след.

Ко мне вернулось обоняние, и я чуть не пожалела об этом. Запах смерти немногим лучше запаха демона.

Тяжело дыша, дрожа и кашляя, потому что едва не задохнулась, я упала на пол. Теперь я ничем не могла ей помочь.

Литтлтон продолжал кормиться. Я бросила взгляд на Стефана, который перестал издавать тревожные звуки. Он снова словно оцепенел. Даже зная, что Стефан способен наблюдать за происходящим не с ужасом, а с желанием, я все равно предпочитала его Литтлтону и пятилась, пока не ударилась бедром о его ногу.

Я прижалась к Стефану, а Литтлтон, чья белая рубашка вся покрылась кровью убитой им женщины, неожиданно поднял голову и посмотрел Стефану в лицо. Он нервно посмеивался. Я так боялась его, вернее той твари, что им овладела, что едва дышала.

— Да, тебе этого хочется, — сказал Литтлтон, протянул руку и провел ею по губам Стефана. Стефан дочиста обличал губы.

— Позволь поделиться с тобой, — ласково сказал второй вампир. Он наклонился к Стефану и страстно поцеловал его. При этом он закрыл глаза, и я поняла, что наконец могу до него дотянуться.

Гнев и страх часто очень близки друг к другу. Я прыгнула, раскрыв пасть и целясь в горло Литтлтону, и ощутила вначале вкус человеческой крови — крови женщины в коже нам пира, — а потом что-то другое, горькое и ужасное, которое пробежало от пасти по всему моему телу, как удар молнии. Я пыталась сомкнуть челюсти, но промахнулась, и мои клыки ударились в кость и отскочили от нее.

Я не вервольф и не бульдог, я не могу перегрызть кость, могу только глубоко впиться в мягкую плоть, и вампир схватил меня за плечи и оторвал от себя, выдрав при этом поводок из руки Стефана.

Кровь, на этот раз его собственная, полилась на грудь, но рана сразу начала зарастать: вампир излечивался даже быстрее вервольфа. В отчаянии я поняла, что не причинила ему серьезного ущерба. Он бросил меня на пол и попятился, закрывая руками нанесенную мной рану. Я почувствовала, как снова нахлынула волна магии, а когда он отнял руки от горла, рана исчезла.

Он рывкнул на меня, показывая клыки, и я рывкнула в ответ. Я даже не видела, как он пришел в движение, только мгновенно ощутила его руки у себя на боках, короткий миг полета — и все оборвалось.

Глава вторая

Я проснулась на своем диване: Медея вылизывала мне лицо и громко мурлыкала. С облегчением услышала голос Стефана: значит, мы оба живы. Но, когда ответил Сэмюэль, в его мягком голосе звучала холодная угроза, хотя этот голос напоминал мурлыканье моей кошки. Этот звук вызвал у меня прилив адреналина. Я отбросила воспоминания об ужасах ночи. Сейчас важно то, что сегодня полнолуние и в двух футах от меня сердитый вервольф.

Я попыталась открыть глаза и встать, но столкнулась с несколькими трудностями. Во-первых, один глаз не желал открываться. Во-вторых, поскольку я редко сплю в обличье койота, я попыталась сесть, как человек. Мое тело, затекшее и болезненное, не очень хорошо отзывалось на любые движения. И наконец, приподняв голову, я получила в награду боль и сопровождающую эту боль тошноту.

Медея по-кошачьи выругала меня и с фырканием прыгнула с дивана.

— Спокойней, Мерси.

Сэмюэль наклонился к мне, и угрожающие нотки из его голоса исчезли. Его мягкие, умелые руки прошли по моему телу.

Я открыла здоровый глаз и осторожно посмотрела на него, не доверяя его голосу как показателю настроения. Глаза Сэмюэля оставались в тени, но широкий рот под длинным аристократическим носом был мягок. Я мельком отметила, что ему пора подстричься: светло-каштановые с проседью волосы падали на брови. Широкие плечи Сэмюэля были напряжены, и теперь, полностью проснувшись, я ощущала нарастающую в комнате агрессию. Он повернул голову, чтобы посмотреть на руки, которые осторожно ощупывали мои задние лапы, и я увидела его глаза.

Светло-голубые, а не белые, как бывает, когда волк слишком близок к поверхности.

Я успокоилась достаточно, чтобы испытывать благодарность за то, что лежу на своем диване, пусть избитая и жалкая, зато не мертвая или, того хуже, в обществе Кори Литтлтона, вампира и колдуна.

Руки Сэмюэля коснулись моей головы, и я заскулила.

Мой сосед по трейлеру не только вервольф, но и врач, причем очень хороший врач. Конечно, иначе и быть не могло. Он слишком долго был врачом и получил, по меньшей мере, три медицинских диплома на протяжении двух столетий. Вервольфы живут очень долго.

— Она в порядке? — спросил Стефан. Что-то в его голосе меня встревожило.

Губы Сэмюэля напряглись.

— Я не ветеринар, я врач. Могу только сказать, что сломанных костей нет, но, пока она не встала на ноги, это все, что я знаю.

Я попыталась перемениться, чтобы помочь ему, но испытала только острую боль в груди около ребер. И в панике негромко заскулила.

— Что болит? — спросил Сэмюэль, проводя пальцем по моей нижней челюсти.

Тоже больно. Я дернулась, и он отвел руку.

— Подожди, — сказал Стефан с противоположной стороны дивана.

Голос его звучал неправильно. После того, что с ним сделал этот одержимый демоном вампир, я должна была убедиться, что со Стефаном все в порядке. Я повернулась, скуля от боли, и смогла наконец посмотреть на вампира здоровым глазом.

Стефан сидел на полу возле дивана, но, когда я на него посмотрела, встал на колени, так, как стоял, когда был под властью колдуна.

Краем глаза я уловила внезапный прыжок Сэмюэля. Но Стефан под рукой Сэмюэля просто растаял, исчез. Он двигался странно. Вначале я решила, что он ранен, что Сэмюэль уже добрался до него, но потом сообразила, что он движется, как марионетка Марсилиии, госпожи местной семьи вампиров, или как старый-старый вампир, забывший, что значит быть человеком.

— Мир, волк, — сказал Стефан, и я поняла, что с его голосом неладно. Голос был мертвым, лишенным эмоций. — Попробуй снять с нее шлейку. Я думаю, она пытается перемениться, но в шлейке не может это сделать.

Я не замечала, что шлейка по-прежнему на мне. Сэмюэль зашипел, коснувшись пряжек.

— Это серебро, — сказал Стефан, не приближаясь. — Могу расстегнуть, если позволишь.

— Тебе придется многое объяснить, вампир, — проворчал Сэмюэль.

Из всех известных мне вервольфов Сэмюэль — самый спокойный и уравновешенный, но угроза, прозвучавшая в его голосе, отзывалась у меня дрожью в грудной клетке.

— Ты задавал вопросы, на которые я не могу ответить, — спокойно сказал Стефан, но в его голосе появились более теплые, человеческие оттенки. — Очень надеюсь, что Мерседес сможет удовлетворить твое и мое любопытство.

Но сначала кто-то должен снять с нее шлейку, чтобы она могла вернуться к человеческому облику.

Сэмюэль замялся, потом отошел.

— Давай, — сказал он — скорее прорычал, чем сказал.

Стефан двигался медленно. Он подождал, пока Сэмюэль отойдет подальше, прежде чем прикоснуться ко мне. От него пахло моим шампунем, и волосы у него были влажные. Должно быть, принял душ и где-то отыскал чистую одежду. В той комнате в отеле повсюду была кровь убитой женщины. Мои лапы все еще были покрыты ею.

Я на мгновение, внутренней памятью, вспомнила, как хлюпал ковер, пропитанный темной вязкой жидкостью. Меня едва не стошнило, но резкая боль в голове послужила необходимым отвлечением.

Стефану не потребовалось много времени, чтобы снять шлейку, и как только он ее снял, я переменялась. Стефан отошел, и Сэмюэль снова занял свое место возле меня.

И гневно поджал губы, когда коснулся моего плеча. Я покосилась вниз и увидела, что кожа сплошь покрыта синяками, и шлейка сильно ее натерла. Повсюду видны были кусочки свернувшейся крови цвета ржавчины. Я словно побывала в автомобильной аварии.

Стоило мне подумать об автомобилях, как я вспомнила о работе. Посмотрела в окно, но небо было еще темное.

— Который час? — спросила я. Голос звучал хрипло.

Ответил вампир:

— Пять сорок пять.

— Мне нужно одеться.

Я резко встала — и напрасно. Я схватилась за голову, чертыхнулась и снова села, чтобы не упасть.

Сэмюэль отвел мои руки от лба.

— Открой глаза, Мерси.

Я постаралась, но левый глаз по-прежнему открывался с большим трудом. Как только я открыла оба глаза, Сэмюэль ослепил меня фонариком.

— Черт побери, Сэм, — сказала я, пытаюсь вырваться.

— Еще разок, и все.

Он был безжалостен и на этот раз сам раскрыл мой глаз. Потом отложил фонарик и провел руками по моей голове. Когда его пальцы отыскивали больное место, я зашипела.

— Сотрясения нет, Мерси, хотя у тебя на голове шишка размером с яйцо и, если не ошибаюсь, левая часть лица к утру станет лиловой. Так почему этот кровосос утверждает, что ты, по меньшей мере, последние сорок пять минут была без сознания?

— Уже ближе к часу, — сказал Стефан. Он снова сел на пол, еще дальше от меня, но продолжал с напряженностью хищника внимательно наблюдать за мной.

— Не знаю, — ответила я, и мой голос дрожал гораздо сильнее, чем хотелось бы.

Сэмюэль сел на диван рядом со мной, взял небольшое покрывало, скрывавшее ущерб, причиненный Медеей спинке, и укрыл меня. Он потянулся ко мне, но я отстранилась. У доминантного волка стремление защищать — сильнейший инстинкт, а Сэмюэль очень доминантный волк. Протяни ему палец, и он захватит весь мир, а с ним и всю мою жизнь.

Но от него пахло рекой, пустыней, шерстью и чем-то знакомым, сладким, что принадлежало только ему... Я перестала сопротивляться и положила ноющую голову ему на руку. Теплая упругая плоть под виском облегчила головную боль. Может, если не двигаться, голова не отпадет? Сэмюэль издал тихий успокаивающий звук и провел умелыми пальцами по моей голове, не касаясь больного места.

Я не забыла про фонарик и не простила Сэмюэля, но расквитаюсь, когда мне станет лучше. Давно я ни к кому не прислонялась, и, хотя я понимала, как глупо показывать ему такую слабость, сил отстраниться не было.

Я слышала, как Стефан прошел на кухню, открыл холодильник и что-то стал делать на кухонном столе. Потом запах вампира приблизился, и Стефан сказал:

— Пусть выпьет это. Поможет.

— В чем поможет?

Голос Сэмюэля звучал гораздо ниже, чем обычно. Если бы голова болела хоть немного меньше, я бы отодвинулась.

— Обезвоживание. Ее укусили.

Стефану повезло, что я прислонилась к Сэмюэлю. Вервольф начал вставать, но я застонала от этого неожиданного движения и он остановился.

Ну хорошо. Я притворилась, но это помешало Сэмюэлю напасть. Пальцы его до боли сжали мою руку, но эта боль слилась с остальной. Я была не в той форме, чтобы разнимать их, поэтому продолжала изображать беспомощную. Хотелось бы только играть эту роль не так правдоподобно.

Сэмюэль снова сел и отвел с моей шеи волосы. Его пальцы коснулись больного места, которое раньше не чувствовалось за другими болями и ушибами. Но как только он до него дотронулся, начало жечь, и жжение распространилось до самой ключицы.

— Это не я, — сказал Стефан, хотя как-то неуверенно, словно сам в это не вполне верил. Я повернула голову, чтобы видеть его. Но неуверенность в голосе не отразилась на суровом лице.

— Кроме анемии, опасности для нее нет, — сказал Стефан Сэмюэлю. — Нужно гораздо больше, чем простой укус, чтобы превратить человека в вампира. И не знаю, можно ли

вообще превратить Мерси. Будь она человеком, стоило бы опасаться, что он сможет призвать ее и она будет повиноваться его приказам, но ходячие не так уязвимы для нашей магии. Ей просто нужно ликвидировать обезвоживание и отдохнуть.

Сэмюэль бросил на вампира острый взгляд.

— Ты кладешь информации, верно? Если не ты ее укусил, то кто?

Стефан улыбнулся одними уголками губ, как будто во все этого не хотел, и протянул Сэмюэлю стакан апельсинового сока, который уже предлагал и раньше. Я знала, почему он протянул стакан не мне, а Сэмюэлю. Сэмюэль привык защищать свою территорию. И я удивилась тому, что вампир способен это понять.

— Думаю, Мерси расскажет гораздо лучше, — сказал Стефан. В его голосе звучала непривычная тревога, и это отвлекло меня от тревоги по поводу собственнического инстинкта Сэмюэля.

Почему Стефану так необходимо, чтобы рассказывала я? Он ведь тоже там был.

Я взяла у Сэмюэля стакан и села, чтобы больше не прислоняться к нему. И пока не начала пить, не сознавала, как меня мучает жажда. Я не люблю апельсиновый сок — обычно его пьет Сэмюэль. Но у этого был вкус амброзии.

Однако магия была не при чем. Когда я напилась, головная боль не прошла и мне хотелось только забраться в постель и с головой укрыться одеялом. Но пока Сэмюэль все не узнает, отдыха мне не видать, а Стефан, по-видимому, говорить не собирается.

— Несколько часов назад мне позвонил Стефан, — начала я. — Я перед ним в долгу — он помогал освобождать Джесси.

Оба внимательно слушали, Стефан иногда кивал. Когда я добралась до того, как мы входили в номер отеля, Стефан сел на пол ближе ко мне. Он прислонился спиной к дивану, отвернулся от меня и закрыл глаза рукой. Может, просто устал. В окнах уже брезжил рассвет, когда я закончила рассказ своей попыткой убить Литтлтона и последующим соприкосновением со стенами.

— Ты уверена, что все происходило именно так? — спросил Стефан, не отнимая руки от глаз.

Я нахмурилась и села прямее.

— Конечно, уверена.

Он ведь и сам там был. Почему же его голос звучит так, словно я выдумываю?

Он потер глаза и посмотрел на меня. В его голосе звучало облегчение.

— Не обижайся, Мерси. Твои воспоминания о смерти этой женщины очень отличаются от моих.

Я нахмурилась.

— Как это отличаются?

— Ты говоришь, что я просто стоял на коленях, пока Литтлтон убивал горничную?

— Верно.

— Я этого не помню, — сказал он еле слышно. — Помню, что колдун привел женщину, ее кровь позвала меня, и я ответил на этот зов. — Он облизнул губы, и смесь ужаса и голода в его взгляде заставила меня отвернуться. А он продолжил шепотом, словно говорил с собой; — Очень-очень давно я не испытывал жажды крови.

— Ну что ж, — сказала я, не уверенная, что мои слова ему помогут, — выглядел ты не очень красиво. Глаза сверкали, и ты выставил клыки. Но ты ничего ей не сделал.

На мгновение в его глазах сверкнул слабый отсвет рубинового огня, который я видела в

отеле.

— Я помню, как наслаждался кровью этой женщины, размазывал ее по лицу и рукам. И кровь все еще была на мне, когда я привез тебя домой. Мне пришлось смывать ее. — Стефан закрыл глаза. — Это старая церемония, давным-давно запрещенная, но я ее помню. — Он покачал головой и посмотрел на руки, которыми плотно обхватил колени. — Я и сейчас чувствую этот вкус.

Слова неловко повисли. Немного погодя Стефан продолжил:

— Я затерялся в крови. — Он произнес это так, словно это означало нечто сверх буквального смысла. — А когда пришел в себя, второго вампира не было. Женщина лежала, как я ее оставил, а ты была без сознания.

Он посмотрел на светлеющее окно, и его голос опустился на октаву, как иногда у волков:

— Не могу вспомнить, что с тобой случилось.

Он протянул руку и коснулся моей ноги — ближайшей к нему части моего тела. А когда снова заговорил, его голос звучал нормально.

— Ложная память о жажде крови вполне возможна. — Он передвинул ладонь, так что обхватил пальцы моей ноги; его кожа была прохладной. — Но жажда крови обычно затмевает только незначительные вещи. Для меня ты очень важна, Мерседес. Но я подумал, что для Кори Литтлтона ты совсем не важна. И это давало мне надежду, пока я вез тебя сюда.

Я важна для Стефана? Я всего лишь его механик. Да, однажды он оказал мне услугу, но этой ночью я полностью с ним расплатилась. Мы могли бы стать друзьями, если бы я не считала, что у вампиров не бывает друзей. Я немного подумала и поняла, что и Стефан мне небезразличен. И если бы с ним сегодня ночью что-нибудь случилось — что-нибудь плохое — это причинило бы мне боль. Может, он чувствовал то же самое.

— Ты считаешь, он вмешался в твою память? — спросил Сэмюэль, пока я думала. Сэмюэль придвинулся и обнял меня за плечи. Это было приятно. Слишком приятно. Я отодвинулась от Сэмюэля, и Стефан убрал руку от моей ноги.

Он кивнул.

— Либо он изменил мои воспоминания, либо Мерседес ошибается. Не думаю, что он мог бы вмешаться в память Мерседес, хоть он и колдун. На ходячих такое не действует.

Сэмюэль произнес:

— Гм-м-м... Не понимаю, зачем ему внушать Мерси, что ты не виноват в убийстве. Тем более что он считал ее обычным койотом.

Он взглянул на Стефана, и тот пожал плечами.

— Ходячие представляли угрозу всего несколько десятилетий, да и было это столетия назад. Литтлтон совсем новый вампир, я удивился бы, если бы он вообще слышал о таких, как Мерси. Демон мог знать: невозможно сказать, что знает и чего не знает демон. Но у нас есть доказательство того, что Литтлтон считает Мерси только койотом, — она по-прежнему жива.

Повезло мне.

— Ну хорошо, — Сэмюэль потер лицо. — Позвоню-ка я Адаму. Пусть придет в отель команду чистильщиков. Пока никто там не побывал и не поднял крик, обвиняя вервольфов. — Он вопросительно взглянул на Стефана. — Или просто позвонить в полицию и сказать, что это вампир?

Прошло всего полгода с тех пор, как вервольфы вслед за малым народом перестали таиться и предстали перед обществом. Они рассказали людям далеко не все, а те вервольфы, которых предъявили, служили в армии и в целом были обособлены от населения. Пока мы все еще сдерживали дыхание, ожидая, что из этого выйдет. До сих пор обходилось без волнений вроде тех, что сопровождали несколько лет назад явление людям малого народа.

Отчасти это спокойствие объяснялось тем, что Маррок тщательно подготовился. Американцы в современном мире чувствуют себя в безопасности. Бран постарался укрепить эту иллюзию, выставляя вервольфов жертвами, которые скрывают свою инакость, проявляя ее только для защиты других. Он хотел, чтобы публика поверила — пусть на время. — Что вервольфы обычные люди, только в полнолуние обрастают шерстью. И вервольфы, первыми представшие перед людьми, все были героями, отдавшими жизнь ради более слабых. Маррок, как и малый народ до него, предпочел как можно тщательнее скрывать темные грани натуры вервольфов.

Но, думаю, главной причиной спокойствия было мирное поведение малого народа, иных. Более двух десятилетий малый народ умудряется казаться слабым, мягким, добрым и дружелюбным. Те, кто читал братьев Гримм или Эндрю Лэнга^[11], знают, какой это подвиг.

Что бы ни говорил Сэмюэль, его отец Маррок никогда не согласится предъявить обществу вампиров. Скрыть, что вампиры питаются кровью, невозможно.

А как только люди поймут, что вампиры чудовища, они могут понять, что и вервольфы чудовища.

Что скажет Маррок, Стефан знал не хуже Сэмюэля. Он улыбнулся вервольфу, обнажив клыки.

— Все уже убрано. До того как отвезти Мерси домой, я позвонил своей госпоже. Нам, чтобы прибрать за собой, не нужны вервольфы.

Обычно Стефан гораздо вежливее, но и у него выдалась тяжелая ночь.

— Другой вампир снабдил тебя ложными воспоминаниями. — Я пыталась отвлечь мужчин от столкновения. — Это возможно потому, что он колдун?

Стефан, словно в замешательстве, кивнул.

— Мы можем так поступать с людьми, — сказал он. Я этого не знала и не хотела знать. Он заметил мою реакцию и объяснил: — Ну, то есть мы можем оставлять в живых тех, от кого обычно питаемся, Мерседес. Но люди одно дело, а вампиры — совсем другое. Считается, что друг с другом мы так обойтись не можем. Не волнуйся: вампир не в состоянии затронуть твою память. Даже колдун.

Я почувствовала облегчение. Если бы я начала формулировать, чего бы мне не хотелось получать от вампиров, то вмешательство в мысли стояло бы на одном из первых мест.

— Поэтому ты позвал меня с собой. — Я села прямее. — Ты сказал, что он поступил так с другим вампиром. Во что он заставил поверить другого вампира?

Стефан выглядел настороженным и виноватым.

— Ты знал, что он кого-то убил? — обвиняла я. — Вот что он сделал с другим вампиром? Заставил поверить, что на самом деле убил тот?

Воспоминание о медленной смерти, которую я не смогла предотвратить, заставило меня стиснуть кулаки.

— Я не знал, что он сделает. Но да — я считал, что он убил и заставил моего друга поверить, будто убийца он. — Стефан произнес это так, словно у него было горько во рту. — Но я не мог действовать без доказательств. Многие, кто не смог этого доказать, уже умерли.

— Ты вампир, — сказал Сэмюэль. — И не пытайся нас убедить, что тебе не все равно, когда умирают невинные.

Стефан встретил взгляд Сэмюэля.

— В прошлом я наглотался смерти, и меня от нее тошнит. Но думай, как хочешь. Множество смертей стали бы угрозой нашей тайне, вервольф. Даже если смерть человека мне безразлична, я бы не хотел, чтобы смерть многих подвергала нас опасности.

Значит, умрут многие?

Мне вдруг стала понятна его уверенность в том, что шум никого в отеле не потревожит. Тварь, убившая женщину, не задумываясь убила бы множество людей.

— Сколько еще умерли сегодня?

— Четверо. — Стефан не прятал от Сэмюэля глаз. — Ночной портье и три постояльца. К счастью, отель был почти пуст.

Сэмюэль выругался.

Я сглотнула.

— Значит, тела просто исчезнут?

Стефан вздохнул.

— Мы стараемся не допустить пропажи людей, которых могут хватиться. Телам придадут такой вид, чтобы они вызвали как можно меньше шума. Попытка грабежа, не в меру бурная ссора любовников...

Я открыла рот, собираясь сказать нечто необдуманное, но сдержалась. Правила, по которым мы все живем, не Стефан придумал.

— Ты подверг Мерси опасности, — проворчал Сэмюэль. — Если он в силах заставить вампира убивать, то мог бы заставить тебя убить Мерси.

— Нет. Он не мог заставить меня причинить вред Мерси. — Голос Стефана звучал так же гневно, не давая возможности усомниться в твердости ответа. Сам Стефан, должно быть, тоже это понял, потому что снова повернулся ко мне. — Я поклялся честью, что ночью ты не пострадаешь. Я недооценил врага. В этом я виноват.

— «Чтобы зло восторжествовало, достаточно бездействия добрых людей», — процитировала я. В колледже мне пришлось трижды прочесть «Размышления о французской революции» Эдмунда Берка^[12]; некоторые его утверждения словно нарочно написаны для меня: я росла, понимая, сколько на самом деле зла существует в мире.

— О чем ты? — спросил Стефан.

— Мое присутствие в номере отеля поможет тебе уничтожить чудовище? — спросила я.

— Надеюсь.

— Тогда это стоило небольшой боли, — решительно сказала я. — И перестань бить себя в грудь.

— Дела чести решаются не так легко, — сказал Сэмюэль, глядя Стефану в глаза.

Стефан как будто не возражал, но я ничего больше не могла для него сделать.

— Откуда ты знал, что с Литтлтоном неладно?

Стефан перестал смотреть в глаза Сэмюэлю; опустив голову, он посмотрел на Медею, которая забралась к нему на колени и с мурлыканьем улеглась там. Будь он человеком, я сказала бы, что у него усталый вид. Если бы он так отвел взгляд в присутствии менее цивилизованного вервольфа, у него могли бы возникнуть сложности, но Сэмюэль знал: отводя взгляд, вампир не признает себя побежденным.

— У меня есть друг по имени Дэниэл, — сказал немного погодя Стефан. — Он очень

молод — для вампира, и, что называется, славный мальчуган. Когда месяц назад в отеле остановился незнакомый вампир, Дэниэла послали к нему спросить, почему тот не явился за обычным разрешением.

Стефан пожал плечами.

— Нам часто приходится так делать. Это обычно и неопасно. Вполне подходящее поручение для молодого вампира.

Но в голосе Стефана звучала нотка неодобрения, и я подумала: он сам не отправил бы Дэниэла на встречу с незнакомым вампиром.

— Каким-то образом Дэниэла выследили. Как — он не помнит. Что-то разбудило в нем жажду крови. Он не доехал до отеля. Небольшая группа сезонных рабочих заночевала в вишневом саду накануне сбора урожая. — Он поверх моей головы переглянулся с Сэмюэлем. — Как и вчера ночью, последствия были неприятны, но устранимы. Мы забрали их трейлеры и машины и избавились от них. Владелец сада решил, что работники просто устали ждать и отправились в другое место. Дэниэла наказали. Не очень строго, потому что он молод, а жажда бывает невероятно сильна. Но теперь он вообще не может есть по своей воле. Он умирает от сознания своей вины. Я же говорю, он славный мальчуган.

Стефан глубоко вдохнул, прочищая легкие. Однажды он объяснил мне, что большинство вампиров дышат, чтобы не привлекать внимания людей. Думаю, однако, некоторые делают это потому, что отсутствие дыхания тревожит их не меньше, чем нас, остальных. Конечно, если они разговаривают, им приходится хоть немного вдыхать, чтобы выдохнуть.

— В последовавшей сумятице, — продолжал Стефан, — никто так и не проверил чужого вампира, который в конце концов провел в городе всего одну ночь. Я не сомневался в том, что, собственно, случилось, пока несколько дней назад не попытался помочь Дэниэлу. Он рассказал мне, что произошло, и его рассказ показался мне странным и подозрительным. Я знаю, что такое жажда крови. Дэниэл не мог объяснить, что заставило его свернуть и поехать в Бентон-сити, за двадцать миль от отеля, куда он должен был явиться. Дэниэл очень послушен, как один из ваших подчиняющихся волков. Без провокации он не мог ослушаться приказа. К тому же он не умеет водить, как я. Ему пришлось всю дорогу вести машину, а вампир в приступе жажды крови на это не способен.

И я решил проверить вампира, с которым Дэниэл должен был встретиться. Нетрудно было узнать у портье в отеле его имя. Вампира Кори Литтлтона я не нашел, но человек с таким именем предлагал через Интернет свои услуги в области магии.

Стефан легко улыбнулся, глядя в пол.

— Нам запрещено превращать не вполне людей. Обычно это вообще не получается, но ходят слухи... — Он неловко пожал плечами. — Я видел достаточно, чтобы понимать — это хорошее правило. Начиная поиски, я думал, что обнаружу превращенного ведуна. Мне и в голову не приходило, что это может быть колдун. Я столетиями не встречал колдунов. Большинство людей сегодня не верит в зло и в знания, необходимые, чтобы заключить договор с демоном. Поэтому я решил, что Литтлтон — ведун. Но очень сильный ведун, если сумел изменить память; Дэниэла, пусть тот еще мальчишка.

— Почему ты пошел к нему с Мерси? — спросил Сэмюэль. — Разве с тобой не мог пойти другой вампир?

— Дэниэл был наказан. — Стефан нетерпеливо постучал пальцем по колену. — Дело считалось решенным, и госпожа не хотела больше о нем слышать.

Я встречалась с Марсилией, госпожой семьи Стефана. И мне не показалось, что ее

может взволновать смерть нескольких или даже нескольких сотен людей.

— Когда вампир вернулся, я подумал, что нужно действовать через ее голову. Все считают, что Дэниэл просто пал жертвой жажды крови. И я добровольно вызвался поговорить с этим незнакомцем. Я подумал: этот вампир может помнить, что на самом деле делал Дэниэл в ту ночь. А Мерси я прихватил просто на всякий случай. Я не думал, что он сможет сделать со мной то же, что с Дэниэлом.

— Значит, ты не думаешь, что этих людей убил Дэниэл? — спросила я.

— Ведун, ставший вампиром, может внушить ложные воспоминания, но не может заставить Дэниэла убивать. Колдун? — Стефан развел руки. — Колдун способен на многое. Я считаю, что мне повезло: ведь он убил сам, а не заставил убивать меня, охваченного жаждой крови. Он почти убедил меня, что я виновен. За последние годы я стал заносчив, Мерседес. И не верил, что он в силах что-нибудь со мной сделать. В конце концов, Дэниэл совсем молод. Ты должна была послужить страховкой, но я не думал, что в этом будет нужда.

— Литтлтон — колдун, — сказала я. — И какой-то идиот-вампир решил его превратить. Кто? Кто-то из местных? Если нет, зачем Литтлтон появился здесь?

Стефан снова улыбнулся.

— Это вопросы я собираюсь поставить перед госпожой. Превращение было ошибкой. Как с нашей прекрасной Лили.

Я знакома с Лили. Человеком она была безумна, и, когда стала вампиром, это ее состояние не изменилось. Она также чудесная пианистка. Ее создателя так пленила игра Лили, что он больше ни о чем не подумал. И вервольфы, и вампиры стремятся избавиться от тех, кто может привлечь к ним нежелательное внимание. Необыкновенное дарование Лили защитило ее, хотя ее создателя за такую небрежность убили.

— Как это — ошибкой? — спросила я. — Я видела твою реакцию. Ты почуял демона еще до того, как мы вошли в отель.

Он покачал головой.

— Демоны в наши дни встречаются редко. Одержимого демоном немедленно заключают в психлечебницу, где держат под контролем с помощью лекарств. Большинство молодых вампиров вообще никогда не встречались с колдунами. Ты ведь сама не поняла, что учуяла, пока я не сказал.

— А как я могла понять? — Мысленно я перебирала все, что знаю о колдовстве: совсем немного. — Единственное желание демона — учинить как можно больше разрушений. И вампиризм способен лишь усилить способность Литтлтона наносить увечья.

— А вы знаете что-нибудь о демонах, Сэмюэль Корник? — спросил Стефан.

Сэмюэль отрицательно покачал головой.

— Недостаточно, чтобы помочь. Но я позвоню отцу. Если кто-нибудь знает, так он.

— Это дело вампиров.

Сэмюэль поднял брови.

— Нет, если колдун оставляет за собой кровавый след.

— Мы позаботимся и о нем, и о его следе, — Стефан повернулся ко мне. — Хочу попросить тебя еще о двух одолжениях, хотя ты больше ничего мне не должна.

— Что тебе нужно? — Я надеялась, что это не потребует немедленных действий. Я страшно устала и очень хотела смыть с рук кровь — в буквальном и переносном смысле, хотя понимала, что последнее затруднительно.

— Пойдешь со мной к моей госпоже и расскажешь то, что сегодня рассказала нам? Она не поверит, что вновь сотворенный вампир мог проделать то, что проделал этот. Да и никто в семье не обрадуется появлению среди нас колдуна.

Мне не особенно хотелось снова встречаться с Марсилией. Стефан, должно быть, понял это по моему лицу, потому что продолжил:

— Его нужно остановить, Мерси. — Он снова набрал в грудь побольше воздуха, гораздо больше, чем нужно просто чтобы говорить. — Сегодня на суде меня будут спрашивать об этом. Я расскажу, что видел и слышал, и они поймут, правду я говорю или лгу. Я могу рассказать им, что видела ты, но без твоего свидетельства мне не поверят. Без тебя мои воспоминания о смерти женщины они примут за факт, а твои слова мне — за недостоверное свидетельство.

— Что с тобой сделают, если тебе не поверят? — спросила я.

— Я не новый вампир, Мерседес. Если они решат, что, убив женщину, я подверг опасности весь наш вид, меня уничтожат. Как вожак стаи уничтожает одного волка, чтобы защитить остальных.

— Хорошо, — медленно согласилась я.

— Только я пойду с ней, — вмешался Сэмюэль.

— Сопровождение по ее выбору, согласился Стефан. — Может, Адам Хауптман или один из его волков. Доктор Корник, прошу не считать это оскорблением, но я не думаю, что вам следует идти. В прошлый раз вы не очень понравились моей госпоже, а самоконтроль в последнее время не ее сильная сторона.

— Дашь знать, когда я понадобится, — сказала я раньше, чем Сэмюэль затеял спор. — Сопровождающих я найду сама.

— Спасибо, — ответил Стефан и, поколебавшись, добавил: — Тебе опасно напоминать семье, кто ты.

Ходячие не пользуются популярностью среди вампиров. Я узнала, что, когда вампиры впервые появились в этой части Нового Света, ходячие доставляли им неприятности, и они почти всех их истребили. Подробности Стефан мне не рассказывал. Кое о чем я догадалась сама. Например, я знаю, что на меня не действует магия вампиров. Но не понимаю, какую опасность могу для них представлять. Я ведь не вервольф.

Стефан много лет знал, кто я такая, но не сообщал семье, пока я не обратилась к ним за помощью. И тогда у него были из-за этого неприятности.

— Они уже знают, кто я, — сказала я ему. — Я приду. А что за второе одолжение?

— Уже слишком светло чтобы я мог уйти, — сказал он, неопределенно махнув рукой в сторону окна. — У тебя найдется темный закуток, где я мог бы провести день?

Единственное место, где Стефан может спать днем, мой шкаф. У шкафов в комнате Сэмюэля и в третьей спальне разбитые дверцы, которые пропускают слишком много света. Конечно, у меня на всех окнах шторы, но их недостаточно для безопасности вампира.

Моя спальня в одном конце трейлера, спальня Сэмюэля — в противоположном. Я открыла дверь, впуская Стефана, но Сэмюэль тоже вошел. Я вздохнула, но не стала возмущаться. Сэмюэль не оставит меня наедине со Стефаном без склоки. А я слишком устала, чтобы насладиться этой борьбой.

Моя спальня завалена одеждой, чистой и грязной. Чистая одежда сложена стопками. Руки не доходят убрать ее в ящики. Среди одежды валяются книги, журналы и письма, которые я еще не разобрала. Если бы я знала, что ко мне зайдут мужчины, прибралась бы.

Я открыла шкаф и вынула оттуда пару коробок и две пары обуви. Шкаф опустел, только с одного края висели четыре платья. Шкаф просторный. Стефан вполне поместится.

— Сэмюэль дает тебе запасную подушку и одеяло, — сказала я, собирая одежду. Потребность умыться все время усиливалась и теперь стала непреодолимой. Я хотела смыть с кожи запах смерти, потому что не могла удалить его из головы.

— Мерседес, — мягко сказал Стефан, — одеяло мне не нужно. Я не буду спать. Я буду мертв.

Не знаю, что стало последней каплей. Возможно, намек на то, что я не понимаю, кто вампиры на самом деле. Хотя я сама видела, на что они способны. Я уже была на полпути к ванной, но повернулась и посмотрела на обоих мужчин.

— Сэмюэль даст тебе одеяло, — свирепо сказала я. — И подушку. И днем ты будешь спать в моем шкафу. Мертвецы в моей спальне не задерживаются.

Я захлопнула за собой дверь ванной и, перед тем как включить душ, услышала слова Сэмюэля:

— Схожу за постелью.

На двери моей ванной зеркало в полный рост. Дешевое, в поддельной дорогой раме. Складывая одежду на верх раковины, где она не промокнет, я посмотрела на себя.

Вначале я увидела только засохшую кровь. В волосах, на лице, на плечах, на руках и на бедрах. Даже на ногах.

Меня вырвало в унитаз. Дважды. Потом я вымыла руки и лицо и прополоскала рот.

Вид крови мне знаком. Ведь, в конце концов, иногда я становлюсь койотом. И свою долю кроликов и мышей я убила. Прошлой зимой я убила двух людей или вервольфов. Но вчерашняя смерть была совсем другой. Злой. Вампир убивал не из-за голода, не ради мести или самозащиты. Он убил женщину и еще четверых, потому что это ему нравилось. И я не смогла его остановить.

Я снова посмотрела в зеркало.

На ребрах и плечах синяки. Темно-лиловые полосы там, где на грудь и ребра давила шлейка. Должно быть, появились, когда я пыталась освободиться от нее. Синяк на правом плече снаружи скорее черный, чем лиловый. Левая часть лица от щеки до подбородка ярко-красная, с обещанием великолепного кровоподтека.

Наклонившись вперед, я коснулась распухшего века. Вылитая жертва насилия... если не считать двух темных точек на шее.

Похоже на укус змеи: два темных полузапекшихся струпа, окруженные припухшей воспаленной кожей. Я прикрыла их ладонью и задумалась, насколько можно полагаться на слова Стефана, что я не превращусь в вампира, и не буду подчиняться приказам Литтлтона.

Я взяла перекись водорода и помазала вокруг ранок, зашипев, когда начало жечь. Это не заставило меня почувствовать себя чище. Бутылочку я прихватила с собой под душ, вылила на плечи и начала отскребать кровь.

Она исчезла, хотя вода под ногами на несколько секунд стала ржавой. Но сколько бы мыла и шампуня я ни изводила, ощущение нечистоты не исчезало. Чем больше я скребла, тем лихорадочнее это делала. Литтлтон не изнасиловал меня, но все равно проник в мое тело. Стоило вспомнить его рот, и мой желудок переворачивался.

Я стояла под горячим душем, пока вода не стала холодной.

Глава третья

Когда я наконец вышла из ванной, в спальне было пусто, а дверца шкафа закрыта. Я взглянула на часы. Пятнадцать минут на то, чтобы добраться до гаража, если я намерена открыть его вовремя.

Я радовалась, что никто не слышал моих стонов и аханий, когда я одевалась. Никто живой.

Все мышцы болели, особенно на правом плече, и стоило мне нагнуться, чтобы вдеть шнурки и обуться, в побитой стороне лица начиналась пульсация. Но мне будет еще больнее, если я потеряю клиентов из-за того, что не открою вовремя.

Я распахнула дверь спальни, и на меня посмотрел Сэмюэль, сидевший на диване. Он тоже не спал всю ночь; ему следовало бы лечь, а не дожидаться меня. Он поднялся и вынул из холодильника пузырь со льдом.

— Возьми, приложи к лицу.

Было очень приятно, и я прислонилась к двери, наслаждаясь онемением щеки.

— Я позвонил Зи и рассказал, что случилось, — сказал Сэмюэль. — Можешь лечь в постель. Сегодня Зи поработает за тебя. Он сказал, что может выйти и завтра, если понадобится.

Зибольд Адельбертсмайтер, известный друзьям как Зи, хороший механик, самый лучший. Это он научил меня всему, что я знаю, а потом продал мне свой гараж. Он к тому же иной и первый из тех, к кому я могу обратиться за информацией о колдунах.

Он иногда подменяет меня, когда я болею, мне и в голову не пришло просить его помочь сегодня в гараже: доказательство того, что мне, пожалуй, действительно лучше остаться дома.

— Тебя шатает, — немного погодя сказал Сэмюэль. — Иди в постель. Отоспись.

— Спасибо, — пробормотала я, возвращаясь в спальню. Упала ничком на кровать и застонала: лицо болело. Я поворочалась, улеглась удобнее, закрыла голову подушкой и задремала — примерно на полчаса.

Пахло Стефаном.

Дело не в том, что пахло плохо: пахло самим Стефаном, вампиром и еще попкорном. Но я не могла выбросить из головы его слова, что днем он мертв. Уф! Невозможно спать, когда у тебя в шкафу мертвец.

— Спасибо, Стефан, — мрачно сказала я ему, выволакивая ноющее тело из постели. Если не получается спать, пойду на работу.

Я открыла дверь гостиной, ожидая, что в ней будет пусто, поскольку Сэмюэль тоже всю ночь не спал.

Но Сэмюэль сидел за кухонным столом и пил кофе с Адамом — Альфой местной стаи вервольфов и моим соседом. Наши задние дворы граничат.

Я не слышала, как пришел Адам. С тех пор как в моем доме поселился Сэмюэль, я стала неосторожной. Следовало догадаться, что он придет, как только Сэмюэль ему позвонит, и, конечно, Сэмюэль должен был ему позвонить и рассказать о бойне в отеле. Адам — Альфа и отвечает за благополучие всех вервольфов в округе.

Когда я открыла дверь, оба посмотрели на меня.

Мне очень захотелось повернуться и юркнуть обратно в спальню, где в шкафу лежит

мертвец. Нет, я не тщеславна. А даже если бы была, мой способ зарабатывать на жизнь, все эти смазки и грязь, быстро излечил бы меня. И все же мне не хотелось попадаться на глаза двум привлекательным мужчинам, когда одно веко почти не поднимается, а половина лица лилово-синяя.

Стефан мертв и вряд ли заметит, как я выгляжу. К тому же я никогда не ходила на свидания со Стефаном. Конечно, сейчас я и с Адамом и Сэмюэлем не встречаюсь.

С Сэмюэлем — с шестнадцати лет.

Сэмюэля я знаю, сколько себя помню. Я выросла в стае Маррока на северо-западе Монтаны. Эта стая была лучшим, что смогла найти моя мать. По чистой случайности ее двоюродный дед входил в стаю Маррока. Я привыкла считать, по счастливой случайности. Большинство койотов, просто убило бы меня, как волк убивает койота, забредшего на его территорию.

Бран, Маррок, глава всех вервольфов Северной Америки, вдобавок еще очень хороший человек. Он поселил меня у одного из своих волков и вырастил почти как одну из стаи. Почти.

Сэмюэль — сын Маррока. Он был рядом, когда я пыталась выжить в мире, где для меня не было места. И только когда Маррок объяснил мне, что Сэмюэлю нужны дети, а не моя любовь, я поняла, что придется самостоятельно искать дорогу в жизни, ни к кому не прилепляясь.

Я бросила Сэмюэля и стаю и никого из них не видела пятнадцать лет, почти половину своей жизни. Но прошлой зимой все изменилось. И теперь у меня в телефоне номер сотового Маррока, а Сэмюэль решил переехать в Тройной город. Более того, он решил поселиться у меня.

Точно не могу понять, почему. Хотя я хорошо к нему отношусь, мой дом — это длинный трейлер, мой ровесник.

Сэмюэль врач и привык к более высоким стандартам жизни. Конечно, много времени отняло оформление бумаг. Только месяц назад он наконец получил лицензию, дающую ему право практиковать в штате Вашингтон, а не только в Монтане и Техасе. Тогда Сэмюэль бросил работу ночного продавца в круглосуточном магазине и устроился в больницу в Кенневике, в отделение скорой помощи. Но, несмотря на выросший доход, съезжать не собирался. Временное пребывание в моем доме превратилось в полгода и привело к некоторым переменам.

Вначале я отказалась его принять.

— Почему бы тебе не жить у Альфы? — спросила я.

Как Альфа местной стаи, Адам привык к постоянным гостям в доме, к тому же у него больше спален, чем у меня. Я не стала выяснять, почему Сэмюэль не купит себе дом. Он уже объяснил мне, что слишком долго жил в одиночестве. Вербольфы не любят одиночество. Им нужен кто-нибудь: стая или семья, иначе они начинают вести себя странно. А вервольфы, ведущие себя странно, обычно кончают тем, что умирают — и при этом иногда забирают с собой немало людей.

Сэмюэль приподнял брови и спросил:

— Ты правда хочешь, чтобы мы убили друг друга? Адам — Альфа, но я больший доминант, чем он. Мы достаточно долго прожили, чтобы держать себя в руках. Но если будем жить вместе, рано или поздно вцепимся друг другу в глотку.

— Дом Адама всего в ста ярдах от моего, — сухо ответила я. Относительно других

волков Сэмюэль совершенно прав. Но для себя он создает правила сам. И, если бы захотел жить в мире с Адамом, сумел бы.

— Пожалуйста.

Тон его был максимально далек от упрашивания.

— Нет, — сказала я.

Еще одна затяжная пауза.

— Как же ты объяснишь соседям, что у тебя на пороге спит незнакомый мужчина?

Он не шутил. Пришлось его впустить.

Я сказала ему, что, как только он вздумает заигрывать со мной, вылетит вон — без ушей. Сказала, что больше не люблю его, хотя мои слова могли бы возыметь больший эффект, если бы я сама была в этом уверена. Мне помогло то, что я знала: он не любил меня, когда попытался сбежать со мной. Мне тогда было шестнадцать, а ему бог знает сколько.

На самом деле все не так плохо, как кажется. Сэмюэль вырос в ту пору, когда женщины выходили замуж моложе шестнадцати лет. Прожившему много лет вервольфу трудно приспособиться к современному образу мыслей.

Но я бы хотела иметь возможность винить его в этом. Это помогло бы мне не забывать: я была нужна ему только ради детей, способных выжить.

Вервольфами не рождаются, ими становятся. Чтобы стать вервольфом, нужно пережить такое свирепое нападение, от которого едва не умираешь: только это позволяет магии вервольфов преобразовать иммунную систему организма. Многие, очень многие родичи вервольфов, которые и сами хотят стать вервольфами, погибают при такой попытке. Сэмюэль пережил всех своих жен и детей. Все его дети, которые пытались стать вервольфами, погибли.

Самки вервольфов не могут рожать: в полнолуние их беременность заканчивается выкидышем. Обычные женщины могут иметь детей от вервольфов, но вынашивают до срока только младенцев с исключительно человеческой ДНК.

Но я ведь и не человек, и не вервольф.

Сэмюэль был убежден, что со мной будет по-другому. Меня не зовет луна, превращение проходит не так напряженно, да и вообще оно необязательно. Однажды я три года прожила, не принимая обличье койота. В дикой природе волки и койоты скрещиваются, почему это не могут сделать вервольф и ходячая?

Не знаю, каков биологический ответ на этот вопрос, но вот мое решение: я не собираюсь быть племенной кобылой, большое спасибо. Поэтому Сэмюэль не для меня.

Мое чувство к Сэмюэлю следовало надежно отодвинуть в прошлое, но я никак не могла убедить себя, что испытываю к нему просто теплое чувство, вызванное встречей со старым другом.

Может, я пришла бы к какому-нибудь окончательному решению относительно Сэмюэля, если бы не Адам.

Адам стал проклятием моего существования в Тройном городе, где он железной рукой правил местной стаей. Подобно Марроку, он был склонен обращаться со мной, как с одной из своих подданных, когда ему это было нужно, и как с бродяжкой-человеком, когда не нужно. Мягко выражаясь, он очень властен. Он провозгласил меня перед всей стаей своей подругой, а потом имел наглость объяснить мне, что это для моей же безопасности, чтобы его волки не тревожили меня — койота, живущего на их территории. И когда он это сказал, вопрос был решен, и я уже никак не могла изменить свой статус в глазах стаи.

Но прошлой зимой я понадобилась ему, и с тех пор положение стало меняться.

У нас было три свидания. Во время первого у меня была сломана рука, и Адам был очень осторожен. Во время второго он и его дочь-подросток взяли меня на спектакль Ричлендской оперной труппы «Пираты из Пензенса»^[13]. Я отлично провела время. На третьем свидании рука у меня почти зажила, и не было ни Джесси, ни аудитории из старшеклассников, чтобы охладить наши возможные страстные порывы. Мы отправились танцевать, и только Джесси, ждущая дома отца, и Сэмюэль у меня дома помогли нам остаться одетыми.

Адам отвез меня домой, и тогда я достаточно пришла в себя, чтобы испугаться. Влюбиться в вервольфа — не самое безопасное дело. Влюбиться в Альфу гораздо хуже. Особенно для такой, как я. Я слишком долго боролась, чтобы оставаться собой, и не могла теперь уподобиться волкам стаи.

Поэтому, когда он пригласил меня в следующий раз, я неожиданно сослалась на занятость. Избегать того, кто живет в соседнем доме, нелегко, но я умудрялась. Помогло то, что вервольфы неожиданно перестали таиться, и Адаму теперь приходилось постоянно курсировать между Вашингтоном, округ Колумбия, и Тройным городом.

Хотя Адам оказался одним из приблизительно ста вервольфов, которые открылись публике, у Брана он был не самым первым. У Адама не тот темперамент, чтобы стать знаменитостью. Но Адам больше сорока лет работал на правительство — вначале служил в армии, потом был консультантом по безопасности, — и оброс многочисленными связями и выработал понимание политики. Все это делало его бесценным и для Маррока, и для правительства, которому пришлось решать, что делать с очередной группой сверхъестественных существ.

Благодаря его напряженному графику и моей тактике уклонения я в итоге не видела его почти два месяца.

Даже на мой окривелый взгляд он прекрасен: гораздо красивее, чем я помнила. Хотелось смотреть на его славянские скулы и чувственный рот. Черт побери! Я оторвалась от Адама и посмотрела на Сэмюэля, что вряд ли было безопаснее. Сэмюэль не так красив, но моим глупым гормонам все равно.

Первым нарушил молчание Сэмюэль.

Почему ты не в постели, Мерси? — прорычал он. — У меня на столе на прошлой неделе умерла жертва аварии, так она выглядела лучше!

Адам встал и четырьмя большими, пружинистыми шагами пересек гостиную. Я ждала, как кролик в силках: понимала, что нужно бежать, но не могла. Он остановился передо мной и негромко присвистнул, разглядывая ущерб. А когда наклонился и коснулся моей шеи, из кухни донеслось шипение.

Сэмюэль раздавил кофейную чашку. Убирая осколки, на меня он не смотрел.

— Ужасно, — сказал Адам, вновь привлекая к себе мое внимание. — Глаз видит?

— Хуже, чем другой, — ответила я. — Но достаточно прилично, чтобы заметить, что ты не на пути в ДиСи^[14], как следовало бы.

Вчера днем он вернулся домой на полнолуние, но я знала, что час назад он должен был улететь обратно.

Край его рта чуть приподнялся, а я готова была откусить себе язык: ведь я дала ему знать, что слежу за его передвижениями.

— У меня изменилось расписание. Несколько часов назад я должен был улететь в Лос-

Анджелес. ДиСи — на прошлой неделе и на следующей.

Улыбка исчезла, глаза сощурились, и он коротко объяснил:

— Моя бывшая жена решила, что она опять влюбилась. И неизвестно на сколько отправилась со своим новым бойфрендом в Италию. Когда я позвонил, Джесси уже три дня жила одна. — Джесси, его пятнадцатилетняя дочь, летом живет с матерью в Юджине. — Я купил ей билет на самолет, и через несколько часов она будет здесь. А Брану я сказал, что пока буду занят. Ему придется какое-то время самому заниматься политиками.

— Бедная Джесси, — сказала я.

Джесси — одна из причин моего уважения к Адаму, хоть он и раздражает меня больше других. Он никогда и ничему: ни бизнесу, ни стае — не позволяет встать между ним и дочерью.

— Так что какое-то время побуду здесь.

Не эти слова, а взгляд, который он на меня бросил, заставил меня отступить на шаг. Терпеть этого не могу.

Я решила сменить тему.

— Отлично. Даррил прекрасный парень, но слишком уж строг с Уорреном, когда тебя нет.

Даррил — второй в стае после Адама, а Уоррен третий. В большинстве стай эти два ранга настолько близки, что между их обладателями часто возникает напряжение, особенно когда Альфы нет поблизости. А сексуальная ориентация Уоррена это напряжение только усиливала.

Трудно быть не таким, как все, среди людей. Быть иным среди волков обычно означает смерть. Мало кто из вервольфов-гомосексуалистов живет долго. Уоррен силен, жесток, привык рассчитывать только на себя, и он лучший друг Адама. Этого сочетания хватало, чтобы сохранить ему жизнь, но ему не всегда удобно в стае.

— Знаю, — сказал Адам.

— Лучше бы Даррил не был так привлекателен, — небрежно заметил Сэмюэль, пересекая гостиную и останавливаясь рядом с Адамом.

Вообще-то он должен был встать за ним, потому что Адам — Альфа, а Сэмюэль — одинокий волк, не обладающий никаким статусом в иерархии стаи. Но Сэмюэль не просто одинокий волк, он сын Маррока и более доминантен, чем Адам, если бы вздумал настаивать.

— Попробуй сказать это Даррилу, — дерзко предложила я.

— Не нужно. — Адам улыбнулся, но его голос звучал серьезно. Обращаясь к Сэмюэлю, он не сводил глаз с меня. Мне он сказал: — Сэмюэль говорит, тебе понадобятся сопровождающие, когда ты вскоре отправишься в семью вампиров. Позвони, а я найду, кто пойдет с тобой.

— Спасибо, позвоню.

Он легко коснулся пальцем моей больной щеки.

— Я бы пошел сам, но вряд ли это разумно.

Я искренне с ним согласилась. Вервольфы должны были служить охраной и показать, что у меня есть друзья. Если в эскorte будет Альфа, начнутся игры власти между ним и госпожой вампиров, а Стефан окажется в самой гуще.

— Знаю, — сказала я. — Спасибо.

Я больше ни минуты не могла оставаться в комнате с этими двумя мужчинами. Даже обычная женщина утонула бы в насыщенном тестостероном воздухе. Если я не уйду, они

начнут драться. Я не забыла, как побелели глаза Сэмюэля, когда Адам коснулся моей щеки.

И еще мне ужасно хотелось зарыться лицом в шею Адаму и вдохнуть экзотический запах его кожи. Я отвернулась от него и поняла, что смотрю в побелевшие глаза Сэмюэля. Он был так близок к перемене, что вокруг зрачков отчетливо проступил черный ободок. Это должно было испугать меня.

Ноздри Сэмюэля дрогнули и расширились. Я тоже это ощутила. Сексуальное возбуждение.

— Мне пора, — в панике сказала я.

Я торопливо помахала им рукой и выскочила из дома, поспешно захлопнув за собой дверь. И испытала огромное облегчение от того, что она наконец-то оказалась между мною и ими. Я тяжело дышала, словно после долгого бега, адреналин заставил забыть о боли, причиненной колдуном. Я глубоко вдохнула утренний воздух, пытаюсь очистить легкие от запаха вервольфов, прежде чем идти к машине.

Открыла дверцу «кролика», и неожиданная вонь крови заставила меня попятиться. Машина стояла там, где всегда: я забыла, что Стефану пришлось воспользоваться ею, чтобы отвезти меня домой. На обоих передних сиденьях пятна крови: должно быть, мы оба много ее потеряли. Но самое сильное впечатление производила оставленная кулаком вмятина на приборном щитке, там, где у меня радио.

Явно Стефан был очень расстроен.

Я подъехала к гаражу и припарковалась в дальнем конце стоянки, рядом со старым грузовиком Зи. Никогда не доверяй механику, который ездит на новом автомобиле. Он либо слишком много запросит за работу, либо не умеет держать на ходу свою старую машину. Либо и то и другое.

«Фольксвагены» — хорошие машины. Раньше они были хорошими дешевыми машинами; сегодня это хорошие дорогие машины. Но у каждой фирмы случаются неудачи. «Фольксвагены» бывают «тварями» (эти по крайней мере выглядят круто), и «лисами», и «кроликами». Думаю, через несколько лет мой «кролик» останется единственным в Тройном городе «фольксвагеном» на ходу.

Я ненадолго оставила «кролика» и стала думать, стоит ли показываться. Зашла в соседний магазин автозапчастей и купила чехлы на передние сиденья, чтобы выбросить испачканные. Судя по косым взглядам продавца, мое побитое лицо сегодня не очень способствовало ведению дел.

Но на стоянке четыре машины, а значит, мы заняты. И если я останусь в гараже, никто моего лица не увидит.

Я медленно выбралась из машины. Меня окутало сухое тепло позднего утра, и я на мгновение закрыла глаза, наслаждаясь.

— Доброе утро, Мерседес, — послышался ласковый старческий голос. — Прекрасный день.

Я открыла глаза и улыбнулась.

— Да, миссис Ханна, прекрасный.

В Тройном городе в отличие от Портленда или Сиэтла постоянных бездомных жителей мало. Летом у нас температуры выше ста, а зимой ниже нуля^[15], так что большинство бездомных только проходят через нас.

Миссис Ханна со своей помятой тележкой, набитой пустыми банками и другими

полезными вещами, выглядит бездомной, но мне говорили, что она, пока не заболела артритом, жила в небольшом трейлере в парке у реки и давала уроки игры на пианино. После этого она бродила по улицам в центре Кенневика, собирая алюминиевые банки и продавая картины, которые перерисовывала из книг с цветными картинками; а на вырученные деньги покупала еду своим кошкам.

Ее белоснежные волосы заплетены в косы и убраны под изношенную старую бейсболку, которая защищает ее лицо от солнца. Узкая в талии юбка, короткие носки и теннисные туфли, которые ей великоваты. На футболке надпись в честь давнего праздника сирени в Спокане^[16], а светло-зеленый цвет футболки приятно контрастирует с фланелевой рубашкой в черную и красную полоску, наброшенной на плечи.

В старости миссис Ханна так согнулась, что теперь; только чуть выше своей тележки. На ее загорелых пальцах с крупными костяшками обломанные ногти с ярко-красным лаком, в тон губной помаде. От нее пахнет розами и кошками.

Она нахмурилась, взглянув на меня, и сказала:

— Парни не любят девушек, у которых мускулов больше, чем у них, Мерседес. Они любят девушек, которые танцуют и играют на пианино. Мистер Ханна, да упокоит Господь его душу, говаривал, что в танце я плыву над полом.

Это старый спор. Она выросла в то время, когда единственным подходящим местом для женщины было место рядом с ее мужчиной, но ниже его.

— На этот раз не карате, — ответила я, слегка касаясь лица.

— Приложи замороженный горох, дорогая. Опухоль спадет.

— Спасибо, — сказала я.

Она коротко кивнула и пошла по дороге, скрипя тележкой. Сегодня слишком жарко для фланели и шерсти, но несколько месяцев назад, когда она умерла, был прохладный весенний вечер.

Большинство призраков постепенно бледнеют и рассеиваются, так что, вероятно, через несколько месяцев мы не сможем с ней общаться. Не знаю, зачем она пришла поговорить со мной. Может, до сих пор тревожится из-за того, что я не замужем.

Я все еще улыбалась, входя в свой офис.

Гэбриэл, мой помощник и приемщик, летом работает весь день.

Он поднял голову, когда я вошла, потом удивленно посмотрел опять.

— Карате, — солгала я, воспользовавшись предположением миссис Ханны, и увидела, как он расслабился.

Хороший парень, насколько может быть хорош человек. Конечно, он знал, что Зи из малого народа, потому что несколько лет назад Зи вынужден был по приказу Серых Повелителей, правящих малым народом, перестать таиться. (Как и вервольфы, малый народ переставал таиться постепенно, чтобы не встревожить публику.)

Гэбриэл знал и об Адаме, потому что слухи распространились. Я не собиралась просвещать его дальше: это было бы слишком опасно. Поэтому никаких рассказов о вампирах и колдунах, если удастся, тем более что у нас несколько клиентов.

— Вот это да! — сказал он. — Надеюсь, тот второй выглядит еще хуже.

Я покачала головой.

— Тупой белый пояс.

В старых, но удобных креслах в углу офиса сидело несколько человек. Услышав мои слова, один из них наклонился вперед и сказал:

— Я предпочел бы одновременно сражаться с десятком черных поясов, чем с одним белым.

Хорошо одет и красив, хотя нос крупноват и глаза посажены слишком глубоко.

Я широко улыбнулась, как образцовая бизнесвумен, и с чувством сказала:

— Я тоже.

— Полагаю, вы Мерседес Томпсон? — спросил он поднимаясь и с протянутой рукой направляясь к стойке.

— Совершенно верно.

Я протянула руку, и он пожал ее так крепко и сердечно, что посрамил бы любого политика.

— Том Блэк. — Он улыбнулся, демонстрируя жемчужно-белые зубы. — Я много слышал о вас, Мерседес, механик «фольксвагенов».

Я его впервые вижу. Но он не производит неприятного впечатления, скорее слегка заигрывает.

— Рада знакомству. — Флирт меня не интересует, поэтому я снова повернулась к Гэбриэлу. — Есть сегодня проблемы?

Он улыбнулся.

— Когда здесь Зи? Послушай, Мерси, мама спрашивает, не хочешь ли ты, чтобы девочки в уик-энд здесь опять прибрались.

У Гэбриэла ни одного брата, но множество сестер, младшая еще дошкольница, старшая заканчивает школу. И всех их содержит овдовевшая мать, диспетчер в полиции Кенневика. Не слишком высокооплачиваемое занятие. Две старшие девочки регулярно приходят ко мне убираться.

И работают на совесть. Я даже не понимала, что пленка у меня на окнах — обычная грязь. Думала, это Зи что-то сделал, чтобы не проникало солнце.

— Звучит неплохо, — сказала я. — Если меня не будет, пусть воспользуются твоим ключом.

— Я скажу маме.

— Хорошо. Пойду в гараж, и не буду сегодня показываться. Не хочу отпугивать клиентов.

Я коротко кивнула Тому Блэку — дружелюбно, но отчужденно. Потом перебросилась несколькими словами с другим посетителем. Это мой старый клиент, и он любит поболтать. И ушла в гараж, пока не успел зайти кто-нибудь еще.

Зи лежал под машиной, так что от живота и выше я его: не видела.

Зибольд Адельбертсмайтер, мой прежний босс, старый иной, мастер по металлу, что для малого народа необычно: большинство иных не могут держать в руках холодное железо. Сам он называет себя гремлином, хотя гораздо старше этого названия, придуманного летчиками в первую мировую войну. У меня диплом по истории, поэтому я — кладезь бесполезных сведений вроде этого.

С виду ему под пятьдесят, он худой (хотя с небольшим животиком) и ворчливый. Но истинна только ворчливая часть. Благодаря чарам иной может выглядеть, как захочет. Чары — то, чего нет, скажем, у ведьм или вервольфов.

— Привет, Зи, — сказала я, когда он никак не показал, что заметил меня. — Спасибо, что пришел.

Он выкатился из-под машины и нахмурился, увидев меня.

— Держись подальше от вампиров, Мерседес Афина Томпсон. — Как моя мать, сердясь, он называет меня полным именем. Я ему этого никогда не говорила, но мне нравится, как он произносит мое имя с немецким акцентом.

Одним взглядом он окинул мое лицо и продолжил:

— Тебе следует сейчас спать дома. Что толку держать в доме мужчину, если он хоть иногда не может о тебе позаботиться?

— М-м-м, — сказала я. — Сдаюсь. Какой вообще толк от мужчины в доме?

Он не улыбнулся, но я к этому привыкла.

— Короче говоря, — продолжала я отчетливо, но негромко, чтобы не услышали в офисе, — у меня дома два вервольфа и мертвый вампир, и я решила, что какое-то время они обойдутся без меня.

— Ты убила вампира?

Он бросил на меня полный уважения взгляд, тем более выразительный, что Зи по-прежнему лежал на тележке.

— Нет. Его убило солнце. Но Стефан придет в себя, чтобы ночью встретиться с Марсией.

Во всяком случае, я думала, что это произойдет сегодня ночью. Я не очень много знаю о вампирах, но вервольфы вершат суд сразу, на месте, а не ждут полгода после преступления. И разбирательство длится часы, иногда минуты, а не месяцы. Не можешь убедить своего Альфу, что от тебя живого меньше неприятностей, чем от мертвого? Тем хуже. Тщательнее всего Бран скрывал от публики законы стаи, по необходимости жестокие.

— Сэмюэль сказал мне, что ты пойдешь на суд вампиров.

— Он тебе звонил, — сердито уличила я. — Что еще он сделал? Попросил перезвонить, когда я благополучно доберусь сюда?

Зи впервые улыбнулся мне и достал свой телефон. Вымазанными маслом пальцами набрал мой номер.

— Она здесь, — сказал он. — Добралась благополучно.

Не дожидаясь ответа, он прервал разговор, улыбнулся еще шире и набрал другой номер. Я и его знала. Но на случай, если я не увидела, он использовал имя:

— Привет, Адам, — сказал он. — Она здесь. — Немного послушал. Я тоже, но, должно быть, громкость уменьшили до предела, потому что я слышала только гул мужского голоса. Улыбка Зи стала злорадной. Он посмотрел на меня и сказал: — Он спрашивает, почему ты так долго добиралась.

Я начала закатывать глаза, но от этого сильнее заболело лицо, поэтому я остановилась.

— Скажи: дикий, страстный секс с незнакомцем.

Я не задержалась, чтобы услышать, передал ли Зи мой ответ. Сорвала с крюка комбинезон и убежала в ванную.

Вервольф — это отклонение, которое поддается контролю, напомнила я себе, переодеваясь для работы. И поскольку он — контролируемое отклонение, этого внутреннего волка держат под контролем. И очень хорошо. Если бы мне не нравились побочные следствия, я не общалась бы с вервольфами. И не дошла бы до того, что один вервольф живет в моем доме, а второй — через забор на моем заднем дворе.

Но одна, в ванной, я могла себе признаться, что, хоть и рассердилась на них, была бы глубоко разочарована, если бы они не проверили, что со мной. Ничего себе логика, да?

Когда я вышла, Зи показал мне, чем заняться. Пусть я купила его мастерскую, но, когда

он здесь, распоряжается по-прежнему он. Отчасти по привычке, я думаю, но главным образом потому, что я хороший механик, а вот Зи — настоящий волшебник. В прямом и переносном смысле.

Если бы ему не наскучивала легкая работа, он никогда не нанял бы меня. И тогда мне пришлось бы искать работу в «Макдональдсе» или в «Бургер Кинге», как всем остальным бакалаврам истории.

Мы работали в удовлетворенном молчании. Потом мне вдруг потребовались не две руки, а четыре.

Пока я поворачивала храповик, а Зи держал нужную часть на месте, он сказал:

— Я заглянул под чехол, — и кивком показал на центр мастерской, где дожидались мои последние перспективные проекты.

— Красивая, правда? — сказала я. — Или будет, когда я ее закончу.

Она — это «Карманн Гиа»^[17] 1968 года, почти в исходном состоянии.

— Собираешься восстанавливать или пустишь по улицам?

— Не знаю, — ответила я. — У нее еще оригинальная покраска, и на капоте только небольшие трещины. Не хотелось бы вмешиваться, если есть возможность обойтись без этого. Если смогу заставить ее бегать с родным двигателем, а Ким зашьет сиденья, этим и ограничусь.

Есть три группы любителей старых машин: те, кто считает, что в машине нужно оставить как можно больше исходного; те, кто восстанавливают ее, приводя в лучшее состояние, чем на заводе; и те, кто разбирает машину на части и замѣняет тормоза, двигатель, подвеску и все остальное современным оборудованием. Зи определенно относится к последним.

Он не сентиментален: если что-то работает лучше, это и следует использовать. Думаю, для него пятьдесят лет совсем не то, что для окружающих. Один видит антикварную редкость, другой — ржавый корпус.

Значительную часть моего дохода дает восстановление старых машин. Я не привередлива. У меня есть партнер, который занимается кузовами, — гений Ким. И другой партнер, который повсюду разъезжает и демонстрирует машины, чтобы я могла их продать. Вычтя стоимость материалов и другие расходы, мы делим прибыль в соответствии со временем, потраченным на проект.

— Воздушное охлаждение заменить бы, — сказал Зи.

— Тому, кто хочет «Гиа» в первозданном виде, такая замена не нужна, — возразила я. Он хмыкнул, не убежденный, и вернулся к работе.

Гэбриэл на моем «кролике» съездил за сэндвичами и сел перекусить с нами. Я расчехлила «Гиа», и мы вдвоем ели и обсуждали, что делать с машиной, пока не настала пора вернуться к работе.

— Зи, — спросила я, когда он поднял «Пассат»^[18] повыше, чтобы посмотреть на выхлопную трубу. Он хмыкнул, постучав пальцем по помятой перед самым глушителем трубе. Что ты знаешь о колдунах?

Он перестал стучать и вздохнул.

— Старые гремлины держатся подальше от демонов, потому что люди, поверив в дьявола, готовы продавать ему свои души.

У меня слегка закружилась голова. Дело не в том, что я не верю в зло, — как раз наоборот. У меня достаточно доказательств существования Бога, поэтому я признаю и

существование Его недруга. Мне просто очень не хочется знать что кто-то заключил договор с дьяволом и теперь в пределах десяти миль от моего дома убивает в отеле горничных.

— Я думала, это просто демон, — сказала я неуверенно.

— Яа, — сказал он. Теперь Зи повернулся и увидел мое лицо. — Дьявол, демон. Английский язык слишком неточен для этих понятий. Есть существа, которые служат Великому Зверю из христианского Писания. Есть большие и меньшие духи, демоны или дьяволы, и все они служат злу. Главные враги удалены из нашего мира, но могут вернуться, если их пригласят. Точно так же вампир не может войти в дом без приглашения.

— Хорошо. — Я перевела дыхание. — Что еще ты знаешь?

Зи приложил к трубе руку.

— Немного, Liebchen. Те немногие из людей, кто называл себя колдунами, были лишь наживкой демона, когда я с ними встречался.

— А в чем разница?

— Разница в том, кто держит вожжи. — Выхлопная труба под рукой Зи засветилась ярким вишневым цветом. — Демоны хорошо служат только одному хозяину, и тот, кто об этом забывает, быстро попадает в рабство. Те, кто помнит, могут справляться с обстоятельствами чуть дольше.

Я нахмурилась.

— Значит, все одержимые демонами начинают как колдуны?

Зи покачал головой.

— Существует много видов приглашений, намеренных и ненамеренных. Колдун, одержимый демоном — неважно. В конечном счете у руля всегда демон.

Выхлопная труба издала громкий лязгнула и приобрела правильную форму. Зи посмотрел мне в глаза.

— Эта тварь играет вампирами, Мерси. Держись от нее подальше. Семья подготовлена к этому лучше тебя.

В пять тридцать я по локти погрузилась в наладку «Ванагона»^[19], поэтому попросила Гэбриэла закрыть офис и отправила их с Зи домой. Из-за моего побитого лица они не хотели оставлять меня одну, но я наконец их уговорила.

Пока со мной был Зи, я держала кондиционер включенным, а гаражную дверь закрытой, но в отличие от вервольфов я наслаждаюсь летней жарой. Поэтому, оставшись одна, я выключила кондиционер и распахнула дверь.

— Помогает?

Я подняла голову и увидела в открытой двери клиента, который заходил раньше.

— Том Блэк, — напомнил он мне.

— Что помогает? — спросила я, вытирая руки и делая глоток воды из бутылки, опасно стоящей на бампере.

— Вы напеваете, — ответил он. — Вот я и думаю, помогает ли это.

Почему-то его слова меня встревожили. Он говорил, как старый друг, а не как клиент, с которым я только что познакомилась и перебросилась парой слов. Его предыдущее замечание о белом поясе не свидетельствовало о том что он владеет боевыми искусствами, зато об этом говорили его движения, когда он вошел в мой гараж.

Я сохраняла на лице вежливое выражение, хотя койот во мне хотел приподнять верхнюю губу. Этот Блэк вторгся на мою территорию.

— Вот уж не знала, что напеваю, — сказала я. — Это последняя машина, над которой я

сегодня работаю. — Я знала, что машина не его: эту я отлаживаю регулярно. — Если Гэбриэл вам не позвонил, вероятно, ваша машина будет готова завтра.

— Как такая красивая женщина стала механиком? — спросил он.

Я наклонила голову, чтобы лучше видеть здоровым глазом. Гэбриэл сказал, что, если подольше подержать мешочек со льдом, опухоль опадет. В хорошие дни у меня вполне сносная внешность, сегодня уместнее сказать — ужасная и уродливая.

Будь мы на нейтральной территории, я бы ответила что-нибудь вроде: «Даже не знаю. А как из такого красивого мужика получился назойливый ублюдок?» Но ведь это мое рабочее место, а он клиент.

— Как и другие красивые механики, наверно, — сказала я. — Послушайте, мне нужно тут кое-что закончить. Почему бы вам не позвонить завтра утром? Гэбриэл скажет, когда вы сможете забрать машину.

С этими словами я двинулась вперед. Такое движение должно было заставить его отойти. Но он не отошел, и мне пришлось остановиться, чтобы не чересчур приближаться к нему. От него пахло кокосовым кремом против загара и сигаретным дымом.

— Вообще-то я уже забрал сегодня свою машину, — сказал он. — И пришел сюда поговорить с вами.

Он человек, но я видела в его глазах хищный блеск: такой бывает у вервольфов, когда они выходят на охоту. Я была в своем гараже, поэтому чувствовала себя в безопасности и чересчур приблизилась к нему. У меня много гаечных ключей и ломиков, но сейчас все это слишком далеко.

— Правда? — сказала я. — И о чем?

— Хотел спросить у вас, каково ходить на свидания с вервольфами. Вы знали, что он вервольф, когда первый раз встретились с ним?

Его тон неожиданно приобрел остроту бритвенного лезвия.

От такой неожиданной смены тем я только глупо заморгала.

Этот человек пахнет не как фанатик. У ненависти совершенно особый запах. Когда Зи впервые перестал таиться, вокруг мастерской повадилась расхаживать группа людей с плакатами. Некоторые приходили по ночам и писали па двери гаража оскорбительные слова гневными красными буквами.

От Тома Блэка пахло так, словно ответы на вопросы для него действительно важны.

Снаружи на мою стоянку въехал «шевроле-350» с восьмицилиндровым двигателем, и я узнала звук мотора. Мой страх рассеялся, и я сообразила, что у его вопросов может быть только одна причина.

Я сузила глаза.

— Дьявольщина! Вы репортер!

Некоторые вервольфы, перестав таиться, по приказу Маррока сознательно привлекали к себе внимание: героические солдаты, полицейские и пожарные, несколько киноактеров. Адам в их число не входил. Но я понимала, почему кто-нибудь мог послать сюда репортера, вынюхивать. Адам не просто Альфа, но очень красивый Альфа. Я не хотела бы услышать, что скажет Адам, когда узнает, что кто-то копается в его личной жизни.

— Я могу озолотить вас, — сказал Блэк, должно быть, подбодренный моей улыбкой. — Когда мы это провернем, вы будете знамениты не меньше его. И сможете продать свою историю в газеты.

Я фыркнула.

— Уходите.

— Проблемы, Мерси?

Глубокий бас с техасским выговором заставил репортера обернуться. Я подумала, что он не слышал, как в гараж вошли Уоррен и его спутник.

— Никаких проблем, — сказала я Уоррену. — Мистер Блэк уже уходит.

Уоррен выглядел как реклама «настоящего западного ковбоя», вплоть до поношенных сапог и потрепанной шляпы соломенного цвета. И имел на это право: он был настоящим ковбоем на Западе, когда подвергся Перемене. Из всех волков Адама он мой самый любимый. Рядом с ним был Бен, недавно приехавший из Англии — и главный кандидат в самые нелюбимые волки. Оба они не перестали таиться — пока не перестали. Бен, наверно, никогда и не перестанет. Он едва избежал ареста на родине, и его быстро переправили в Америку с приказом исчезнуть.

Репортер достал бумажник и извлек карточку. Я взяла ее: мама учила меня быть вежливой.

— Я буду поблизости, — сказал он. — Позвоните, если передумаете.

— Хорошо, — сказала я.

Оба вервольфа наблюдали, как он уходит. Только когда его машина исчезла, они опять вспомнили обо мне.

— Мне нравится, что ты сделала с лицом, — сказал Бен, постучав пальцем по глазу.

Он однажды спас меня и принял пулю, предназначавшуюся Адаму, но это вовсе не означало, что он мне нравился. И дело не только в том, что его отправили в стаю Адама, чтобы он избежал допросов в связи с серией случаев жестокого насилия в Лондоне. Я верю в невиновность, пока виновность не доказана. Скорее дело в тех качествах, которые заставили лондонских полицейских его заподозрить: Бен мелочен, неприятен и склонен к насилию. Все, что он говорит, звучит насмешкой или угрозой, и все это с изящным английским акцентом. Будь он хоть на волосок лучше, я бы разговаривала с ним, только чтобы слышать этот акцент, пусть сам Бен мне и не по душе.

— Не я разукрасила себе лицо, но все равно спасибо.

Я принялась закрывать чехлом фургончик. Инерцию, державшую меня на ногах, я утратила, и теперь мне хотелось только спать. Где-нибудь, где в шкафу нет мертвого вампира. Черт побери! Где же я буду спать?

— Что вы оба здесь делаете? — спросила я у Уоррена, закрывая багажник фургончика.

— Адам велел нам побыть с тобой, пока с тобой не свяжутся вампиры. Он считает, что это будет вскоре после того, как стемнеет. Он не хочет, чтобы ты встречалась с ними одна.

— А тебе ночью не нужно работать?

Уоррен работает в ночную смену на заправке-магазине недалеко от моего дома. Эта работа досталась ему от Сэмюэля.

— Нет, уволился на прошлой неделе. Сменился управляющий, а новый решил провести чистку. Я подумал, что лучше уволюсь сам, пока не выгнали. — Он немного помолчал и добавил: — Я тут работал на Кайла. За неполный рабочий день получаю больше, чем в магазине за всю смену.

— Работал с Кайлом? — с надеждой спросила я,

Я давно знакома с Уорреном и знала с десятков его бойфрендов. С большинством и знакомиться не стоило, но Кайл мне понравился: дорогой адвокат, модно одевается и очень забавен. Они какое-то время были вместе, пока Кайл не узнал, что Уоррен вервольф. Я знаю,

что с тех пор они несколько раз встречались, но ничего серьезного.

Уоррен опустил глаза.

— В основном слежка и один раз охрана женщины, которая боялась бывшего мужа.

— Кайл нас боится, — сказал Бен, показывая в улыбке зубы.

Уоррен взглянул на него, и Бен перестал улыбаться.

— Ты явно никогда не встречался с Кайлом, — сказала я Бену. — Тот, кто работал адвокатом по бракоразводным процессам столько, сколько Кайл, ничего не боится.

— Я ему лгал, — сказал Уоррен. — Такое не забывают.

Пора сменить тему. Бен замолчал, но долго это не продлится.

— Мне надо умыться и переодеться, — сказала я. — Скоро вернусь.

— Сэмюэль сказал, ты прошлой ночью совсем не спала, — сказал Уоррен. — У тебя до призыва вампиров несколько часов. Может, быстрее поужинаем и поедем к тебе, поспишь немного?

Я отрицательно покачала головой.

— Не могу спать, когда в шкафу мертвец.

— Ты кого-то убила? — с интересом спросил Бен.

Уоррен улыбнулся, и вокруг его глаз образовалось множество морщинок.

— Нет, не в этот раз. Сэмюэль сказал, что Стефан остался на день в шкафу Мерси. Я совсем забыл об этом. Хочешь подремать у меня? Там мертвецов нет. — Он взглянул на Бена. — Во всяком случае пока.

Я устала, у меня болело лицо, и адреналин, вызванный появлением репортера, уходил.

— Ничего лучше не могу придумать. Спасибо, Уоррен.

Уоррен живет в Ричленде, занимает половину двухэтажного двухквартирного дома, знававшего лучшие дни. Внутри дом выглядит лучше, чем снаружи, и, тем не менее, все равно похож на студенческое общежитие — множество книг и подержанная мебель.

В запасной спальне, куда меня поместил Уоррен, пахло им: должно быть, он чаще спал в ней, чем в той, что делил с Кайлом. Его запах действовал на меня успокоительно: ведь Уоррен не лежал мертвый в шкафу. И я без труда уснула под тихие голоса двух вервольфов, играющих внизу в шахматы.

Проснувшись я в темноте от запаха перцев и кунжутного масла. Кто-то побывал в китайском ресторане. С ланча прошло немало времени.

Я встала с постели и спустилась вниз, надеясь, что они съели не все. А когда вошла на кухню, Уоррен как раз делил содержимое полистериновых пакетов с едой на три порции.

— Гм-м-м, — сказала я, прислонившись к Уоррену, чтобы получше разглядеть еду. — Говядина по-монгольски. Кажется, я влюбилась.

— Его сердце уже занято, — сказал из-за моей спины Бен. — А даже если было бы свободно, он такими, как ты, не интересуется. А вот я на месте и готов.

— У тебя вообще нет сердца, — ответила я. — Вместо него — дыра.

— Тем больше оснований отдать мне твое.

Я лбом ударила Уоррена в спину.

— Скажи, что Бен не флиртует со мной.

— Эй, — обиженно сказал Бен, — я о людоедстве, а не о любви.

Он был почти забавен. Если бы больше мне нравился, я бы рассмеялась.

Уоррен потрепал меня по голове и сказал:

— Все в порядке, Мерси. Просто дурной сон. Поешь, и все пройдет.

Он выложил остаток риса на тарелки.

— Несколько минут назад звонил Адам. Я сказал, что ты спишь, и он не велел будить тебя. Говорит, полчаса назад Стефан ушел из твоего дома.

Я посмотрела в окно и увидела, что уже стемнело.

Уоррен заметил мой взгляд и сказал:

— Кое-кто из старых вампиров встает рано. Не думаю, чтобы с тобой связались до полной темноты.

Он передал нам полные тарелки, посуду и салфетки и выгнал из кухни в гостиную.

— Итак, — спросил Бен через несколько минут, посвященных еде, — почему я тебе не нравлюсь, Мерси? Я красив, умен, остроумен. Не говоря уж о том, что спас тебе жизнь.

— Не будем об этом, — ответила я с полным ртом. — Иначе меня стошнит.

— Ты ненавидишь женщин, — предположил Уоррен.

— Вовсе нет, — возмущенно возразил Бен.

Я проглотила то, что было во рту, и смотрела на него, пока он не отвел взгляд. А как только он понял, что натворил, тут же снова посмотрел мне прямо в глаза. Но было уже поздно, я победила, и мы оба это знали. Такие вещи для волков имеют значение. Если встретимся как-нибудь в темном переулке, он все равно может съесть меня, но по крайней мере сначала призадумается.

Я высокомерно улыбнулась.

— Всякий, кто поговорит с тобой дольше двух минут, поймет, что ты ненавидишь женщин. Думаю, можно по пальцам пересчитать, сколько раз ты вообще произнес слово «женщины» и не заменил его термином, относящимся к женским гениталиям.

— Эй, он не настолько плох, — вмешался Уоррен. — Иногда он называет их коровами или шлюхами.

Бен показал пальцем на Уоррена. Похоже, мама не научила его прилично вести себя.

— Это говорит тот, кто действительно не любит... — он примолк и поменял слово, которое вертелось на языке, — женщин.

— Мне нравятся женщины, — ответил Уоррен, собирая остатки риса в горку, чтобы подцепить вилкой. — Нравятся больше многих мужчин. Просто я не хочу спать с ними.

Зазвонил мой телефон, и я подавилась: зернышко перца попало в дыхательное горло. Кашляя, чихая, со слезящимися глазами я отыскала свой телефон и знаком велела Уоррену ответить, пока я глотну воды.

— Да, — сказал он. — Она здесь. Она знает, где это?

Он поймал мой взгляд и одними губами произнес «семья».

Я кивнула и почувствовала, как внутри все сжалось. Да, я знала, где это.

Глава четвертая

Мы въехали в открытые чугунные ворота и оказались на ярко освещенном дворе перед большим строением в стиле гасиенды, где нашла приют семья вампиров Тройного города. Уоррен поставил помятый грузовичок за БМВ на круговой подъездной дороге, уже забитой машинами.

Когда я приезжала сюда в прошлый раз, со мной был Стефан. Он провел нас через черный ход в небольшой гостевой дом в глубине участка. На этот раз мы поднялись прямо к главному входу, и Уоррен позвонил в дверной колокольчик.

Бен нервно принялся.

— Они наблюдают за нами.

Я тоже это учуяла.

— Да.

Из нас троих Уоррен казался самым спокойным. Он не из тех, кто нервничает из-за того, что еще не произошло.

Меня тревожило не то, что за нами наблюдают. Что если вампиры мне не поверят? Если они будут считать, что Стефан действительно потерял контроль над собой, как помнится ему самому, его казнят. Сегодня же. Вампиры не потерпят, чтобы кто-то угрожал безопасности и тайне существования их семьи.

Я не вампир, и много ли для них значит мое слово? Они могут вообще меня не выслушать.

Я никогда не могла понять, как на самом деле относится ко мне Стефан. Мне говорили, что вампиры не способны испытывать никаких чувств к тем, кто не входит в их круг. Они могут делать вид, что ты им нравишься, но у их действий всегда есть скрытый мотив. Однако даже если Стефан мне не друг, я — его друг. Если я буду виновна в его смерти, потому что сказала или сделала что-то не так... Надо заставить их выслушать меня.

Дверь широко раскрылась, издав необычный стон. В прихожей никого не было.

— И страшная музыка в общем стиле, — сказала я.

— Да, — согласился Уоррен, — они налегают на все рычаги. Интересно, почему им так нужно испугать тебя?

Бен слегка успокоился — возможно, потому что Уоррен был спокоен.

— Может, они сами нас боятся.

Я вспомнила вампиров, которых видела, когда была здесь в прошлый раз, и подумала, что Бен ошибается. Сэмюэля они не боялись. Я видела, как Стефан без домкрата поднимает «фольксваген», а ведь тогда вокруг было множество вампиров. И если им вздумается разорвать меня на куски, они это сделают, Уоррен с Беном (если тот захочет) не смогут им помешать. Вампиры не боятся нас. Может, им просто нравится пугать гостей.

Уоррен, должно быть, подумал о том же, потому что сказал:

— Нет, они просто играют с нами.

Мы осторожно вошли в дом. Первым Уоррен, затем я и последним Бен. Я бы чувствовала себя лучше, если бы Бен шел передо мной. Он готов принять пулю вместо Адама, но меня, уверена, столь же охотно съест.

В коридоре никого не оказалось; в маленькой гостиной, куда он привел, тоже, и мы пошли дальше. В длинном коридоре с одной стороны было три двери с арочным верхом, все

запертые, но дверь в другой стене открывалась в очень большую, просторную комнату с высоким потолком и светильниками в нишах. На стенах яркие картины, некоторые от потолка до пола. Сами стены выкрашены в мягкий желтый цвет; хотя в комнате нет окон, она кажется светлой и живой.

Пол покрыт плитками различных красновато-коричневых оттенков. Повсюду в произвольном порядке тонкие ковры нейтральных цветов. Три дивана и пять с виду удобных кресел — все поразительного кораллового цвета, гармонирующего с расцветкой юго-западной стены — расположены свободным полукругом; в центре — большое деревянное кресло, которое скорее подошло бы для готического здания, чем для этой комнаты в солнечных тонах.

Уоррен двинулся дальше по коридору, но я не пошла за ним.

Что такого в этом кресле?

Древесина темная, но зерно похоже на дуб. Кресло сплошь покрыто резьбой — от ножек с львиными лапами до горгулий на высокой спинке. На каждой ножке примерно на трети высоты широкое медное кольцо. Медные подлокотники украшены рисунком из тонких веток, маленьких цветков и шипов. На конце каждого подлокотника вверх торчат острые шипы.

Подойдя к креслу и почти коснувшись его, я поняла, что с порога ощутила окружающую его магию. Просто не сразу ее узнала. Магию я обычно ощущаю, как щекотку, — как будто погружаюсь в теплую щекочущую воду. А тут был глухой медный звон, как будто кто-то бьет в очень большой медный барабан. Я заткнула уши, чтобы не слышать этот звук, но продолжала ощущать его.

— Мерси, — сказал от двери Уоррен. Вряд ли мы здесь, чтобы заниматься исследованиями.

— Чувствуешь? — спросил Бен где-то у моего колена. Я опустила голову и увидела, что он встал на четвереньки, вытянув и слегка наклонив голову. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул.

— На этом кресле старая кровь.

Я собралась расспросить его об этом, но тут появился первый вампир. Я его раньше не видела. При жизни это был мужчина среднего роста, ирландец, судя по рыжей бороде. Движения его были одновременно сдержанными и грациозными, похожими на шаги косиножки. Вампир миновал Уоррена и пересек комнату, не глядя на нас. И сел на небольшой диван у дальней стены, который я раньше не заметила.

Появление вампира, по-видимому, развеяло некоторые сомнения Уоррена, и он занял подобающую телохранителю позицию справа от меня. Бен поднялся, точно так же встал слева, и я оказалась между двумя вервольфами.

В следующие несколько минут комната заполнилась вампирами. Ни один из них, входя, не взглянул на нас. Я бы решила, что это оскорбление, но они не смотрели и друг на друга;

Я насчитала про себя пятнадцать вампиров. Они производили внушительное впечатление — хотя бы за счет одежды. Шелк, атлас, бархат всех цветов радуги. На одном или двух современные деловые костюмы, но большинство в исторических одеяниях — от средневековых до относительно современных.

Почему-то я ожидала больше темных расцветок, но ни черного, ни серого не увидела. На фоне хозяев я и вервольфы были одеты очень скромно. Впрочем, мне было все равно.

Женщину, отобравшую в прошлый раз крест у Сэмюэля, я узнала, едва она вошла в

комнату. Она села в одно из коралловых кресел, как на стул, держа спину прямо, точно викторианская леди в туго затянутом корсете, хотя на ней было шелковое платье с оторочкой бисером, какие носили в начале двадцатого века; платье казалось легкомысленным по контрасту с напряжёнными движениями женщины. Я поискала пианистку Лили, но та не появилась.

Мой взгляд перешел на старика с клочьями седых волос на голове. В отличие от вервольфов вампиры сохраняют тот облик, который был у них, когда они умерли. И хоть старец кажется древним, возможно, я смотрю на самого молодого вампира в комнате.

Я посмотрела ему в лицо и поняла, что в отличие от всех прочих он наблюдает за мной. Он облизнул губы, и я сделала шаг к нему, прежде чем сумела опустить взгляд.

Вервольфы смотрят в глаза, чтобы продемонстрировать свою силу, но управлять твоим мозгом, когда ты смотришь, они не могут.

Ходячая не должна подчиняться ничему подобному, но я определенно почувствовала притяжение этого взгляда.

Пока я играла в гляделки со стариком, в комнату вошел как будто бы молодой узкоплечий вампир. Как Стефан, он больше других казался похожим на человека. Но я вспомнила скорее его одежду, а не лицо. Если на Андре был не тот же самый пиратский костюм, что в ночь нашей первой встречи, то его точная копия. Усевшись в плюшевое кресло посреди комнаты, Андре в отличие от остальных посмотрел прямо на меня и дружелюбно улыбнулся. Я недостаточно его знала, чтобы понять, друг он или враг.

Прежде чем я решила, как ответить на его приветствие, в комнату вошла Марсилия, госпожа Среднеколумбийского семейства. На ней была ослепительно-красная амазонка с юбкой в испанском стиле, белая кофта с оборками и черная шаль, гармонирующая с черными волосами и глазами.

Она шла с гибкой грацией, не так, как в прошлый раз. Из всех вампиров в комнате только ее можно было бы назвать прекрасной. Прежде чем сесть в кресло в самой середине полукруга, Марсилия потратила некоторое время на то, чтобы расправить юбку. Ее красная юбка не сочеталась с коралловой обивкой кресла. Не знаю почему, но от этого мне стало легче.

Марсилия посмотрела на вервольфов живым, почти голодным взглядом. Я вспомнила, как она вела себя с Сэмюэлем, и задумалась, не предпочитает ли она вервольфов. Стефан рассказывал мне, что именно из-за вервольфа ее изгнали из Италии. Вампирам не возбраняется кормиться от вервольфа, но волк, которого она забрала, принадлежал другому вампиру, гораздо выше ее по рангу.

У Бена и Уоррена хватило здравого смысла отвести взгляд. Инстинкт приказывает им смотреть в глаза противнику, заставляя его отвести взгляд. Это была бы катастрофа.

Наконец Марсилия нарушила молчание. Голос у нее был низкий, с легким акцентом.

— Приведите Стефана. Скажите, что его любимица здесь, и мы устали ждать.

Не знаю, кому предназначался приказ, потому что Марсилия продолжала смотреть на Уоррена: она явно предпочла его Бену. Встал Андре:

— Он просил привести и Дэниэла.

— Дэниэл наказан. Его нельзя привести.

Сказавший это вампир сидел рядом с Марсилией слева от нее. На нем был светло-желтый деловой костюм в стиле девятнадцатого века, с карманными часами на цепочке и шелковым жилетом в голубую полоску. Усы тоже полосатые, но полосы каштановые и

седые. Волосы он зачесал на небольшую лысину на макушке.

Марсилия поджала губы.

— Вопреки твоим желаниям, Бернард, тут правлю я. Андре, приведи и Дэниэла. — Она осмотрела комнату. — Эстелла, ступай с ним. С Дэниэлом могут быть трудности.

Женщина средних лет в платье, украшенном бисером, встала так резко, словно ее потянули за ниточки. При ходьбе бисерины негромко брякали, напомнив мне погремушку гремучей змеи. Не помню, чтобы она с таким же шорохом входила в комнату.

Андре, проходя мимо, улыбнулся мне, успокаивая, так чтобы никто этого не видел. Эстелла не обратила на нас ни малейшего внимания. Я решила, что это намеренная грубость, хотя предпочитала ее горящему взгляду Марсии. Я боролась со стремлением сделать шаг вперед и загородить Уоррена от госпожи.

Будь я здесь не ради Стефана, я бы сходила и принесла для нас пару стульев или просто села на пол, но мне никого не хотелось настраивать против себя, пока Стефану грозит опасность. Поэтому я осталась стоять и ждала, пока его приведут.

Минуты тянулись. Я не очень умею ждать, и мне приходилось заставлять себя не ерзать. Я подумала, что Бену хуже, чем мне, но они с Уорреном как будто без труда сохраняли неподвижность даже под пристальным взглядом Марсии.

И все же вервольфы не так неподвижны, как вампиры. Никто из вампиров и не подумал прибегнуть к тем легким движениям, к каким прибегает Стефан, чтобы казаться в большей степени человеком. Например, он моргает — или дышит.

Один за другим, словно уход Андре послужил для них сигналом, вампиры поворачивались и пустым, лишенным выражения взглядом принимались изучать меня. Единственное исключение составляли Марсилия и вампир справа от нее, на вид — пятнадцатилетний мальчик, поэтому я смотрела на них.

Марсилия не сводила глаз с Уоррена, изредка собирая щепотью свои длинные наманикюренные ногти. Мальчик рядом с ней просто глядел в пространство, слегка раскачиваясь. Я подумала, может, у него, как у музыкальной Лили, не все в порядке с головой. И тут же поняла, что он раскачивается в такт ударам моего сердца, и живо шагнула к Уоррену. Мальчик закачался чуть быстрее.

К тому времени как я услышала позади в коридоре шаги, он раскачивался очень быстро. Быть добычей в комнате, полной вампиров, — как это способствует учащению сердцебиения!

Стефана и его провожатых я услышала раньше, чем они вошли в комнату.

Первой нас миновала Эстелла, вернувшаяся в свое кресло. Андре занял позицию на диване рядом с необычным пустым деревянным креслом. Мне не потребовалось поворачивать голову, чтобы увидеть, что Стефан стоит в нескольких шагах за мной: я чувствовала его запах. Но все равно повернулась.

На нем та же одежда, что в последний раз, но он, кажется, невредим. На руках он держит молодого Человека. Это может быть только его молодой друг Дэниэл, первая жертва Литтлтона.

Джинсы и футболка с надписью «Есть молоко?»^[20] казались неуместными на том, кто словно; только что освобожден из нацистского концентрационного лагеря. Голова юноши была обрита, начавшие отрастать темные волосы делали светлую кожу черепа синеватой. Я удивилась, что у вампиров растут волосы.

Щеки Дэниэла так ввалились, что сквозь них я словно видела зубы. Глаза, с

поразительно белыми белками и вообще без зрачков, казались слепыми. Трудно было определить, в каком возрасте он умер, но не старше двадцати.

Мужчина в полосатом жилете, Бернард, встал, и Марсилия наконец оторвала взгляд от Уоррена и обратилась к насущным делам.

Бернард откашлялся и деловым тоном заговорил:

— Мы собрались здесь, потому что сегодня утром Стефан попросил прибраться в отеле в Паско. Пять человек умерли, собственности был причинен значительный ущерб. Нам пришлось пригласить Елизавету Аркадьевну... — Я не знала, что Елизавета работает не только на стаю Адама, но и на семью, хотя, вероятно, ничего удивительного в этом не было. Старая русская ведьма — самый опытный специалист на всем северо-западном побережье Тихого океана. — ...Потому что не могли разработать сценарий, при котором не требовалось бы вызывать полицию. Если верить нашим источникам, местные власти приняли подготовленную нами историю и дальнейшего расследования не будет. Помимо платы ведьме за работу, Никакого иного ущерба семья не понесла.

Последнее он произнес стремительно, как будто сам был не согласен.

— Стефан, — сказала Марсилия, — ты подверг семью опасности. Что скажешь?

Стефан сделал шаг вперед и остановился, глядя на вампира, которого держал на руках.

— Я могу поддержать, — предложил Уоррен.

Стефан покачал головой.

— Дэниэл слишком долго не кормился. Он может быть для тебя опасен. Андре?

Андре нахмурился, но взял вампира на руки, и Стефан получил возможность пройти вперед и встать перед всеми. Я ожидала, что он остановится перед Бернардом, но он сел в деревянное кресло. Скользнул внутрь, прижался спиной к спинке, и взялся обеими руками за изящные медные подлокотники. И сжал руками их концы, словно не видел торчащих шипов.

А может, и видел. Гул магии, который я воспринимала, набрал силу и глубину, и моя грудная клетка задрожала в одном ритме с этой силой. Я попыталась подавить возглас, и Марсилия повернулась и посмотрела на меня, как будто я сделала что-то интересное.

Но смотрела она на меня лишь мгновение и снова повернулась к Стефану.

— Ты добровольно предлагаешь испытание Правдой?

— Да.

Кресло каким-то образом откликнулось на эти слова. Но прежде чем я смогла понять, что означает этот неожиданный всплеск энергии, молодой вампир, который продолжал раскачиваться в такт биению моего сердца, сказал:

— Правда.

Большинство вервольфов умеют отличить правду от лжи, но это основано на восприятии запаха дыхания и скорости сердцебиения, чего вампиры воспринимать не могут. Я знала, что существуют и магические способы отграничения истины от лжи. Очевидно, вампирам для этого нужна кровь.

— Говори.

По голосу Марсилии я не могла понять, надеется ли она, что Стефан оправдается.

Стефан начал с того, что в рассказе Дэниэла о жажде крови есть что-то подозрительное. Он объяснил, что, когда контакт Дэниэла вернулся, он, Стефан, надеялся узнать больше.

— Мне пришло в голову, — говорил он неторопливым тоном рассказчика, — что, если мои подозрения справедливы, мне предстоит встретиться с вампиром, способным подчинить себе другого вампира, зачаровать его. Ведь Дэниэл так молод! И я подумал, что

этот вампир до того, как его обратили, был ведьмаком.

— Он показался тебе таким опасным, что ты прихватил ее, а не другого вампира?

Голос Бернарда источал презрение.

Стефан пожал плечами.

— Повторяю — я решил, что Литтлтон ведун. Ничего такого, с чем мне не приходилось бы иметь дело. Я не думал, что встречу того, с кем не справлюсь. Мерседес служила мне страховкой, но я не думал, что она понадобится.

— Да, — резко сказала Марсилия. — Расскажи нам всем, почему ты обращаешься за помощью именно к Мерседес Томпсон.

Глаза ее сузились, пальцы теребили край черной испанской шали. Я видела, что она сердится, но не понимала, из-за чего.

— Мерседес ходячая, — сказал Стефан.

Напряженность в комнате еще больше усилилась, хотя никто из вампиров не шелохнулся. Я считала, что все вампиры обо мне знают, но, очевидно, ошибалась. Возможно, Марсилия сердилась, потому что Стефан вынудил ее объявить обо мне всем остальным. Хотелось бы знать, почему я их так тревожу. Может, тогда я бы не чувствовала себя цыпленком в лисьей норе.

Мальчик рядом с Марсилией перестал раскачиваться. А когда посмотрел на меня, мне показалось, будто к моей коже приложили лед.

— Как интересно, — сказал он.

Торопливо, словно стремясь отвлечь от меня внимание мальчика, Стефан заговорил.

— Она согласилась сопровождать меня в обличье койота, чтобы вампир считал ее частью моего костюма. Я полагал, что это уберет ее, а ее частичная невосприимчивость поможет мне. Я был прав и ошибался в одно и то же время.

С этого момента его рассказ стал очень подробным. Когда он сказал, что почувствовал запах демона еще на стоянке, и это подсказало ему, что Литтлтон колдун, вмешался Бернард:

— Колдунов не существует, — сказал он.

Мальчик рядом с Марсилией покачал головой и звонким тенором, который так никогда и не станет голосом взрослого, сказал:

— Существуют. Я встречал их. Встречали все из нас, кому больше двухсот лет. И будет очень плохо, госпожа, если один из нас окажется колдуном.

Ответом на слова мальчика стала тяжелая пауза, но я не понимала, что она означает.

— Пожалуйста, продолжай, — сказала наконец Марсилия.

Стефан повиновался. Когда мы вошли в отель, он уже знал, что все в нем мертвы. Поэтому он и нашел Литтлтона так быстро: только в одном номере еще оставался кто-то живой. О женщине в ванной Стефан узнал раньше меня. По-видимому, чутье вампира острее моего.

Я думала, что Стефан прервет рассказ в том месте, где Литтлтон остановил его и изменил воспоминания, но нет. Он продолжал рассказывать так, словно его ложные воспоминания были истинными, пока мальчик рядом с Марсилией не сказал:

— Подожди.

Стефан замолчал.

Мальчик наклонил голову и закрыл глаза, негромко гудя. Наконец, не открывая глаз, он сказал:

— Это то, что ты помнишь, но ты этому не веришь.

— Да, — согласился Стефан.

— Как это понимать? — спросил Бернارد. У меня сложилось впечатление, что Бернارد Стефану вовсе не друг. — Зачем садиться в кресло, если собираешься лгать?

— Он не лжет. — Мальчик подался вперед. — Продолжай. Расскажи нам все, как ты помнишь.

— Как я помню, — согласился Стефан и продолжил. То, что он помнил о смерти горничной, было хуже того, что он рассказал нам утром, даже хуже моих воспоминаний. В его версии убийцей был он, и он купался в крови и смерти этой женщины. Казалось, ему трудно припомнить любое из этих мгновений. Я предпочла бы краткое изложение, которое он представил нам раньше. Некоторые вызванные им образы были слишком близки к моим кошмарам.

Он умолк. Марсилия смотрела на него, постукивая пальцами по ручке кресла; остальное ее тело оставалось совершенно неподвижным.

— Таковы твои воспоминания о том, что случилось, хотя Вольфи говорит, что ты сам им не веришь. Значит, мы должны поверить в то, что колдун вмешался в твои воспоминания, как и в случае с Дэниэлом? Ты, так и не смилившийся пред твоим создателем, считаешь, что только что созданный вампир, прошу прощения, колдун способен держать тебя в плену?

Бернارد добавил:

— И почему он не наделил тебя воспоминаниями о других людях, погибших в отеле? Если бы он хотел возложить вину на тебя, то, конечно, мог бы приписать тебе и эти убийства.

Стефан наклонил голову и задумчиво ответил:

— Не знаю, почему он не внушил мне воспоминания о других убитых. Может, я для этого должен был присутствовать при их смерти. У нас есть другие доказательства его способности вторгаться в память вампира. Я бы хотел, чтобы заговорил Дэниэл.

Глаза Марсии превратились в узкие щелки, но она кивнула.

Стефан осторожно снял руки с подлокотников кресла. Медные шипы почернели от его крови.

Андре прошел вперед и опустил слишком худое тело Дэниэла в кресло на место Стефана. Дэниэл свернулся тугим клубком, убрав руки подальше от подлокотников и выставив плечо, когда Стефан попытался коснуться его.

— Андре? — спросил Стефан.

Андре бросил на него неприязненный взгляд, но повернулся к Дэниэлу.

— Дэниэл, ты должен сесть как подобает в Кресле Вопросения.

Молодой вампир заплакал. Движениями артрита старика он выпрямился в кресле. И дважды пытался поднять руки, пока сам Андре не взял их и не насадил на шипы. Дэниэл задрожал.

— Он слишком слаб для этого, — сказал Андре Стефану.

— Ты его создатель, — холодно молвила Марсилия. — Прими меры.

Андре поджал губы, но поднес запястье ко рту Дэниэла.

— Ешь, — велел он.

Дэниэл медленно отвернулся.

— Дэниэл, ешь.

Я никогда не видела, как кусает вампир. Стремительное движение головы Дэниэла заставило меня прижать руку к бинтам, скрывавшим следы укуса Литтлтона у меня на шее.

Андре поморщился, но руку не отнял.

Дэниэл ел долго. Все это время вампиры не шевелились, только Марсилия ярко накрашенными ногтями нетерпеливо постукивала по ручкам своего кресла. Никто не ерзал, не возил ногами. Я сделала шаг к Уоррену, и он положил руку мне на плечо. Я взглянула на Стефана, обычно подвижного, как щенок, но и он был захвачен общими чарами.

— Хватит.

Андре начал отнимать руку, но зубы Дэниэла оставались в его запястье. Дэниэл оторвал обе руки от подлокотников — я видела, как рвалась при этом его кожа, — но продолжал удерживать руку Андре.

— Дэниэл, довольно.

Вампир заскулил, но отвел лицо. Он по-прежнему удерживал Андре руками. Глядя на кровь, идущую из укуса в запястье, он дрожал, и его глаза блестели, как бриллианты. Андре убрал руку, схватил Дэниэла за руки и снова насадил их на шипы.

— Сиди так, — прошипел он.

Дэниэл тяжело дышал, его грудь поднималась и опускалась неровными толчками.

— Задавай свои вопросы, Стефан, — сказала Марсилия. — Меня утомило это представление.

— Дэниэл, — сказал Стефан, — я хочу, чтобы ты вспомнил ту ночь, когда, как ты считаешь, убил тех людей.

Голос Стефана звучал мягко, но глаза Дэниэла опять наполнились слезами. А мне говорили, что вампиры не умеют плакать.

— Не хочу, — сказал он.

— Правда, — подтвердил Вольфи.

— Понимаю, — кивнул Стефан. — И все равно Расскажи, что последнее ты помнишь перед приступом жажды крови.

— Нет, — сказал парень.

— Хочешь, чтобы вопросы задавал Андре?

— Парковка отеля.

Дэниэл говорил хрипло, словно после долгого молчания.

— Парковка отеля в Паско, где остановился Кори Литтлтон, вампир, с которым ты должен был встретиться?

— Да.

— Жажда крови не начинается беспричинно. Ты ел в тот вечер?

— Да, — кивнул Дэниэл. — Когда вечером я проснулся, Андре дал мне одну из своих овечек.

Не думаю, что он говорил о четырехногой овце.

— Так что вызвало твой голод? Не помнишь?

Дэниэл закрыл глаза.

— Там было столько крови. — Он всхлипнул. — Я знал, что это неправильно. Стефан, это был ребенок. Плачущий ребенок. Так хорошо пахло.

Я успела заметить, как пожилой вампир облизнул губы. Потом снова посмотрела на Дэниэла. Не знаю, сколько вампиров после его рассказа почувствовали голод.

— Ребенок, которого ты убил в саду? — опросил Стефан.

Дэниэл кивнул и прошептал:

— Да.

— Дэниэл, сад за Бентон-сити, в получасе езды от Паско. Как ты туда попал?

Марсилия перестала постукивать пальцами. Я вспомнила слова Стефана о том, что вампир в приступе жажды крови не способен вести машину. Очевидно, Марсилия с этим согласна.

— Должно быть, приехал. Машина была там, когда я пришел в себя.

— Почему ты поехал в Бентон-сити, Дэниэл?

Дэниэл ответил не сразу. Наконец он сказал:

— Не знаю. Помню только кровь.

— Сколько бензина было в твоей машине, когда ты приехал в отель в Паско? — спросил Стефан.

— Бензина не было, — медленно сказал Дэниэл. — Я помню, потому что потом мне пришлось заправляться.

Стефан повернулся к молчаливой аудитории.

— Бернард, сколько бензина было в машине Дэниэла, когда ты нашел его?

Бернард неохотно ответил:

— Полбака.

Стефан выжидательно посмотрел на Марсилию.

Неожиданно она улыбнулась — ясной улыбкой, придавшей ей сходство с невинной девочкой.

— Хорошо. Я думаю, в ту ночь с Дэниэлом кто-то был. Я поверила бы, что под бременем жажды крови ты можешь вести машину двадцать миль и заправиться, но новый вампир, такой, как Дэниэл, на это не способен.

Дэниэл повернул голову к Стефану.

— Это не значит, что я не убивал тех людей. Ведь я это помню, Стефан.

— Я знаю, что помнишь, — ответил Стефан. — Можно ему покинуть кресло, если Вольфи убедился в правдивости его слов?

Подросток рядом с Марсией — она занялась чисткой ногтей — кивнул.

— Хозяин? — прошептал Дэниэл.

Андре смотрел в пол, но, услышав вопрос Дэниэла, сказал:

— Можешь покинуть кресло, Дэниэл.

— Это доказывает только, что в ту ночь с Дэниэлом кто-то был. Кто-то умеющий вести машину и заправляться, — сказал Бернард.

— Совершенно верно, — спокойно согласился Стефан.

Дэниэл попытался встать, но ноги под ним подогнулись. Да и руки он не мог оторвать. Стефан помог ему освободиться и поднял с кресла. Было очевидно, что, несмотря на кормление, Дэниэл слишком слаб, чтоб стоять.

Стефан сделал шаг в сторону Андре, но остановился и повернул туда, где стояли вервольфы и я.

Он опустил Дэниэла на пол в нескольких футах от Уоррена.

— Оставайся здесь, Дэниэл, — сказал он. — Можешь?

Молодой человек кивнул.

— Да.

Но руку Стефана не отпустил, так что тому пришлось отцеплять пальцы Дэниэла, прежде чем он смог вернуться к креслу. Достав из кармана носовой платок, он протер подлокотники, и те заблестели. Никто не пожаловался на то, что на это ушло время.

— Мерси, — сказал Стефан, убирая платок в карман. — Пожалуйста, иди сюда и расскажи правду моей госпоже.

Он хотел, чтобы я насадила руки на эти ужасные шипы. Эти шипы и пронзенные руки не только казались мне святотатством — это больно! Конечно, для меня это не стало сюрпризом — после Дэниэла и самого Стефана.

— Иди, — сказал он. — Я все протер. Ты не осквернишь себя.

Древесина прохладная, а сиденье для меня велико, как любимое кресло моего приемного отца. После его смерти я часами просиживала в том кресле, впитывая папин запах, засевший в полированном дереве за долгие годы использования. Мысль об отце укрепила меня, но мне потребовалось все мужество.

Шипы оказались длиннее и острее, чем когда я просто смотрела на них, а не вонзала в плоть. Лучше побыстрее отделаться. Я плотно обхватила концы подлокотников и нажала.

Вначале было совсем не больно. Потом горячие щупальца магии проникли сквозь разрыв в коже, прошли по жилам и кулаком сжали сердце.

— Ты в порядке, Мерси? — спросил Уоррен; его голос прозвучал вызывающе.

— У волков нет права говорить на нашем суде, — рявкнул Бернارد. — Не можешь молчать — уходи.

Я была рада, что Бернارد что-то сказал. Он дал мне время понять, что магия мне не вредит. Было неприятно, но не больно. Не стоит из-за этого начинать драку, к чему уже готов Уоррен. Адам послал его охранять меня, а не начинать из-за легкого неудобства войну.

— Со мной все в порядке, — сказала я.

Подросток шевельнулся.

— Неправда, — сказал он.

Правду? Что ж, отлично.

— У меня болит лицо, болят плечи, болит шея там, где укусил проклятый демон-вампир, а магий стула нежна, как удар молнии, но постоянным ущербом это не грозит.

Мальчик — Вольфи — возобновил свое кататоническое раскачивание.

— Да, — сказал он, — правда.

— Что произошло прошлой ночью? — спросил Стефан. — Пожалуйста, начни с моего телефонного звонка.

Я обнаружила, что рассказываю свою историю гораздо подробнее, чем собиралась. Конечно, им не нужно знать, что езда Стефана меня испугала, или чем пахнет смерть женщины. Но оказалось, я не способна отбирать: воспоминания исходили из моих уст в том же виде, в каком возникали в голове. Кажется, у вампиров все же есть магия, которой нипочем моя кровь ходячей.

Но Бернارد, по-видимому, считал иначе.

— Противоположности сосуществовать не могут, — сказал он, когда я умолкла. — Нельзя верить, что она подчиняется креслу и в то же время может сопротивляться вампиру, который вложил в голову Стефана чужие воспоминания. Стефан единственный из нас способен противиться приказам госпожи, своей создательницы.

— Кресло зависит от нашей силы, — сказал Стефан. — Оно функционирует благодаря крови, но его магию создал ведун. Не знаю, сумел бы колдун сделать с Мерседес то, что сделал со мной? Он не знал, кто она, и не пытался.

Бернارد начал возражать, но Марсилия подняла руку.

— Хватит. Даже пятьсот лет назад, — продолжила она, обращаясь к Стефану, —

колдуны встречались редко. С тех пор как мы пришли в эту пустыню, я не видела ни одного. Кресло показало, что ты веришь в существование колдуна, которого превратили в вампира. Но, прости меня, я в это не верю.

Бернард с трудом сдержал улыбку. Мне хотелось бы лучше знать, как осуществляется правосудие в семье. Я не знала, что сказать, чтобы обеспечить безопасность Стефана.

— Показания ходячей убедительны, но, как и у Бернарда, у меня есть сомнения в отношении того, как действует на нее кресло. Я была свидетельницей того, как ходячие не подчинялись гораздо более могущественной магии.

— Я чувствую ее правду, — прошептал мальчик, продолжая раскачиваться. — Ясней, чем у других. Резко и отчетливо. Если убьешь сегодня Стефана, лучше убей и ее тоже. Койоты поют не только ночью, но и днем. Это ее правда.

Марсилия встала и прошла туда, где я сидела в плену кресла.

— Ты будешь охотиться на нас, когда мы спим? Будешь?

Я открыла рот, собираясь отрицать это, как всякий, перед кем стоит рассерженный вампир, потом снова его закрыла. Кресло заставляло говорить правду.

— С моей стороны это было бы глупостью, — сказала я наконец и сказала серьезно. — Я не ищу неприятностей.

— Вольфи?

Она взглянула на мальчика, но тот только качнулся.

— Неважно, — сказала она, взмахом руки отпуская меня, и повернулась к своим подданным. Вольфи верит ей. Правда это или нет, но мы не можем позволить вампиру, какому бы то ни было вампиру, — она бросила быстрый взгляд на Стефана, чтобы подчеркнуть свои слова, — убивать без разрешения. Это недопустимый риск. — Она несколько мгновений смотрела на сидящих вампиров, потом снова повернулась к Стефану. — Хорошо. Я верю, что убивал тот вампир, а не ты. Даю тебе четыре седмицы на то, чтобы найти колдуна и представить нам его или его тело. Если не сможешь, мы будем считать, что колдуна не существует, а ты виноват в том, что подверг опасности семью.

— Согласен.

Стефан поклонился, а я пыталась вспомнить, что такое седмица. Семь ночей? Значит, четыре недели.

— Можешь выбрать себе помощника.

Стефан осмотрел ряды вампиров, ни на ком не останавливая взгляд.

— Дэниэл, — сказал он наконец.

Андре удивился и возразил:

— Дэниэл и ходить не может.

— Решено, — сказала Марсилия. Она потерла руки, словно умывая их, встала и вышла из комнаты.

Я начала вставать с кресла, но не могла оторвать руки: они прочно застряли, а моя попытка причинила боль. Я не могла потянуть достаточно сильно, чтобы освободиться.

Стефан заметил мое затруднение и, как в случае с Дэниэлом, осторожно освободил мои ладони.

Вставая, я посмотрела на Вольфи, который единственный из вампиров оставался в комнате. Он смотрел на меня голодным взглядом. «Не очень разумно проливать кровь в комнате, полной вампиров», — подумала я.

— Спасибо, что пришла, — сказал Стефан, беря меня за локоть и отворачивая от

взгляда Вольфи.

— Вряд ли я очень помогла, — ответила я. То ли кресло, то ли взгляд Вольфи вызвали у меня головокружение, и я тяжелее, чем собиралась, оперлась на Стефана. — Тебе все равно придется самому искать колдуна.

Стефан улыбнулся.

— Я этим займусь. Сюда. У меня будет помощник.

К нам подошел стоявший в стороне Андре.

— Какая помощь? Дэниэл, даже здоровый, немногим лучше человека. А сейчас он слаб, как котенок.

— Ты мог бы предотвратить это.

В голосе Стефана не было упрека, но что-то подсказывало мне, что в состоянии Дэниэла он винит Андре.

Андре пожал плечами.

— Ему предлагали еду. Он отказывался, я не собирался кормить его насильно. Со временем он все равно стал бы есть.

Стефан передал меня Уоррену, а сам повернулся, чтобы помочь встать Дэниэлу.

— Ты превратил его, и твоя обязанность защищать его даже от него самого.

— Ты слишком долго общался с волками, амиго, — сказал Андре. — Вампиры не так хрупки. У тебя тоже было достаточно времени, чтобы превратить его.

Помогая Дэниэлу держаться на ногах, Стефан отвернулся от Андре, но я видела, как в шоколадной глубине его глаз вспыхнул красный огонь.

— Он был мой.

Андре пожал плечами.

— Это старый спор, и я даже помню, что соглашался с тобой. Все произошло случайно. Я не хотел превращать его, но у меня не было выбора. Иначе он умер бы. Мне кажется, я достаточно извинялся за это.

Стефан кивнул.

— Прости, что снова поднял эту тему. — Но это были только слова. — Я верну тебе Дэниэла, когда выполню задание Марсии.

Андре не пошел с нами к выходу. Не знаю, рассердился он или нет. Мне трудно понимать вампиров, у которых нет нормальных запахов тела.

Мы остановились у грузовика. Уоррен подождал, потом сказал:

— Стефан, мне бы хотелось тебе помочь. Думаю, Адам согласится: колдун, одержимый демоном, серьезная проблема.

— Мне тоже, — неожиданно сказал Бен. Он увидел мое лицо и рассмеялся. — В последнее время здесь скучновато. Адам теперь слишком на виду. С самого начала года он разрешает нам всего одну лунную охоту в месяц.

— Спасибо, — сказал Стефан, и сказал как будто искренне.

Я открыла рот, но прежде чем смогла что-то сказать, Стефан прижал к моим губам холодный палец.

— Нет, — сказал он. — Сэмюэль прав. Вчера ночью я едва не убил тебя. Если бы Литтлтон хоть отчасти догадывался, кто ты, он не отпустил бы тебя живой. Ты слишком уязвима, а я не собираюсь начинать войну с Адамом или, того хуже, с самим Марроком.

Я закатила глаза. Неужели я так важна для Маррока, чтобы он начал войну с семьей, когда все его силы направлены на то, чтобы вервольфы выглядели хорошими? Бран для этого

слишком прагматичен. Но Стефан прав; к тому же со всем, что могу сделать я, пара вампиров и вервольфов справится не хуже.

— Отомсти за нее, — сказала я. — За ту девушку и за всех остальных, которые сегодня должны были быть со своими любимыми, а не лежать в холодной земле.

Стефан взял мою руку, наклонился и прижался к ней губами. Этот галантный жест заставил меня вспомнить, какая у меня кожа. Работа механика не очень полезна для рук.

— Как пожелает миледи, — совершенно серьезно сказал Стефан.

— Алло?

Голос Адама прозвучал напряженно.

— Прошла почти неделя, — сказала я. — Литтлтон за мной не пришел. Он занят играми с Уорреном и Стефаном. — Уоррен сообщал мне о результатах поисков колдуна. Литтлтон всегда на шаг опережал их. — Отзови телохранителей.

На другом конце линии ненадолго наступило молчание, потом Адам сказал:

— Нет. Это не телефонный разговор. Если хочешь поговорить со мной, приходи — поговорим. Прихвати сменную одежду. Я буду работать в гараже.

И он повесил трубку.

— Как насчет других телохранителей? — жалобно спросила я у трубки. — Кого-нибудь, с кем я лажу.

Я поставила телефон и сердито посмотрела на него.

— Хорошо. Придется ладить с ней.

Вернувшись на следующий день домой, я мрачно натянула спортивный костюм и снова позвонила ему.

— Ты победил, — сказала я.

— Жду тебя в своем гараже.

Надо отдать ему должное: никакого самодовольства. Вот такой у Адама железный самоконтроль.

Идя по участку за домом, я убеждала себя, что глупо волноваться из-за разговора с ним. Вряд ли он набросится на меня без разрешения. Нужно только сохранять деловой тон.

Адам тренировался, пиная мешок с песком в доджо^[21], в которое превратил половину своего гаража. Зеркальная стена, кондиционер и покрытый матами пол. Его пинки были само совершенство. Мои тоже были бы такими, если бы я упражнялась лет тридцать-сорок. Может быть.

Он закончил, подошел ко мне и коснулся левой стороны моего лица. Меня окутал его запах, усиленный упражнениями; пришлось бороться с собой, чтобы не прижаться головой к его ладони.

— Как голова? — спросил он.

Синяки уменьшились и побледнели — во всяком случае, клиенты не смущались, глядя на меня.

— Хорошо.

Сегодня утром я впервые проснулась без головной боли.

— Отлично. — Он отошел на середину застланного матами пола. — Поработай со мной немного.

Я уже несколько лет занимаюсь каратэ в доджо сразу за железной дорогой, недалеко от моего дома. И все равно медлила в нерешительности. Я далеко не так сильна, как вервольф. Но напрасно я тревожилась: Адам оказался прекрасным спарринг-партнером.

Мой учитель сенсей Йохансон не учит «красивому» карате, которым большинство американцев овладевает для показательных выступлений и турниров. Шисей кайкан — старейшая разновидность каратэ. Сенсей называет ее «схвати и сломай». Изначально она

была создана для солдат, которым противостоит несколько врагов каждому. Идея в том, чтобы как можно быстрее вывести противника из строя и позаботиться о том, чтобы в строй он не вернулся. Я была единственной женщиной в своей группе.

Моей главной проблемой было — как замедлить движения, чтобы не вызывать подозрений, но в то же время не настолько, чтобы пострадать. С Адамом этой проблемы не существует. Впервые я дралась на полной скорости, и мне это понравилось.

— Ты используешь айкидо? — спросила я, отступая после первой схватки.

Айкидо — более мягкий способ борьбы. Конечно, в айкидо тоже можно сломать человека, но большинство движений здесь — только имитация. Можно захватить локоть и обездвижить противника, но можно приложить чуть больше сил и сломать ему руку.

— Занимаясь обеспечением, безопасности в обществе бывших солдат, я понял, что время от времени полезно тренироваться со спарринг-партнером. Это помогает выпустить пар, — сказал он. — Айкидо позволяет мне побеждать, не причиняя вреда. Так было до этого года. Теперь известно, что я не совсем человек.

Он снова сблизился со мной и с улыбкой ушел от моего удара, пропустив его мимо своего плеча. Я упала и бросилась Адаму под ноги, так что ему пришлось откатиться, прежде чем он смог сделать что-нибудь неприятное. А когда Адам встал, я заметила, что он отдувается. Я сочла это комплиментом.

Хоть мы действовали на полной скорости, но следили за тем, чтобы не использовать всю силу. Вервольфы излечиваются быстро, и все равно их кости ломки, а тело болит от ударов. А если Адам ударит меня изо всей силы, думаю, я не скоро встану, если встану вообще.

— Хочешь, чтобы я снял охрану? — спросил Адам посреди серии ударов и блокировок;

— Да.

— Нет.

— Колдун считает меня койотом, — нетерпеливо объяснила я. — Он не станет меня искать.

— Нет.

Я нанесла удар, который лишил его равновесия, но и избежала западни — не подошла к нему слишком близко. Схватываться с вервольфом — глупость, особенно с вервольфом, знающим айкидо.

— Послушай, я не возражаю против Уоррена или Мэри Йо. Мэри Йо даже умеет отличить один конец гаечного ключа от другого и может помочь. Но Хани? Разве она не нужна своему напарнику, чтобы красиво принимать посетителей?

Напарник и муж Хани Питер Йохансон занимается установкой сантехнического оборудования. Молчаливый волосатый мужчина, домосед, он за час способен выполнить больше работы, чем некоторые люди за целую жизнь. А Хани — бимбо^[22] и интересуется только тем, что видит в зеркале, однако мужа любит. Но всякий раз говоря об этом, не забывает упомянуть, что он в отличие от нее не доминирующий волк. Со мной она никогда не разговаривала: Хани любит меня не больше, чем я ее.

— Питер подчиняется моим приказам, — сказал Адам.

Адам — Альфа, и Питер исполняет его приказы. Хани — жена Питера, он приказывает ей, и она слушается. Самцы-волки обращаются со своими самками как с любимыми рабынями. Эта мысль вызвала у меня мурашки.

Не вина Адама или Питера, что вервольфы живут в каменном веке. Правда, хорошо, что

я не вервольф, иначе началось бы восстание рабов.

Я нацелилась пнуть Адама в колено, но он перехватил мою ногу, подтащил меня к себе и лишил равновесия. Потом сделал что-то сложное, и я оказалась лицом вниз на мате, скрученная, как крендель, а он держал меня одной рукой и коленом.

От него пахло ночным лесом.

Я быстро ударила по мату, и он отпустил меня.

— Адам, закрой глаза и представь себе Хани в моей мастерской. Сегодня на ней шпильки три дюйма.

Мысль о ней стала словно холодная вода, выплеснутая мне в лицо. Очень вовремя!

Он рассмеялся.

— Неуместна, правда?

— Она весь день стоит, потому что не боится испачкать платье о мой стул. Гэбриэл в нее втюрился. — Я нахмурилась, когда Адам снова рассмеялся. — Гэбриэлу шестнадцать. Если его мать узнает, что он флиртует с вервольфом, она запретит ему работать в моей мастерской.

— Она не узнает, что Хани вервольф. Хани еще не перестала таиться. И привыкла к мужскому вниманию, она не воспримет Гэбриэла серьезно, — сказал Адам, как будто дело в этом.

— Я знаю; Гэбриэл считает, что его матери все равно. Но она пронюхает. Мне всегда не везет. Если Гэбриэл уйдет, мне придется самой заниматься бумажками.

Не люблю жаловаться, но работу с документами терпеть не могу, и она платит мне взаимностью.

Сильвии, матери Гэбриэла, недавно стало известно, что Зи из малого народа. Она приняла это спокойно, потому что: давно знала и любила Зи. Но сомневаюсь, чтобы она так же хорошо была знакома с вервольфами, особенно красивыми самками, которые могут кружить голову.

— Не хочу терять Гэбриэла только из-за того, что ты параноик. Больше никаких телохранителей, Адам. Да и какой прок от Хани? Кого она защитит?

Он невесело вздохнул.

— Стефан все время занят поисками колдуна. Ему помогают Уоррен, Бен и еще несколько вервольфов, так что очень скоро они разберутся с ним и ты будешь свободна. А что касается способностей Хани как телохранителя — она умеет драться и дерется грязно. Раз или два победила на тренировках даже Даррила. — У большинства стай никаких тренировок не бывает. Должно быть, все-таки сказывается армейское прошлое Адама. Не будь Хани женщиной, она была бы у кого-нибудь второй или третьей.

Я не удивилась, что Хани дерется грязно. Только немного удивилась, что она смогла одолеть Даррила, пусть раз или два. Как у второго, у Даррила должен быть большой опыт по части драк, и не тренировочных, а настоящих.

Я знала, почему Адам посылает охранять меня только женщин. По той же причине он послал со мной Уоррена и Бена. Уоррен не станет заигрывать со мной, поскольку я его не интересую, а как я не люблю Бена, Адам знал.

Вервольфы обладают сильным территориальным инстинктом. Поскольку Адам — будто бы для моей безопасности — объявил меня перед всей стаей своей подругой, я становилась его территорией. Что касается стаи, слово Адама — закон. Мое несогласие несколько не меняет того, что стая считает правдой. С Сэмюэлем Адам как-то сумел договориться. И я не

хотела знать, каким образом.

И вот мне досталась Хани, потому что Мэри Йо работает в сменах по двадцать четыре часа в пожарной команде, а третья и последняя женщина из стаи, Ауриэль, подруга Даррила, в Элленсбурге на курсах по подготовке учителей.

— Литтлтон вампир, — сказала я, стараясь внести хоть каплю логики в ситуацию. — Он не нападает днем. Пока его не поймали, я могу возвращаться домой засветло. Он не войдет в мой дом, если я его не приглашу. Да и не пойдет ко мне, потому что считает меня всего лишь добавлением к костюму Стефана.

— Я говорил о колдунах с Марроком, — мягко ответил Адам. — Это он велел мне приставить к тебе круглосуточную охрану. Он сказал, что никто не знает, каким чудовищем-демоном одержим этот вампир.

— Я знаю! — рявкнула я. Ну уж если охранять меня приказал Маррок, я обречена. И для Адама это тоже не секрет.

— Елизавета сказала мне, что ты ей звонила и расспрашивала о колдунах, — сказал он.

— Да. Радуйся: она сказала мне только, что ты велел ей никому ничего не рассказывать. Это было не совсем верно.

На самом деле старая ведьма сказала мне: «Адам говорит, чтобы ты в это не лезла. Он умный человек, Адам. Пусть волки охотятся за колдуном, Мерседес Томпсон. Койоту не тягаться с демоном».

— Уоррен и Стефан позаботятся о Литтлтоне, — сказал Адам. Голос его звучал сочувственно. Он может проявить сочувствие, потому что знает: я лишена всякой возможности возражать.

— Уоррен и Стефан охотятся на тигра с пращей, — ответила я. — Может, убьют, а может, тигр развернется и сам убьет их обоих. А тем временем Хани разгуливает в белых брюках и смотрит, как я регулирую двигатели.

Я подошла к одному из висячих мешков с песком и начала отрабатывать удары ногой. Я не хотела так говорить. Не хотела показывать, насколько я встревожена. Адам, может, и спокоен, но он ведь не был в одной комнате с этой тварью.

— Мерси, — сказал Адам, понаблюдав за мной. Я перешла к боковым пинкам. — Отвертка очень полезный инструмент, но ты же не пользуешься ею, когда нужна паяльная лампа. Я знаю, ты раздражена. Я знаю: ты хочешь быть с ними — потому что видела, на что способен Литтлтон. Но если ты пойдешь с ними, кто-нибудь погибнет, защищая тебя.

— Думаешь, я не понимаю? — выпалила я, испуганная тем, как хорошо он меня знает: именно это больше всего выводило меня из равновесия, пока другие охотились на Литтлтона. Я перестала пинаться и смотрела на раскачивающийся черный мешок, подавляя желание ударить Адама.

Я умею оборачиваться койотом. Я проворнее любого человека. На меня не действует магия вампиров — часть этой магии, причем я не знаю, какая именно. Но других сверхъестественных способностей у меня нет. А этих недостаточно, чтобы охотиться за Литтлтоном.

Если бы в ту ночь я порвала шлейку, колдун убил бы меня. Я это знала, но это не уменьшало сознания вины, когда я смотрела на горничную. Я хотела сама покончить с колдуном. Впитаться клыками ему в горло и почувствовать вкус его крови. На самом деле я хотела, отчаянно хотела убить этого улыбающегося мертвого сукина сына!

— Елизавета к нему не пойдет, — сказал Адам. — Очевидно, демоны как-то влияют на

ведьм. Не только ты держишься в стороне.

— Знаешь, сегодня по одному каналу показали интервью с сестрой человека, которого вампиры обвинили в убийстве. — Я дважды наподдала мешку. — Она плакала. Говорила, что у брата были проблемы в браке, но она представить себе не могла, что он так поступит. — Я снова лягнула мешок, выдохнув от усилий. — А знаешь, почему она не могла себе этого представить? Потому что бедняга действительно ничего не сделал, только оказался не в том месте и не в то время.

— Мы не можем позволить обнаружить вампиров, — сказал Адам.

Я видела, что его эта ложь тоже беспокоит. Адам честен, но сознает, что необходимо. Я тоже. Но это не значит, что мне это должно нравиться.

— Я знаю, что вампиры должны скрывать свое присутствие, — сказала я мешку с песком. — Знаю, что люди не готовы принять всех существ, которые таятся во тьме. Я понимаю, что сокрытие истины спасает нас от массовой истерии, которая выльется в многочисленные смерти. Но у водителя грузовика, того, что обвинили в убийстве, — у него дети. Они вырастут с мыслью, что их отец убил их мать.

Я записала их имена. Когда-нибудь, когда это будет безопасно, они узнают правду.

Их боль, убийства, то, что я то и дело просыпаюсь от запаха смерти бедной женщины и слышу издевательский смех Литтлтона, все это на счету колдуна. И я хочу быть среди кредиторов.

— Он играл с ней. — Своим лучшим ударом я заставила мешок крутиться, надеясь, что, если проговорю вслух все самое плохое, оно перестанет приходить ко мне ночами. — Ручаюсь, она знала, что он уже убил остальных людей. И знала, что он убьет и ее. Он пытал ее, раздирал понемногу, чтобы она дольше умирала.

— Мерси. — Голос Адама звучит очень мягко, очень ласково, но я в эту западню не попадусь. Для вервольфов любая мелочь значит слишком много и одновременно слишком мало. Если Адам утешит меня, он, вероятно, примет это за признание его вожаком и даже напарником. Его вины в этом нет: у вервольфов слишком сильны инстинкты. Сэмюэль безопаснее; он хоть и сильный доминантный волк, но не входит в стаю Адама.

Быть Альфой означает не просто быть доминантом. В единстве стаи есть магия, дающая силу вожаку, он может пользоваться силой стаи и возвращать стае эту силу. Я видела, как стая исцелила Адама и дала ему силу подчинить другую группой вервольфов.

Быть Альфой значит испытывать необходимость защищать и контролировать все, что под твоей командой. Я не подчиняюсь ему. Но Адам объявил меня своей подругой; значит, он со мной не согласен. И я не могу ни на йоту смягчить свое положение.

Я отступила в глубину гаража, потом побежала назад к мешку. Сенсей говорит, что прыжок и удар с поворотом — один из сильнейших приемов устрашения. Конечно, если такой удар попадет в цель, он производит сокрушительное действие, но никакой хоть сколько-нибудь опытный боец не допустит этого: удар слишком медленный.

Я прыгнула изо всех сил, вращаясь при этом так быстро, что закружилась голова. Пятка попала в мешок под самым верхом, как я и хотела. Будь мешок человеком, я сломала бы ему шею. Я сумела бы даже приземлиться на ноги.

Цепь, на которой висел мешок, не дала ему упасть, как упал бы человек, а я сама не ожидала такой силы удара и больно приземлилась на спину.

Я лежала на полу, но Адам перехватил мешок прежде, чем тот вернулся и ударил меня. Он негромко присвистнул, когда из шва в мешке посыпался песок.

— Отличный удар.

— Адам, — сказала я, глядя в потолок, — он приберег ее на десерт.

— Что? Кого приберег?

— Горничную. Литтлтон приберег ее, как ребенок приберегает шоколадного пасхального зайца. Он запер ее в ванной, чтобы ее не видели, потому что не хотел убивать слишком быстро. Он ждал Стефана.

Могли быть и другие причины, по которым он спрятал ее в ванной, — например, уже наелся, убивая остальных, — но что-то в его лице, когда он притащил женщину, говорило «наконец-то».

— Он ждал именно Стефана? Или любого, кого пошлет Марсилия? — спросил Адам, поняв значение того, что случилось, раньше меня.

Я вспомнила, что Литтлтон много знал о Стефане вплоть до интимных подробностей, хотя Стефан видел его впервые. Но больше всего меня убеждало то, как он был доволен: все как он ожидал.

— Он ждал Стефана, — сказала я и продолжила очевидным вопросом: — Кто же ему рассказал, что придет Стефан?

— Я позвоню Уоррену. Скажу, что, по-твоему, кто-то сообщил Литтлтону, что к нему идет Стефан, — сказал Адам. — Стефан может скорее догадаться кто, и это означает, что в его лагере предатель.

Я осталась на месте, а Адам подошел к телефону на стене и начал нажимать кнопки.

Мы прожили годы как соперники — два хищника, делящие одну территорию и испытывающие взаимное влечение. За эти годы я постепенно привыкла к требованиям Адама, но продолжала стоять на своем. И завоевала его уважение. Вервольфы и раньше любили меня или ненавидели. Но никто не уважал. Даже Сэмюэль.

Адам достаточно уважал меня, чтобы действовать на основе моих подозрений. А это много значит.

Я закрыла глаза и позволила его голосу окружить меня, снять раздражение. Адам прав. Я вообще не приспособлена для охоты на вампира, тем более одержимого демоном. И должна быть довольна, что это взяли на себя Уоррен и Стефан. Но если Литтлтона убьет Бен, не знаю, устроит это меня или нет. Ужасно не хотелось быть в долгу у Бена больше, чем сейчас.

Адам повесил трубку. Я слышала его негромкие приближающиеся шаги и шорох мата, когда Адам сел на него. Немного погодя он развязал и стащил с меня борцовскую куртку, так что я осталась в футболке и белых спортивных брюках. Я позволила ему это.

— Такая вялость на тебя не похожа, — сказал он.

Я заворчала, не открывая глаз.

— Заткнись. Я тут тону в жалости к себе. Имей хоть немного уважения.

Он рассмеялся и повернул меня так, что я прижалась лицом к пропахшему потом мату: Его сильные теплые руки промяли напряженные мышцы моей спины. Когда он занялся плечами, я почувствовала, что во мне совсем нет костей.

Вначале он просто делал массаж, разминал узлы, оставшиеся от бессонных ночей и дней тяжелой физической работы. Потом его руки стали мягче, а движения превратились в легкие и ласковые.

— Ты пахнешь перегоревшим маслом и смазкой от коррозии, — с улыбкой сказал он.

— Так заткни нос, — ответила я. И с отчаянием поняла, что в моем ответе больше меда,

чем яда.

Вот как все просто. Стоило Адаму растереть мне спину, и я его. Именно из-за своей восприимчивости я так старательно его избегала. Но сейчас, лежа ничком, чувствуя его руки на своей спине, я не считала это единственной причиной.

А он пахнет не горелым маслом, а лесом, волком и тем своеобразным диким запахом, который есть только у него. Руки Адама оказались под моей футболкой и принялись разминать мышцы спины; потом он завожился с застежкой моего бюстгалтера. Я могла бы сказать, что у спортивных бюстгалтеров нет застежек, но тогда я приняла бы активное участие в собственном совращении. А я хотела, чтобы он был агрессором. И лишь малая часть меня, очень малая, не превратившаяся под его руками в желе, гадала почему.

Не хочу ни на кого перекладывать ответственность, решила я лениво. Я более чем готова отвечать за свои поступки, и то, что я позволила его теплым мозолистым рукам скользнуть в мои волосы, определенно было для меня поступком. Мне нравятся эти руки в моих волосах, решила я. Нравятся руки Адама.

Он куснул меня в шею, и я застонала.

Неожиданно дверь между гаражом и домом распахнулась.

— Привет, папа, привет, Мерси.

Ледяная вода не была бы эффективнее.

Быстрые шаги дочери Адама стихли, и руки Адама замерли. Я открыла глаза и встретила с ее взглядом. С последнего раза, как мы виделись, она изменила прическу, сделав ее еще более необычной. Волосы не более полудюйма длиной и желтые — не светло-желтые, а цвета нарцисса. Общее впечатление очаровательное, но немного эксцентричное. Не так должен выглядеть спаситель.

Поняв, чему она помешала, Джесси перестала улыбаться.

— Я... м-м-м... пойду наверх посмотрю телевизор, — сказала она чужим голосом.

Я выбралась из-под Адама.

— Спасительница, — сказала я. — Спасибо. Ситуация уже начала выходить из-под контроля.

Она неуверенно смотрела на меня.

А я задумалась, сколько раз она вот так же забегала в спальню матери и как реагировала ее мать. Мне никогда не нравилась мать Джесси, и я готова была поверить любым дурным слухам о ней. Я позволила злости на бывшую Адама охватить меня. Когда живешь с вервольфами, учишься прятать от них свои чувства, например, скрывать панику; а под чувственными руками Адама я впала в панику.

Адам фыркнул.

— Это лишь один способ описания.

К моему облегчению, он оставался на месте: лежал, прижимаясь лицом к мату.

— Даже при всей моей силе воли искушение было слишком велико, — мелодраматически сказала я, поднося руку ко лбу. Если я и обратила все в шутку, Адам поймет, насколько шутка близка к правде.

Джесси медленно заулыбалась; уже не казалось, будто она готова убежать назад в дом.

— Папа у меня настоящий жеребец, верно.

— Джесси, — предупредил Адам; мат приглушал его голос. Она хихикнула.

— Должна согласиться, — серьезно сказала я. — Думаю, баллов семь или восемь.

— Мерседес! — прогремел Адам, вскакивая на ноги.

Я подмигнула Джесси, небрежно набросила куртку на плечо и, придерживая ее одним пальцем, направилась к черному ходу гаража. А когда повернулась, чтобы закрыть дверь, невольно посмотрела Адаму в лицо. И похолодела.

Он не был сердит или обижен. Он глядел задумчиво, будто только что получил ответ на давно занимавший его вопрос. Он знал.

Перебираясь через колючую проволоку, разделяющую наши участки, я все еще дрожала.

Всю жизнь я сливалась с окружающими. Это дар койотов. Он помогает нам выжить.

Я рано научилась подражать волкам. Играла по их правилам, пока они сами их соблюдали. Если они переходили разумные границы, потому что считали меня ничтожнее себя — ведь я не волк, а койот — Или потому что завидовали моей способности не отвечать на призыв луны, — игры заканчивались. Я превратила их слабость в свою силу. Я лгала телом и глазами, лизала им башмаки, а потом отыгрывалась, как могла.

Волчий этикет стал для меня игрой, правила которой я хорошо знала. Я считала себя неподвластной глупому противостоянию доминирования — подчинения, неподвластной силе Альфы. И только что получила наглядный урок, что заблуждалась. Мне это не понравилось. Совсем не понравилось.

Если бы не зашла Джесси, я уступила бы Адаму, как героиня любовных женских романов 70-х годов. Такие романы непрерывно читала моя приемная мать. Ик.

Я прошла по своему заднему двору и оказалась рядом с дряхлым «кроликом», который снабжал меня запасными частями, а также помогал поставить на место Адама, когда тот пытался вести себя, как диктатор. Когда Адам смотрел в свое заднее окно, прямо посреди его поля обзора оказывался этот «кролик».

Я притащила его из гаража несколько лет назад, когда Адам пожаловался, что мой дом на колесах портит вид из его окон. Потом, всякий раз как он меня шпынял, я делала «кролика» все уродливее. Сейчас у него не хватает трех колес и заднего бампера. Все это благополучно спрятано у меня в гараже. На капоте большими красными буквами написано «Если хотите хорошо провести время» и дальше — телефонный номер Адама. Граффити — предложение Джесси.

Я опустилась на землю рядом с «кроликом», прислонилась головой к его крылу и задумалась, почему вдруг мне так захотелось подчиниться Адаму. Почему я никогда раньше такого не чувствовала. Я пыталась вспомнить, но помнила только, что опасалась тесно связываться с вервольфами.

Мог он подчинить меня своим целям? Была это психология или парапсихология, наука или магия? Если я буду знать, что происходит, смогу ли сопротивляться этому?

У кого бы спросить?

Я посмотрела на машину на подъездной дороге. Сэмюэль вернулся со своей смены в «скорой помощи».

Если кто-нибудь и знает, так это Сэмюэль. Нужно только придумать, как его спросить. Вот доказательство того, насколько я была потрясена: я встала и пошла домой, собираясь спросить у вервольфа, который ясно дал понять, что хочет овладеть мной, — спросить, как другой вервольф может сделать, чтобы я его захотела. Обычно я не так тупа.

Добравшись до «парадного» входа, я усомнилась в разумности своих намерений. Я раскрыла дверь, и мне в лицо ударил холодный воздух.

Мой старый стенной кондиционер способен держать температуру в спальне на десять градусов ниже окружающей, и мне этого достаточно. Мне нравится жара, но большинству

волков она неприятна, поэтому Сэмюэль установил новый кондиционер и заплатил за него. А поскольку он думает не только о себе, то обычно оставляет температуру на удобном мне уровне.

Я посмотрела на термостат и увидела, что Сэмюэль передвинул его вниз до предела. Внутри не 42 градуса^[23], но все равно неприятно. Весьма заботливо, учитывая, что снаружи на сто градусов выше, а мой трейлер построен в 1978 году; тогда еще не делали дома с хорошей изоляцией. Я установила более разумную температуру.

— Сэмюэль? Почему ты поставил такую низкую температуру? — спросила я, бросая куртку на диван.

Ответа не было, хотя он меня слышал. Я прошла через кухню в прихожую. Дверь Сэмюэля обычно заперта, но сейчас нет.

— Сэмюэль?

Я коснулась двери, и она приоткрылась примерно на фут, достаточно, чтобы я увидела лежащего на кровати Сэмюэля, все еще в больничной одежде. От него пахло дезраствором и кровью.

Рукой он закрывал глаза.

— Сэмюэль!

Я остановилась на пороге: пусть обоняние подскажет мне, что он чувствует. Но тем, что может сразу прийти в голову, от него не пахло. Он не рассержен и не испуган. Однако было что-то... От него пахло болью.

— Что с тобой, Сэмюэль?

— От тебя пахнет Адамом.

Он убрал руки и посмотрел на меня волчьим взглядом: зрачки белые, как снег, и окружены черным.

Это не Сэмюэль, подумала я, стараясь не паниковать и не делать глупости. Ребенком, как и другие дети в Осиновом Ручье, я играла с волком Сэмюэля. Только став много старше, я поняла, как это опасно с любым другим волком. И я бы чувствовала себя лучше, если бы эти волчьи глаза были в волчьем теле. Волчьи глаза на человеческом лице означают, что контроль за волком исчез.

Я видела, как срываются новые волки. Если это происходит с ними часто, их уничтожают ради стаи и всех их близких. Я всего один раз видела, как Сэмюэль сорвался, и это было после нападения вампира.

Я опустила на пол, чтобы моя голова была ниже его. Интересное чувство — делать себя беспомощным в присутствии того, кто легко может разорвать тебе горло. Если подумать, то в последний раз я так вела себя тоже с Сэмюэлем. Но я делала это из чувства самосохранения, а не из-за какого-то подавленного стремления подчиниться доминирующему волку. Я притворялась — а не подчинялась по какому-то внутреннему побуждению.

Подумав так, я поняла: это правда. У меня нет желания подчиняться Сэмюэлю. В других, более благоприятных обстоятельствах это меня порадовало бы.

— Прости, — прошептал Сэмюэль, снова закрывая глаза рукой. — Тяжелый день. На развилке на 240 шоссе авария. Несколько парней, восемнадцати-девятнадцати лет, в одной машине. В другой — мать с младенцем. Все в критическом положении. Может, и выкарабкаются.

Он очень опытный врач. Не знаю, почему именно этот случай вывел его из себя. Я

издала утешительный звук.

— Ужасно много крови, — сказал он наконец. — Ребенка изрезало осколками, пришлось наложить тридцать швов. Одна из сестер новенькая, только из колледжа. Она не выдержала на середине. Потом, спросила, как я научился держаться, когда жертвы дети. — В его голосе звучала горечь, какую я редко слышала. Я едва не ляпнул, что видел и похуже. И съедал их. Такой младенец — на один укус.

Теперь я могла уйти. Сэмюэль достаточно владел собой, чтобы не наброситься на меня. Может быть. Но я не могла оставить его в таком состоянии.

Я осторожно поползла по полу, наблюдая за ним, ожидая, что увижу, как напрягаются мышцы. Это означало бы, что он готов к прыжку. Медленно подняла руки, коснулась его. Он никак не отреагировал.

Будь это новый волк, я бы знала, что сказать. Но одна из обязанностей Сэмюэля в стае — помогать новым волкам в таких ситуациях. Я не могу сказать ему ничего такого, чего он и сам не знает.

— Волк — практичный зверь, сказала я наконец, думая, что больше всего его расстраивает воспоминание о съеденном ребенке. — Ты разборчив в еде. И никого не съешь за операционным столом, потому что голоден.

Примерно так Сэмюэль разговаривал с новыми волками.

— Я так устал, — сказал он. У меня вздыбились волосы на затылке. — Слишком устал. Пора отдохнуть.

Он говорил не о физическом отдыхе.

Вервольфы не бессмертны, хотя неподвластны старости. Но время все равно их враг. Один волк говорил мне, что после очень долгой жизни смерть привлекает больше, чем возможность прожить еще день. Сэмюэль очень стар.

Маррок, отец Сэмюэля, раз в месяц обычно звонил мне. «Проверить обстановку», — говорил он. И мне впервые пришло в голову, что тревожился он не обо мне, а о сыне.

— Давно ты так себя чувствуешь? — спросила я, поднимаясь — осторожно, чтобы не делать ничего неожиданного. — Ты уехал из Монтаны, потому что не мог скрывать от Брана?..

— Нет. Я хочу тебя, — мрачно ответил он, убирая руки, и я увидела, что его глаза снова стали серо-голубыми: человеческими.

— Правда? — спросила я, зная, что он недоговаривает. — Твой волк может по-прежнему хотеть меня, но не думаю, чтобы хотел ты. Почему ты оставил Маррока и явился сюда?

Он откатился, повернувшись ко мне спиной. Я не шевелилась, стараясь не давить. Но и не попятилась. Просто ждала ответа.

Со временем он прозвучал.

— Было плохо. После Техаса. Но когда у нас появилась ты, это ушло. И все было хорошо. До ребенка.

— Ты говорил об этом с Браном?

О чем бы ни шла речь. Я прижалась лицом к спине Сэмюэля, согревая его своим дыханием. «Сэмюэль сочтет самоубийство трусостью, — уговаривала я себя. — Сэмюэль терпеть не может трусов». Я могу не хотеть любить Сэмюэля — после той боли, что мы когда-то причинили друг другу, — но не хочу и терять его.

— Маррок знает, — прошептал он. — Маррок всегда знает. Все остальные верили, что я

такой же, как раньше. Отец знал, что-то не так, со мной неладно. Я собирался уйти, но появилась ты.

Если Маррок не смог привести его в порядок, что могу я?

— Ты надолго оставил стаю, — осторожно сказала я. Он ушел из стаи вскоре после меня, больше пятнадцати лет назад. И почти все эти пятнадцать лет оставался далеко. — Бран сказал мне, что ты стал одиноким волком в Техасе.

Волкам необходима стая, иначе они начинают вести себя странно. Одинокие волки, как правило, опасны и для себя, и для окружающих.

— Да.

Все мышцы в его теле напряглись, словно в ожидании удара. Я решила: значит, я на верном пути.

— Нелегко быть одиноким, особенно многие годы.

Я чуть подобралась, так что смогла обернуться вокруг него, обхватить ногами. Рукой, на которой не лежала, я обняла Сэмюэля и прижала ее к его животу, показывая Сэмюэлю, что он не один — пока живет в моем доме.

Он задрожал, отчего задрожала вся кровать. Я крепче обняла его, но ничего не сказала. Я зашла не дальше, чем хотела. Некоторые раны, чтобы они зажили, нужно вскрыть, другие оставить в покое. Но я не обучена определять разницу.

Он положил обе свои руки поверх моей.

— Я прятался от волков. Прятался среди людей. — Он помолчал. — Прятался от себя. То, что я делал, было неправильно, Мерседес. Я говорил себе, что нельзя ждать, нельзя рисковать тем, что кто-то отберет тебя у меня. Я должен был сделать тебя своей, чтобы иметь жизнеспособных людей, но я понимал, что использую тебя. Ты была недостаточно взрослой, чтобы защититься от меня.

Я потерлась носом о его спину, но молчала. Он прав, и я слишком его уважаю, чтобы солгать.

— Я обманул твое доверие и доверие отца. Я не мог жить с этим: нужно было уходить. Я уехал на самый край этой страны и стал другим — студентом-медиком Сэмюэлем Корником, первокурсником колледжа. Только что с фермы и со свежим дипломом средней школы. И лишь в ночь полнолуния я позволял себе вспомнить, кто я.

Мышцы под моей рукой дважды сократились.

— На медицинском факультете я встретил девушку. Она напомнила мне тебя: спокойная, со своеобразным чувством юмора. И даже внешне немного на тебя похожа. Я почувствовал, что мне дают вторую возможность, второй шанс сделать все правильно. А может, я просто забыл. Сначала мы были просто друзьями, учились по одной программе. Потом стали чем-то большим. Мы стали жить вместе.

Я поняла — вот сейчас, ведь вот оно, самое плохое, что могло бы произойти с Сэмюэлем. Я чужая его слезы. Хотя говорил он подчеркнуто ровным тоном.

— Мы предохранялись, но недостаточно. Она забеременела. — Голос его звучал мрачно. — Мы были в интернатуре. И так заняты, что едва успевали здороваться. Она ничего не замечала до четвертого месяца беременности: принимала симптомы за результат стресса. Я был счастлив.

Сэмюэль любил детей. Однажды я видела снимок: он в бейсбольной шапочке, и Элиз Смитерз, пяти лет, едет на нем, как на пони. Он отринул все, во что верил, вообразив, что я — не человек и не вервольф — могу дать ему детей, которые будут жить.

Я старалась не выдать ему, что тоже плачу.

— Мы были интернами. — Теперь он говорил спокойнее. — Это обнимает много времени и связано со стрессами. Ненормированный рабочий день. Я ассистировал хирургу-ортопеду, почти в двух часах езды от нашей квартиры. Вернувшись вечером домой, нашел записку.

Я теснее прижалась к нему, как будто могла предотвратить дальнейшее.

— «Ребенок мешает учебе, — процитировал он. — Можем попробовать еще раз, позже». После того, как она устроится. После того, как появятся деньги. После...

Продолжая говорить, он перешел на иностранный язык, как будто его певучие тона лучше передавали боль, чем английский.

Проклятие долгой жизни в том, что все вокруг тебя умирают. Надо быть сильным, чтобы выжить, и еще сильнее, чтобы хотеть выживать. Однажды Бран сказал мне, что Сэмюэль видел слишком много детских смертей.

— Этот ребенок сегодня.

— Он выживет, — сказала я. — Благодаря тебе. Вырастет сильным и здоровым.

— Я жил, как должен жить студент, Мерси, — продолжал Сэмюэль. — Делал вид, что беден, как все остальные студенты. Если бы она знала, что у меня есть деньги, убила бы она моего ребенка? Я бы бросил учебу и заботился о нем. Может, это моя ошибка?

Сэмюэль обернулся всем телом вокруг моей руки, словно его кто-то ударил в живот. Я только обнимала его.

Мне нечего было сказать, чтобы ему полегчало. Он лучше меня знал, каковы у его ребенка шансы родиться здоровым. Но это неважно. Его ребенок не получил возможности проверить это.

Я обнимала Сэмюэля до захода солнца и утешала, как могла.

Глава шестая

Я оставила Сэмюэля спать и приготовила сэндвич с тунцом. Положила их в холодильник — вдруг проснется голодный. Но он не вышел из своей комнаты, даже когда я уже ложилась спать.

Будильник я поставила на пару часов позже обычного. Завтра суббота, в этот день мастерская официально закрыта. У меня есть работа, но ничего срочного, а Гэбриэл придет не раньше десяти.

Перед сном я помолилась. Просила Господа помочь Уоррену и Стефану найти демона — это стало обычной моей молитвой. На этот раз я помянула в молитве Сэмюэля. Немного погодя помолилась за Адама. Не думаю, что я превратилась в покорную дурочку по его вине.

Хотя я собиралась проснуться поздно (ради себя), пришлось встать затемно, потому что в окно постучали. Я сунула голову под подушку.

— Мерси.

Тот, за окном, говорил негромко, но я узнала голос. Стефан.

Я потеряла глаза.

— Просишь милости? Я совсем не в настроении. [\[24\]](#)

Я могу шутить над своим именем, но больше никому не позволяю. Только если я в очень хорошем настроении. Или если начинаю первая.

Он рассмеялся.

— Наверное, прошу милости. Но мне не придется сдаваться, если ты на меня не нападешь.

Одно из хороших качеств Стефана — он понимает мои шутки, какими бы неудачными они ни были. И даже лучше — он мне подыгрывает.

— Деньги нужны? — спросила я деланным удивлением. — Наличными у меня только пара долларов, но могу выписать чек.

— Мне нужно место для дневного сна, милая. Примешь?

Хорошо.

Я отбросила одеяло и пошла к входной двери. Планы поспать подольше не осуществляются.

Когда я открыла дверь, на небе уже светлели полосы рассвета.

— Чуть не опоздал, Стефан, — сказала я, нарочно добавив имя, чтобы Сэмюэль, который, конечно, слышал, как я открыла дверь, не встревожился.

Стефан как будто не торопился, но и не стал терять время, стоя на моем пороге.

Я не видела его с ночи суда. Выглядел он усталым. Плечи чуть поникли, да и двигался он без своей обычной кипучей энергии.

— Я отправил Дэниэла домой. Но у меня была ниточка, которую требовалось проверить по дороге. Мне казалось, времени хватит, но с рассветом мои силы убывают, и вот я у твоих дверей. — Он улыбнулся. — Прошу милости.

Я проводила его до дверей своей спальни.

— Мне казалось, с тобой работают Уоррен и Бен. Почему бы не поручить им проверить?

— Я отправил их домой. Им ведь днем на работу, а даже вервольфам нужно спать.

— Они работают в субботу?

— Уоррен работает на своего друга-юриста, а Бен должен сделать то, что нельзя делать, когда все работает.

Бен одержим компьютерами. Он работает в Северо-Западной Тихоокеанской национальной лаборатории, которая тайно сотрудничает с ядерной фабрикой в Хенфорде [\[25\]](#). Эту работу добыл для Бена Даррил, второй в стае после Адама, и, судя по всем отзывам, Бен выдающийся работник. Думаю, это удивило Даррила, которого трудно удивить.

Я открыла дверцу шкафа. Подушка и одеяло еще лежали здесь с прошлого раза, как Стефан ими пользовался.

— Ты уверен, что колдун еще здесь? Он мог уехать.

Стефан был мрачен.

— Посмотри утром новости, — вот все, что он сказал, прежде чем войти в шкаф и закрыть дверцу.

Новости начинались с автокатастрофы, которая так расстроила Сэмюэля. А также с насильственной смерти трех молодых людей, о чем-то поспоривших. Уже две недели стоит жара, и никаких признаков похолодания. В этот уик-энд в Амон-парке Хауарда новый фестиваль искусств.

Я решила, что вряд ли Литтлтон имеет отношение к фестивалю искусств или к жаре (во всяком случае, я надеялась, что колдун недостаточно силен, чтобы влиять на погоду), поэтому сосредоточилась на сообщениях о гибели людей.

— Наркотики становятся все более серьезной проблемой, — говорил корреспондент, за спиной которого санитары несли на носилках тела в черных мешках. — Особенно мет [\[26\]](#). За последние шесть месяцев полиция обнаружила в Тройном городе три подпольные лаборатории, производящие мет. Согласно показаниям свидетелей ссора в такой лаборатории началась, когда один сделал нелестное замечание в адрес подружки другого. Все молодые люди были под действием наркотика, и выяснение отношений привело к трем смертям. Еще два человека задержаны в связи с этими смертями.

Хорошая новость — очевидно, все пациенты Сэмюэля живы, хотя ребенок в критическом состоянии.

Я выключила телевизор, насыпала в чашку мюсли и устроилась в гостевой спальне позавтракать и посмотреть новости в Интернете.

Здесь было еще меньше подробностей утренних новостей. По наитию я набрала имя Литтлтона и нашла сайт, предлагающий гадание по картам Таро всего за 19.95, принимаются любые кредитные карточки. Никаких чеков. Не слишком доверчив этот колдун!

Поскольку Елизавета ничего не скажет, я набрала в гугле «демоны и колдуны» и утонула в массе противоречивых сведений.

— Каждый идиот может завести вебсайт! — проворчала я, захлопывая компьютер. Медя сочувственно мяукнула, вылизывая остатки молока из моей чашки, потом лапой принялась мыть морду.

С чашкой в руке я заглянула к Сэмюэлю, но его комната была пуста. Когда он не встал после прихода Стефана, я должна была догадаться, что он ушел. Он сегодня не работает.

Это меня встревожило, но я ведь ему не мама. Он не обязан докладывать мне, куда идет, как я не рассказываю ему о своих планах. Поэтому я не могу разнюхивать, как бы ни тревожилась. С этой мыслью я написала записку:

«С. спит в моем шкафу. Я на работе. Загляни, если что-нибудь нужно. Я.»

Я положила записку ему на кровать, сполоснула чашку и оставила в посудомойке. И уже пошла к выходу, но на столе у двери увидела телефон и остановилась.

Сэмюэль вчера ночью был нехорош: я знала, что его отцу нужно услышать об этом. Я смотрела на телефон. Я не доносица. Если бы Сэмюэль хотел, чтобы Маррок знал о его проблемах, он остался бы в Осиновом Ручье. У Сэмюэля есть свой сотовый: он сам может позвонить Брану, если нуждается в помощи. После дождика в четверг. Сэмюэль многому меня научил относительно независимости, и это необычно для вервольфа.

Бран может помочь. Но звонить ему за спиной Сэмюэля было бы неправильно. Я колебалась, пока не вспомнила, что Сэмюэль звонил Зи проверить, как я.

Я взяла трубку и позвонила в Монтану.

— Да?

Если только Бран сам того не захочет, по его голосу не скажешь, что он самый могущественный вервольф Северной Америки.

Голос словно принадлежал приятному молодому человеку. В этом отношении Бран обманчив, он сама вежливость и радушие. Так ему удалось провести множество волков. Но я знаю, что за этим скрывается.

— Это я, — сказала я. — Насчет Сэмюэля.

Он ждал.

Я начала что-то говорить, и тут чувство вины остановило меня. Я отлично знала: то, что сказал Сэмюэль, он говорил не для передачи другим.

— Мерседес.

На этот раз голос Брана не казался голосом приятного молодого человека.

— Прошлой ночью у него были неприятности, — наконец сказала я. Ты знаешь, что с ним было в Техасе?

— Он не говорит о Техасе.

Я побарабанила пальцами по кухонному столу, но тут же перестала — это напомнило мне о госпоже вампиров.

— Спроси его о Техасе. Обязательно, — сказала я. Как правило, Бран никого не спрашивает о прошлом. Отчасти потому, что он очень стар, но главным образом — потому что он волк. Волки сосредоточены на здесь и сейчас.

— Он в порядке?

— Не знаю.

— Есть трупы? — сухо спросил он.

— Нет. Ничего подобного. Я бы не стала звонить.

— Сэмюэль мой сын, — негромко сказал Бран. — Ты правильно сделала, что позвонила. Мерси, в городе колдун. Сэмюэль сейчас не самый безопасный сосед, особенно когда расстроен. Может, тебе лучше переселиться к Адаму, пока не найдут одержимого демоном?

— Одержимого демоном? — переспросила я, как будто думала о его словах.

— Колдун и одержимый демоном — разные существа. Но различить их нелегко, разве что одержимого демоном легче найти. Он будет в самой гуще бойни, а не в стороне.

— Ты хочешь сказать, что колдуны привлекают несчастья? — спросила я. Надо было раньше позвонить Брану и расспросить о колдунах.

— Как сладкая вода — ос. Насилие, зло и кровь во всех видах. Думаешь, я велел Адаму послать его волков на помощь вампирам, потому что люблю вампиров? — На самом деле

Уоррен и Бен вызвались добровольно, подумала я. — Если поблизости колдун, все волки должны держать себя под контролем. Так что не дави на волков, дорогая. Особенно на молодых. А то поранят или убьют.

Об этом он предупреждает меня, сколько я себя помню. Не знаю почему. Я не глупа. Я всегда очень осторожна с волками. Но тут я вспомнила глаза Сэмюэля прошлой ночью.

— Не стану, — пообещала я, помня эти глаза.

Он сказал:

— Умница, — и повесил трубку.

Как будто не сомневался, что я сделаю, как он велит. Мне хотелось бы думать, что я достаточно взрослая, чтобы самой держаться подальше от драки. Я не стала бы совать нос в дела Сэмюэля, но все же хорошо, что поблизости нет Бена.

Хотя восьми еще не было, на моей парковке стояла машина — небесно-голубая «Миата» с откидным верхом^[27]. Несмотря на наш вчерашний разговор, Адам опять прислал Хани присматривать за мной.

Иногда приходится удивляться, что в голове у родителей, когда они дают имена детям. Я знала девушку по имени Хельга, она была ростом пять футов и весила 95 фунтов. Но иногда родители попадают в точку.

Блестящие золотые волосы Хани падали ей на плечи и спускались до самых бедер. Лицо — сплошные мягкие абрисы и надутые губки. Такое лицо может быть у профессионального чирлидера, хотя никогда не видела, чтобы Хани занималась чем-нибудь подобным.

— Я жду уже полтора часа, — обиженно сказала она, выходя из машины. Сегодня на ней кремовые льняные шорты. На таких видна каждая капелька грязи. Если будет очень меня бесить, задену ее масленкой.

Эта мысль подбодрила меня, и я жизнерадостно ответила:

— Сегодня суббота. А в субботу я работаю, когда захочу. Но я верю в справедливость. Тебе пришлось меня ждать. Считай, что сделала на сегодня достаточно, и отправляйся домой.

Она приподняла бровь.

— Адам послал меня сюда, чтобы чудовище тебя не съело. Хотя я-то и не против, но слушаюсь Альфу.

Я не люблю Хани по многим причинам.

Машине, над которой я работала, нужен был новый стартер. И понеслось. Три часа спустя я все еще рылась в пыльных ящиках без надписей на складе запасных частей: царство порядка Гэбриэла сюда пока не добралось.

— Где-то здесь должны быть три стартера, подходящих для «Фокса» 1987, — сказала я Гэбриэлу, вытирая лоб рукавом. Обычно я не возражаю против тепла, но термометр снаружи показывал 107 градусов^[28].

— Если скажешь, что где-то здесь также Эскалибур и Святой Грааль, я поверю. — Он улыбнулся. Гэбриэл приступил к работе недавно, после того как закончил разбирать заказы на поставку, поэтому у него еще достаточно сил и бодрости. — Ты уверена, что не стоит сходить в магазин запчастей и купить стартер там?

— Отлично, — ответила я, бросая на пол ящик с разными болтами. Я вышла и заперла дверь на замок, хотя, если бы не стала, может, какой-нибудь добрый вор зашел и очистил бы мой склад. — Прихвати заодно что-нибудь на ланч. У мойки на Первой продают хорошие тако^[29].

— Для Хани тоже?

Я посмотрела на машину, где Хани с самого приезда сидела в комфортной прохладе. Надеюсь, она недавно меняла масло. Несколько часов холостой работы двигателя машине не на пользу.

Она заметила, что я смотрю на нее, и неприятно улыбнулась. У нее по-прежнему все до последнего волоска было на месте. А я все утро потела в жарком пыльном гараже, а синяки от ударов Литтлтона сегодня приобрели замечательный желтый цвет.

— Да, — неохотно сказала я. — Деньги возьми в мелких наличных. А за стартер заплати по деловой кредитной карточке.

Гэбриэл заскочил в офис и выскочил оттуда, когда я еще не дошла до двери. В офисе с кондиционером было как в раю, и я выпила два стакана воды, прежде чем вернуться к работе. В гараже не так прохладно, как в офисе, но все же гораздо лучше чем снаружи.

Хани прошла за мной через офис в гараж, умудряясь при этом не обращать на меня ни капли внимания. Я с удовлетворением заметила, что она сразу начала потеть.

Я только взялась за тормоза, как она сказала:

— В офис кто-то вошел.

Я никого не слышала, но я и не слушала. Торопливо вытерла руки и пошла обратно. Официально я не работаю, но многие мои постоянные клиенты знают, что я часто бываю здесь и по субботам.

Лицо оказалось знакомым.

— Мистер Блэк, — сказала я. — Снова проблемы с машиной?

Он начал поворачиваться ко мне, но столкнулся с трудностями: едва его глаза увидели Хани, они отказались отрываться от нее. Еще одна причина ненавидеть Хани. Как будто мне нужны дополнительные причины.

— Хани, это Том Блэк, репортер, который хочет знать, каково ходить на свидания с Адамом, принцем вервольфов, — сказала я, чтобы разозлить Хани, но она меня разочаровала.

— Мистер Блэк, — сказала она, холодно протягивая руку.

Он пожал руку, не отрывая от нее взгляда, потом как будто пришел в себя. Откашлялся.

— Принц вервольфов? Правда?

— Она не может разговаривать с вами, мистер Блэк, — сказала Хани, но посмотрела на меня, чтобы я знала: ее слова адресованы мне. Если не будет осторожна, выдаст, что она вервольф. Не будь она тупее пня, знала бы, что я ни от кого не принимаю приказов. Ни от Брана, ни от Адама, ни от Сэмюэля и уж точно не от Хани.

— Никто не запрещал мне разговаривать с репортерами, — заметила я.

— Я сделаю нашу беседу выгодной для вас, — сказал Блэк классическим тоном продавца автомобилей. Он сунул руку в карман пиджака, достал пачку банкнот, сколотых золотой скрепкой, и положил на стойку. Если бы не злость на Хани... и на Адама, приславшего ее, я бы рассмеялась. Но Хани была здесь, поэтому я облизала губы и постаралась выглядеть заинтересованной.

— Что ж, — начала я.

Хани повернулась ко мне, дрожа от гнева.

— Надеюсь, Адам разрешит мне сломать твою тощую шею.

Да. Очень скоро все будут знать, что Хани вервольф. Слишком легко раскрывается. Мне должно быть стыдно, что я спровоцировала ее.

Я просительно посмотрела на нее:

— Пожалуйста.

Блэк не обратил на Хани внимания.

— Хочу знать, что о нем думаете вы лично. Каково это — свидание с вервольфом? — Он очаровательно улыбнулся мне, хотя его взгляд оставался настороженным. — Публика хочет знать.

Последние слова слишком напоминали о репортере из комикса, чтобы я забеспокоилась. Забыв о Хани, я призадумалась. От Блэка пахнет тревогой и гневом. У репортера, который хочет услышать рассказ, должны быть не такие эмоции.

Я толкнула к нему стопку банкнот.

— Уберите. Я слишком расстроена из-за Адама. Так что с удовольствием поговорю с вами. — Особенно на глазах у Хани. — Можете меня не цитировать, но для доминирующего мутанта он удивительно хороший. Он честен, много работает, и он щедр. Он прекрасный отец. Он внимателен к своим близким и заботится о них. Не очень пикантная история получается, но это ваша проблема, а не моя. Если ищете компромат на Адама Хауптмана, избавьте себя от тщетных усилий. Компромата нет.

Не знаю, какой реакции я ожидала, но получила нечто неожиданное. Не обращая внимания на банкноты на стойке, он наклонился вперед, вторгаясь в мое личное пространство, и напряженным голосом спросил:

— Хороший отец? — Притворная улыбка исчезла с его лица. Я чувствовала, как запах тревоги побеждает запах гнева.

Я ничего не ответила. Не собираюсь направлять внимание прессы на Джесси; ведь Адам так старается, чтобы ее не заметили. К тому же странное поведение репортера заставляло думать, что все не так просто.

Блэк на мгновение закрыл глаза.

— Пожалуйста, — сказал он. — Это важно.

Я глубоко вдохнула и ощутила правдивость его слов. Впервые в моем присутствии он сказал полную правду. Это для него очень важно.

Я перебрала несколько возможностей и спросила:

— Что вы знаете о вервольфах?

— Вы вервольф?

— Нет.

Впрочем, он человек и не способен отличить правду от лжи.

Та же мысль, должно быть, пришла в голову и ему. Он нетерпеливо отмел последний вопрос.

— Неважно. Если объясните, почему вы сказали, что он хороший отец, я расскажу о вервольфах, которых знаю.

Страх. Не тот, который охватывает тебя, когда в темноте неожиданно сталкиваешься с чудовищем, а другой, медленный, но более сильный — страх перед тем, что произойдет. Страх и боль старой раны — примерно так пахло вчера от Сэмюэля. Я не смогла помочь Сэмюэлю, не очень смогла.

Я снова подумала, что с мистером Блэком что-то не так! Он может и не быть репортером.

— Даете слово, что не используете эту историю для печати? — спросила я, не обращая внимания на поднятые брови Хани.

— Даю.

— Вы действительно репортер?

Он кивнул, быстро кивнул и посмотрел на меня: продолжай.

Я немного подумала.

— Позвольте привести пример. Адам участвует в переговорах с правительством относительно законодательства о вервольфах. Он по горло в этих крайне сложных и тонких переговорах. Но когда он понадобился дочери, то бросил все и явился сюда, хотя здесь у него есть верные люди. Он мог бы обратиться к ним, и они позаботились бы о его дочери.

— Она человек, верно? Его дочь. Я читал, что у них не может быть детей-вервольфов.

Я посмотрела на него, стараясь понять, зачем он это спросил.

— Разве это важно?

Он устало потер лицо.

— Не знаю. Важно ли? Разве он по-другому относился бы к ней, если бы она была вервольфом?

— Нет, — сказала Хани. Блэк так меня заинтересовал, что я совсем забыла о ней. — Адам заботится о своих. Вервольфах, неважно. — Она намеренно посмотрела на меня. — Даже если они этого не хотят.

Необычно было обмениваться улыбками с Хани, поэтому я при первой возможности перестала улыбаться. Думаю, она почувствовала то же самое, потому что отвернулась и стала смотреть в окно.

— И даже когда они ему не принадлежат, — сказала я Хани. Потом снова повернулась к Блэку. — Теперь расскажите о ваших вервольфах.

— Три года назад на мою дочь напал бродячий вервольф. — Он говорил быстро, как будто так ему было легче. — Ей тогда было десять.

— Десять лет? — прошептала Хани. — И она выжила?

Как и Хани, я никогда не слышала о нападениях на таких маленьких, в особенности на девочек. Женщины при перемене выживают гораздо реже мужчин. Именно поэтому в стае Адама всего три женщины и почти втрое больше мужчин.

Занятый своим трагическим рассказом, Блэк словно не слышал Хани.

— Там оказался другой вервольф. Он убил нападавшего раньше, чем тот успел прикончить ее. Принес ее домой и объяснил, что нужно делать. Велел спрятать ее. Он сказал, что девочке может несладко прийтись в стае.

— Да, — лихорадочно подтвердила Хани. На мой вопросительный взгляд она ответила; — Незамужние самки принадлежат Альфе. Включается волчий инстинкт, и это не так страшно. — Взгляд ее говорил совсем о другом. — Даже если Альфа вам не особенно нравится. Но такая юная девочка... Не уверена, что Альфа пощадил бы ее. — Она глубоко вздохнула и прошептала, как будто самой себе: — Я знаю, некоторые даже наслаждаются этим.

Блэк кивнул, как будто для него, в отличие от меня, это не новость. Мне казалось, я все знаю о вервольфах.

— И что же, когда она впервые переменилась? — спросила я. Люди не в состоянии справиться с недавно сотворенным волком.

— Я поставил в подвале клетку, — сказал он. — И каждое полнолуние сажаю мою девочку на цепь и запираю клетку.

«Каждое полнолуние на протяжении трех лет? — подумала я. — К этому времени она

уже должна взять под контроль своего волка».

— Два месяца назад она порвала цепь. — Блэк выглядел больным. — Я взял цепь потолще. Но в этот раз жена рассказала, что она прокопала яму в цементе. Я был в Портленде на торговой конференции. Позвонил вервольфу. Тому, который ее спас. Он сказал, что она набирает силу и я должен найти для нее стаю. Он сказал, что наш местный Альфа не подходит. Узнав, что я в Портленде, он назвал имя Хауптмана. И ваше.

Мне было жаль его дочь и его самого. Тем более, что найти подходящего Альфу — не самая большая проблема, если девочка еще не умеет контролировать своего волка., Альфа убивает волков, которые выходят из-под контроля, чтобы они никому не причинили вреда.

Я бы не хотела, чтобы Адам был виноват в гибели девочки.

— Может найтись кто-нибудь поближе, — сказала я. — Мне нужно позвонить.

— Нет, — сказал Блэк, отступая на два шага. Пусть он и не вервольф, но очень проворен. Я даже не заметила, как пистолет оказался у него в руке. — Заряжено серебром.

Я учуяла такую волну страха, что мне захотелось потрепать его по спине и сказать: все обойдется. Вернее, обойдется, если он в меня не выстрелит, а Хани его не убьет.

Не похоже, что он бывал в бою: он не обращал внимания на Хани и смотрел только на меня.

— Он ни в кого не выстрелит, — сказала я Хани, заметив, что та готова действовать. — Все в порядке, мистер Блэк. Я не назову вашего имени. Ваш вервольф говорил вам что-нибудь о Марроке?

Он покачал головой.

Хани ждала, не сводя глаз с пистолета.

— Ну хорошо. Маррок как бы Альфа для всех Альф.

То, что у всех вервольфов есть глава, не было большим секретом. Все понимали, что кто-то нажимает на пружины, и терялись в догадках, кто бы это мог быть. Так что великой тайны я не раскрывала.

Бран не перестал таиться. Он хотел точно знать, что, если дела пойдут плохо, убежищу, которое он устроил в Монтане, ничто не будет угрожать. А даже если бы перестал, никто не принял бы его за Маррока. Оставаться незамеченным — одна из способностей Брана, и он отлично ею владеет.

— Он лучше любого одинокого волка знает, какой Альфа способен помочь вашей дочери, а от какого лучше держаться подальше. Мистер Блэк, его работа — я заботиться о вервольфах, о том, чтобы таким, как ваша дочь, ничто не угрожало.

И о том, чтобы те, кто не справляется со своим волком, умирали быстро и безболезненно, прежде чем начнут убивать людей, например своих родителей и семьи.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Звоните. Но если скажете что-нибудь, что мне не понравится, я вас убью.

Я ему поверила: у него был вид человека, которому некуда отступать. Хани пододвигалась все ближе: теперь она, вероятно, успеет остановить его раньше, чем он нажмет на курок. Вероятно. Если очень захочет.

Я взяла свой сотовый и набрала номер.

— Алло?

Голос женский.

Черт возьми! Жена Брана меня не любит. Не так, как Хани, а типа я-убью-тебя-если-только-получу-возможность. И несколько раз уже пыталась. Именно поэтому я всегда звоню

на сотовый Брана, а не на его домашний номер.

— Это Мерседес, — сказала я. — По официальному делу. Мне необходимо поговорить с вашим мужем.

Я услышала голос Брана. Но он говорил слишком тихо, чтобы я расслышала что-нибудь, кроме командного тона. Несколько щелчков и неопределенных шумов, и трубку взял Бран.

— Чем могу быть полезен? — спокойно спросил он, хотя как фон я слышала злой голос его жены.

Я кратко объяснила ему положение дел. Говорить, что меня тревожит волк, который за три года не научился себя контролировать, не стала, но он, должно быть, услышал это по голосу, потому что перебил:

— Все в порядке, Мерси. Ребенок, запертый в подвале, не научится справляться с волком, потому что от него этого не ждут. При небольшой помощи с ней все будет хорошо. Ребенок, переживший нападение вервольфа, обладает достаточной силой воли. Где он живет?

Я передала вопрос Блэку.

Блэк покачал головой, по-прежнему целясь в меня из пистолета.

Я с преувеличенной досадой вздохнула.

— Никто не желает зла вашей дочери.

— Хорошо, — услышала я в ухе голос Брана. — Примерно три года назад? Бродячий вервольф, убитый одиноким волком. Подходят два случая, но только один из одиноких волков способен позаботиться о девочке. Скажи джентльмену, что он откуда-то из окрестностей Вашингтона, округ Колумбия, возможно, из Виргинии, а его друга вервольфа зовут Джозеф Риддлсбек.

— Не лучшая мысль, — сказала я Брану, глядя Блэку в глаза. Его трудно винить, что он достал пистолет: в его глазах я видела страх. — Он тревожится о дочери. Ей тринадцать лет, и он хочет ей добра.

Я пыталась интонацией передать, насколько встревожен Блэк. Слишком встревожен, чтобы удивлять его дедуктивными способностями Брана.

— Понятно. Немного паранойи?

— Вот именно, — сказал я.

Короткая пауза. Затем Бран сказал:

— Есть под рукой листок бумаги?

— Да.

— Хорошо. Джозеф прав, никому из предводителей стай в той местности я бы не доверил ребенка. Назову тебе имена вожаков, с которыми ребенок будет в безопасности. К тому же им все равно, узнает ли о них репортер. Список очень короткий, никого из окрестностей Виргинии нет. Но есть другие. Ты веришь его рассказу?

— Да.

— Тогда я назову места, где Альфы не перестали таиться и не хотят делать это, но способны позаботиться о девочке. Если он хочет рискнуть, пусть едет туда и пытается встретиться с Альфой.

Я записала названные им имена — четыре, в том числе Адама, и их телефонные номера. Потом названия пятнадцати городов. Из, возможно, ста пятидесяти Альф — девятнадцать, кому Бран мог доверить ребенка.

Я подумала, как мне повезло, что мамин родственник-вервольф, когда мама узнала, что

я превращаюсь в койота, отвез меня именно к Марроку, а не в другую стаю.

— Можешь даже послать ее ко мне, — добавил он напоследок.

— Но... — Я прикусила язык. Я не собиралась говорить репортеру, что Маррок — один из волков, еще не переставший таиться.

— Я доверяю твоим суждениям, Мерси. И мне уже приходилось воспитывать одиноких детей.

Вроде меня.

— Знаю.

Он, должно быть, услышал благодарность в моем голосе, потому что я услышала в его голосе улыбку.

— Одного или двух, Мерси. Скажи твоему джентльмену, что помощь он должен найти как можно быстрее. Сомнительно, что он долго сможет держать ее в клетке, если не использует серебро, а это причинит ей боль и большой вред. Не говоря уж о том, что ей не нужно полнолуние для перемены. Однажды она начнет меняться, ей причинят боль или испугают, и тогда она кого-нибудь убьет.

И Бран повесил трубку.

Я передала Тому Блэку список и объяснила, что он значит. Потом передала ему предостережение Брана. Смысл переданного постепенно дошел до него, и он опустил пистолет, хотя едва ли сознательно. Он словно погрузился в отчаяние, и все прочее не имело для него значения.

— Послушайте, — сказала я. — Вы ничего не можете сделать, чтобы она перестала быть вервольфом.

— Она пыталась покончить с собой, — сказал он со слезами на глазах. — Через день после полнолуния. Она боится, что кому-нибудь причинит вред. Разрезала себе ножом запястье, но рана слишком быстро зажила. Я бы повел ее к проклятому мозгоправу, но не могу рисковать. Никто не знает, кто она. Она уже считает себя чудовищем, не нужно, чтобы еще кто-то говорил ей это.

Я увидел, как округлились глаза Хани, когда она услышала «чудовище». Должно быть, подумала, что она тоже чудовище.

Я нахмурилась. Мне вовсе не хотелось сочувствовать Хани. Гораздо легче просто не любить ее. Она тоже нахмурилась.

— Уберите пистолет, — сказала я Блэку решительным твердым тоном, какой иногда действует на вервольфов. Думаю, и на опечаленных отцов он тоже действует, потому что он спрятал пистолет в кобуру.

— Ей не нужен мозгоправ, — сказала я. — Каждая тринадцатилетняя девочка в какой-то момент хочет убить себя.

Я помнила свои тринадцать лет. Когда мне исполнилось четырнадцать, мой приемный отец покончил с собой и тем навсегда излечил меня. Не желаю такого тем, кто мне небезразличен.

— Запирать ее раз в месяц в подвале теперь бесполезно, — продолжала я. — Маррок говорит: есть все основания надеяться, что она сумеет контролировать своего волка, если вы найдете для нее Альфу.

Он отвернулся и закрыл лицо руками. А когда снова повернулся, слезы исчезли, хотя глаза оставались влажными. Он взял листок бумаги, а банкноты только когда я их ему протянула.

— Спасибо за помощь.

— Подождите, — сказала я, взглянув на Хани. — Мистер Блэк, вервольф, который с вами разговаривал, показывал вам когда-нибудь своего волка?

— Нет.

— А вашей дочери?

— Мы видели его только раз, в ту ночь, когда он принес ее. В ночь нападения. Он оставил номер, и мы разговаривали по телефону.

— Значит, единственный волк, которого вы видели, это ваша дочь, на цепи и не контролирующая себя? А она сама видела только напавшего на нее волка?

— Верно.

Хани в волчьем облике еще прекраснее, чем в человеческом, если это возможно. Я посмотрела на нее. Волки прекрасно общаются без слов: она поняла, чего я от нее хочу. И очень постаралась показать, что не понимает.

После нескольких минут молчаливого спора — Блэк все больше и больше удивлялся — я наконец сказала:

— Хани, мне страшно не хочется этого говорить, но твой волк великолепен. Никто не подумает о тебе, что ты чудовище. Ведь уссурийский тигр и золотой орел — не чудовища.

Она открыла и закрыла рот, потом посмотрела на Блэка.

— Хорошо, — сказала она с необычной для нее застенчивостью. — Я могу воспользоваться твоей ванной?

— Это недолго, — сказала я Блэку, когда она исчезла. — Минут пятнадцать. Еще несколько минут после этого она может ждать. Перемена — болезненная процедура, а новый волк бывает после нее раздражителен.

— Вы очень много знаете о вервольфах, — сказал он.

— Они меня вырастили, — ответила я. Подождала, но он ни о чем не спросил. Полагаю, был слишком занят собственными проблемами.

— На вашем месте, — сказала я, — я привезла бы дочь сюда, к Адаму. — Бран сказал, что с небольшой помощью девочка справится, она совсем не безнадежный случай. А Адам очень силен, и здесь Сэмюэль, который хорош с молодыми волками. Возможно, ее шансы в стае Адама выше, чем где бы то ни было. — У Адама большой дом, потому что члены стаи и другие волки часто приходят к нему без предупреждения. Достаточно большой, чтобы могли какое-то время пожить вы с женой. — Адам одобрит мое приглашение. Я достаточно хорошо его знаю: он не будет недоволен. — Рядом с Адамом вашу дочь не понадобится сажать в клетку. Думаю, ей и всей вашей семье поможет знакомство со стаей волков. Волки опасны и страшны, но могут быть и прекрасны.

Адам старается, чтобы его стая не пугала людей.

— Джозеф... тот вервольф, которого я знаю, кое-что рассказал мне о преимуществах вервольфа. Он сказал, — его голос напрягся, и Блэку пришлось на мгновение замолчать. — Он сказал, что охота — самое лучшее, что есть в его жизни. Убийство. Кровь.

Тупой вервольф, подумала я. Не самое умное, что стоит говорить родителям тринадцатилетней девочки.

— Вервольфы невероятно проворны, — сказала я. — Они сильны и грациозны. Она никогда не состарится. А стая... Не знаю, как вам объяснить. Не уверена, что понимаю это сама, но волк в хорошей стае никогда не бывает одинок.

Я посмотрела прямо ему в глаза и сказала:

— Она может быть счастлива, мистер Блэк. В безопасности и счастливая, она не будет опасна ни для себя, ни для других. Ужасно, что на нее напали, и истинное чудо, что она выжила. Никогда не слышала, чтобы такой маленький ребенок пережил нападение вервольфа. Быть вервольфом значит быть иным, но это не страшно.

Я учуяла запах шерсти и обернулась раньше, чем Хани вошла. Для вервольфа она невелика, с немецкую овчарку, хотя тяжелее и основательнее держится на ногах. Шерсть у нее желтовато-коричневая с чуть более темным подшерстком и с полосой на спине, серебряной, того же цвета, что хрусталь ее серых глаз.

Плечи у вервольфа развиты сильнее, чем у волка, скорее как у тигра или медведя, это придает гибкость его движениям и дает возможность пользоваться страшными когтями. У крупных самцов подобный эффект может быть даже гротескным, но Хани он очень подходит. Она кажется изящной и сильной и совсем не похожей на собаку.

Я улыбнулась ей, она помахала хвостом и наклонила голову. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, почему она это сделала. Адам объявил меня своей подругой, значит, рангом я выше ее.

Впрочем, не помню, чтобы остальные члены стаи Адама демонстрировали мне покорность. Но в волчьем облике я не бегаю со стаей, а в человеческом — теоретически поведение должно быть таким же. Но сознанию человека кое-что дается гораздо труднее, чем сознанию волка. Думаю, им очень трудно покоряться койоту, тем более что они знают: я подруга Адама только номинально.

Я улыбнулась, подумав, какое смятение начнется в стае, если я потребую, чтобы со мной обращались в соответствии с этикетом. Не сработает. Я удивлялась, что объявление Адама действовало: никто на меня не нападал. А стоило бы попробовать — хотела бы я посмотреть на выражение лица Адама.

Летняя шерсть Хани не так великолепна, как зимняя, но в то же время более густая шерсть скрыла бы игру мышц. Хани тоже это понимала. Она нашла солнечный участок, где могла позировать.

При ее приближении Блэк сделал шаг назад, но потом оставался на месте. Хани дала ему время привыкнуть, потом прошла вперед и села так, что он мог ее коснуться.

— Она прекрасна, — сказал он чуть напряженным голосом. Если бы я не слышала, насколько участилось его сердцебиение, я бы не подумала, что он испуган. Если он так реагирует и на дочь, неудивительно, что у нее сложности.

— Моя дочь может стать такой же? — спросил он. Человек в присутствии незнакомых не должен так раскрываться.

Я кивнула,

— Как скоро?

— Сама по себе? Зависит от нее. Но в присутствии Альфы — сразу.

— Больше никаких клеток, — прошептал он. Я не могла позволить ему думать так.

— Никаких металлических клеток, — сказала я. — Но, попав в стаю, она уйдет из-под вашего контроля и попадет под контроль Альфы. Это тоже своего рода клетка, хотя гораздо более удобная.

Он сделал глубокий дрожащий вдох.

— Она меня понимает? — спросил он, кивком указав на Хани.

— Да, но говорить не может.

— Хорошо. — Он посмотрел прямо ей в глаза, не ведая, что бросает вызов. Я едва не

вмешалась, но Хани это как будто не беспокоило, поэтому я отступила.

— А свою дочь, — спросил Он у Хани, — вы привели бы сюда? Доверили бы ее Хауптману?

Она улыбнулась ему — не широко, чтобы не показать острые белые зубы, и помахала хвостом.

Он посмотрел на меня.

— Если я приведу ее сюда, он отберет ее у меня?

Я не знала, что ответить. Адам увидит это по-другому, для него все волки его семья, но объяснить это тому, кто не входит в стаю, затруднительно. И я не уверена, что отцу это понравится. Как отдать собственного ребенка, даже для его пользы?

— Он примет ее под свое крыло, — сказала я наконец. — И будет отвечать за ее благополучие, а он относится к своим обязанностям серьезно. Он никогда не откажет вам в свидании с ней. Если ей не понравится в стае Адама, есть другие возможности, особенно если она научится контролировать себя.

— Она может стать одиноким волком, — сказал он, успокаиваясь.

Я покачала головой. Не стану ему лгать.

— Нет. Женщину никогда не отпускают. Их слишком мало, во-первых, и у самцов слишком сильный защитный инстинкт, чтобы позволить самке защищаться самой, во-вторых. Но она может поменять стаю.

Морщины на его лице стали глубже. Он выругался. Трижды. Хани негромко взвыла. Может, сочувствовала, а может, протестовала против грубых выражений. Я больше не могла предсказывать поведение Хани.

— Какой у вас выбор? — спросила я. — Если она кого-нибудь убьет, волки будут на нее охотиться и найдут. Как она будет себя чувствовать, если причинит боль вам или матери?

Он достал телефон и посмотрел на него.

— Хотите, я позвоню ему за вас? — спросила я.

— Нет, — сказал он и порылся в кармане в поисках листка с номером Адама. Посмотрел на него и прошептал: — Позвоню ему сегодня вечером.

— Эй, Мерси? Над чем работаешь? Похоже на миниатюрный «корвет».

Я подняла голову и увидела, что к одному из моих верстаков прислонился Тони, коп и старый друг (обычно именно в таком порядке). Сегодня на нем тонкая рубашка и шорты хаки — день жаркий. Тони выглядит слегка потрепанным. Прошло чуть больше двух недель с появления в городе колдуна, и согласно местным новостным передачам уровень преступности стремительно растет.

— Глаз алмаз, — похвалила я его. — Это «опель GT» 71 года, разработанный тем же парнем, что придумал «корвет». Один из моих друзей купил его у парня, заменившего слабый двигатель движком с «хонды».

— Он с этим не справился?

— Он все сделал отлично. Прекрасная работа, сама не сделала бы лучше. — Я улыбнулась. — Проблема всего одна: двигатель «хонды» правосторонний, а «опель» создан для левостороннего движения.

— И что это значит?

Я похлопала по гладкому крылу и снова улыбнулась.

— Вперед дает не больше двадцати миль, а назад — если используешь все передачи — больше ста.

Он рассмеялся.

— Остроумная машина. — Посмотрел на нее с минуту, и улыбка с его лица исчезла. — Послушай. Пообедаем вместе? У меня к тебе дело, так что плачу я.

— Кенневикской полиции нужен механик? — спросила я.

— Нет. Но я думаю, ты сможешь нам помочь.

Я вымылась, переоделась и снова встретила с ним в офисе. Когда я вошла, Хани посмотрела на меня. Последнюю, вторую неделю дежурства, она ходит в джинсах (отглаженных) и приносит с собой складной стул, небольшой столик, лэптоп и сотовый телефон. Она говорит, что в моем офисе работать почти так же хорошо, как в ее собственном. После случая с Блэком мы общаемся с осторожным дружелюбием.

— Иду на ланч с Тони, — объявила я. — Вернусь примерно через час. Гэбриэл, позвони, пожалуйста, Чарли насчет его «опеля», и сообщи, сколько стоил тот двигатель от «мазды Rx7». Цена его не обрадует, но Rx7 как раз подходит.

Хани посмотрела на меня, но не стала возражать против моего ухода, вопреки моим опасениям.

— Надеюсь, ты не возражаешь пройтись пешком, — сказал Тони, когда мы вышли на жару. — Думаю, на ходу станет легче.

— По мне, так просто замечательно.

Мы отправились в центр Кенневика кратчайшим путем — через железную дорогу и несколько незастроенных участков. Хани плелась следом, но у нее хватило благоразумия оставаться незамеченной. Во всяком случае не думаю, что Тони ее заметил.

Центр — один из старейших районов города, небольшие конторы в старых зданиях среди домов в викторианском духе и в духе «дома Крафтсманов»^[30], построенных в основном в двадцатые-тридцатые годы. Делались попытки сделать магазины более привлекательнее, но для того чтобы район выглядел процветающим, здесь слишком много

помещений пустует.

Я ожидала, что на ходу Тони заговорит со мной, но он не стал. Я молчала, давая ему возможность подумать.

— Слишком жарко для прогулок, — сказал он наконец.

— Я люблю жару, — сказала я. — И холод тоже. Люблю действительно четыре времени года. А в Монтане их всего два. Девять месяцев зимы, потом три месяца почти тепло и снова зима. Иногда перед первым снегом краснеет листва. Но я помню случай, когда снег шел на Четвертое июля.

Он не откликнулся, и я решила, что он не намерен вести светскую беседу, но не знала, на что он намекает своим замечанием.

Он привел меня в небольшое кафе, где мы сделали у стойки заказ, и нас проводили в темную прохладную комнату со множеством маленьких столиков. Вероятно, владельцы старались создать атмосферу английского паба. Я никогда не была в Англии, так что не могу сказать, насколько это им удалось, но мне понравилось.

— Так зачем я здесь? — спросила я наконец, после того как перед нами появились суп и большие сэндвичи и официантка ушла. Для ланча поздновато, для обеда слишком рано, поэтому в комнате мы были одни.

— Послушай, — сказал наконец Тони, — этот мрачный старикан, твой прежний босс — он иногда еще приходит к тебе — он ведь из малого народа, верно?

Зи давно публично признал свое происхождение, поэтому я кивнула и откусила от сэндвича.

Тони глотнул воды.

— И Хауптмана, вервольфа, я видел в твоём гараже, по меньшей мере, дважды.

— Он мой сосед, — сказала я. Сэндвич очень вкусный. Ручаюсь, они сами пекут хлеб. А вот супы бывают и лучше: этот пересолен.

Тони нахмурился и напряженно сказал:

— Ты единственная узнаешь меня, как бы я ни замаскировался.

Тони часто работает под прикрытием, и у него талант к изменению наружности. Мы и познакомились, когда я узнала его и едва не провалила его легенду.

— М-м-м?

Рот я набила сознательно: не хотела ничего говорить, пока он не перейдет к делу;

— Малый народ умеет менять внешность. Поэтому ты всегда меня узнаешь?

— Я не из малого народа, — сказала я, когда все проглотила. — А Зи из него. Иные меняют внешность благодаря магии. Они называют ее «чарами». Не уверена, могут ли они видеть друг друга сквозь чары. Я точно не могу.

Наступила короткая пауза; Тони как будто обдумывал, что скажет дальше.

— Но ты кое-что знаешь о малом народе? И о вервольфах?

— Потому что Хауптман мой сосед?

— Потому что ты встречаешься с ним. Мой друг видел тебя с ним в ресторане.

Я посмотрела на него, потом подчеркнуто осмотрела ресторан.

Он понял.

— Но он сказал, вы были очень увлечены друг другом.

Признавая поражение, я призналась:

— Да, я встречалась с ним несколько раз.

— И по-прежнему встречаешься?

— Нет!

Я слишком подчеркнула это слово.

После истории в гараже я старалась держаться от Адама подальше. Это воспоминание заставило меня почувствовать себя трусихой. Не хочу говорить об Адаме, если этого можно избежать. По правде сказать, я не знаю, что с ним делать.

— Я не из малого народа. — Я решила не доедать суп и принялась жевать крекеры. — И я не вервольф.

Он, кажется, мне не поверил, но решил не спорить.

— Но ты кое-кого из них знаешь. И из малого народа, и из вервольфов.

— Да.

Тони положил ложку и обеими руками ухватился за край стола.

— Послушай, Мерси. Уровень преступлений, связанных с насилием, летом всегда вырастает. Жара сказывается на людях. Это мы знаем. Но ничего подобного я никогда не видел. Началось с убийства в отеле Паско несколько недель назад, но этим не ограничилось. Мы работаем по две смены, стараясь разгрести эту мешанину. Прошлым вечером я взял одного парня. Я знаю его несколько лет. У него трое детей и жена, которая его обожает. Вчера он пришел домой с работы и едва не забил ее насмерть. Это просто ненормально, даже в такую жару.

Я пожалала плечами, чувствуя свое бессилие. Я знала, что дела плохи, но не представляла, что настолько.

— Спрошу Зи, но не думаю, что это связано с малым народом. — Приходилось удерживаться от любых намеков на то, что Тони опасно рыть в этом направлении. Малый народ не любит, когда полиция вмешивается в его дела. — Меньше всего они хотят запугать население. Если один из них занимается чем-то подобным, его будет искать вся община — и разберется с ним.

Я несколько дней не разговаривала с Зи. Может, позвонить ему, сказать, мол, полиция подозревает, что малый народ виновен в росте насилия? Не называя, конечно, Тони. Не знаю, что они могут сделать с вампиром, который к тому же колдун. Малый народ не очень организован и обычно равнодушен к проблемам других существ. Они знают о Литтлтоне, потому что о нем знает Зи, но предоставляют искать его вампирам и вервольфам. Однако если давление на них возрастет, может, они согласятся помочь найти его? Уоррен и Стефан пока не могут добиться успеха. Только надо постараться, чтобы малый народ употребил свои усилия против Литтлтона, а не против полиций.

— Ну? — резко спросил Тони. — О чем ты думаешь?

Ух ты!

— Я думала, может, стоит передать Зи то, что ты рассказал мне. Просто на всякий случай — вдруг они могут что-нибудь сделать.

Я умею лгать, но жизнь с волками, умеющими носом чують ложь, научила меня с выгодой говорить правду.

— А вервольфам?

Я покачала головой.

— Вервольфы в сущности очень простые создания. Потому из них и выходят хорошие солдаты. Если где-то поблизости бродит спятивший вервольф, будут... — я с трудом подыскала замену слову «тела», — мертвые животные, но обычные заурядные люди не начнут беспричинно буянить. У волков в отличие от малого народа нет магии.

Я легко хлопнула ладонями по бедрам и наклонилась вперед.

— Послушай, я рада помочь тебе тем немногим, что знаю о вервольфах и малом народе. Я обязательно поговорю с Зи. Но ты сам сказал — жара ужасная. Уже очень давно у нас трехзначные числа^[31], и никакой надежды на прохладу. Всякий спятит.

Он покачал головой.

— Но не Майк. Он не сорвался, даже когда его жена разбила «Т-Берд 57»^[32]. Я в школе играл с ним в одной баскетбольной команде. Он никогда не выходил из себя. И не стал бы избивать жену из-за сломанного кондиционера.

Я постаралась скрыть чувство вины. Оно еще усугублялась тем, что я знала: из-за Литтлтона мне стыдиться нечего.

Каково это — причинить боль тем, кого любишь? Я видела, что положение дел мучает Тони, и испытала прилив виноватого сочувствия. Но я ничего не могла сделать.

— Найди своему другу хорошего адвоката, и пусть он и его близкие обратятся к психотерапевту. Если нужны имена, у меня есть друг — очень хороший адвокат по бракоразводным процессам. А у него — множество консультантов, которых он может рекомендовать семьям.

Тони дернул головой, что я приняла за согласие, и мы молча закончили ланч. Достав из кармана пару долларов, я положила их под свою тарелку: чаевые. Банкноты промокли от пота, но, думаю, официантки привыкли к таким деньгам в жаркое лето.

Как только мы вышли из ресторана, я почуяла вервольфа, и это была не Хани. Оглядевшись, я заметила одного из волков Адама: он смотрел в витрину магазина подержанной одежды. Он не походил на тех, кто интересуется поношенными детскими вещами; значит, охранял меня. Я подумала: а что случилось с Хани?

— Что такое? — спросил Тони, когда мы проходили мимо моего телохранителя.

— Случайная мысль, — ответила я. — Кажется, жара и меня делает раздражительной.

— Послушай, Мерси, — сказал он. — Я ценю, что ты пошла со мной. И хотел бы принять твоё предложение помощи. В Сиэтле и Спокане есть специалисты, разбирающиеся в иных: там и среди полицейских есть представители малого народа. У нас никого такого нет. У нас нет и вервольфов, а у них есть, по крайней мере в Ричмонде. Если бы они об этом не знали, я бы им не сказал. Но блуждать в полной темноте тоже не очень приятно.

Я не собиралась предлагать помощь полиции: слишком опасно. Открыла рот с намерением сообщить об этом — и замолчала.

Бран говорил: чтобы не попасть в беду, не суй нос в дела иных. Если станет известно, что я консультирую полицию, у меня будут большие неприятности.

С Адамом я бы поладила. Меня тревожили малый народ и вампиры. Я слишком много о них знаю, и они не хотели бы, чтобы я рассказывала это полиции.

Но все же несправедливо, что за спокойствие отвечает именно полиция, а знает она только то, что согласны ей сообщить иные и вервольфы. Существует чересчур много путей, которые могут оказаться смертельно опасными. Если что-нибудь случится с Тони или с одним из хороших парней, а я могла бы это предотвратить, я потеряю покой и сон. Хотя нельзя сказать, что в последнее время я сплю хорошо.

— Ну ладно, — сказала я. — Вот тебе бесплатный совет. Постарайся, чтобы никто из ваших сотрудников не беспокоил в связи с этим малый народ.

— Почему?

Я сделала первый шаг в пропасть и сказала ему то, что могло навлечь на меня

настоящие неприятности. Я оглянулась, но, если вервольф продолжал за нами идти, он работал очень хорошо. Так как люди Адама обычно более чем компетентны, я перешла на шепот:

— Потому что иные не так мягки и бессильны, как стараются казаться. И будет очень плохо, если они решат, что кое-кто подозревает их в росте насилия.

Тони едва не споткнулся о железнодорожную шпалу.

— То есть?

— То есть: никогда не оказывайся в таком положении, когда нечто, опасное для тебя, способствует безопасности общины малого народа. — Я ободряюще улыбнулась. — Не в их интересах вредить кому-нибудь, обычно они сами следят за порядком у себя, и полиции там нечего делать. Если кто-то из них нарушит закон, они сами о нем позаботятся. Ты, главное, будь осторожен и не угрожай им.

Он с полквартала обдумывал это.

— А что ты можешь сказать о делах с вервольфами?

— Здесь? — Я неопределенно обвела рукой город. — Прежде чем говорить с тем, кого считаешь вервольфом, поговори с Адамом Хауптманом. В другом городе — узнай, кто главный, и говори с ним.

— Получить у их Альфы разрешение на беседу с ними? — недоверчиво переспросил Тони. — Как говорить с детьми с разрешения родителей?

Бран дал публике знать об Альфах, но не сообщил, насколько жесткая структура существует в стаях.

— М-м-м. — Я посмотрела на небо в поисках вдохновения. Не дождалась. Придется выкарабкиваться самой. — Ребенок не может оторвать тебе руку, Тони. Адам позаботится, чтобы на твои вопросы отвечали, не причиняя вреда. Вервольфы бывают... ненадежны. Адам поможет в этом.

— В смысле — они будут говорить только то, что он хочет довести до нашего сведения? Я глубоко вдохнула.

— Тебе важно верить вот во что: Адам из числа хороших парней. Он действительно хороший. Это относится не ко всем вожакам стай, но Адам на твоей стороне. Он может тебе помочь и, если его не оскорблять, поможет. Он много лет здесь вожаком, потому что он в этом очень хорош. Пусть и дальше так будет.

Не знаю, поверил ли мне Тони, но, обдумывая мои слова, он молчал, пока мы не дошли до моей машины на стоянке.

— Спасибо, Мерси.

— Я не очень помогла, — пожала я плечами. — Но я поговорю с Зи. Может, он знает кого-нибудь, кто может положить конец этой жаре.

Маловероятно. Погода требует Большой Магии, а малый народ идет на это очень редко.

— Будь ты настоящей индианкой, могла бы станцевать танец дождя^[33].

Тони можно меня дразнить, потому что в его венесуэльской половине большая часть тоже индейская.

Я серьезно покачала головой.

— В Монтане индейцы не танцуют танец дождя. Они танцуют танец «Уйми-Этот-Проклятый-Ветер-И-Снег». Если бы ты хоть раз побывал в Браунинге, штат Монтана, сам бы увидел, что это не работает.

Садясь в машину и включая двигатель, Тони рассмеялся. Дверцу он оставил открытой,

чтобы выпустить жар, и поднес руку к вентилятору, ловя первые струйки холодного воздуха.

— Когда доберусь до участка, наверно, станет прохладней, — сказал он.

— Держись, — посоветовала я.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он улыбнулся, закрыл дверцу и уехал. Только тогда я поняла, что на стоянке нет машины Хани.

Когда я вошла, Гэбриэл поднял голову.

— Тебе звонил мистер Хауптман, — сказал он. — Он просил тебя проверить сообщения на твоём сотовом.

Я отыскала телефон там, где оставила его, — на передвижном ящике с инструментами.

— Только что подобрали Уоррена. — Голос Адама звучал спокойно и четко. Так он говорит, только когда положение действительно трудное. — Везем его ко мне. Встреть нас там.

Я позвонила Адаму домой, но услышала автоответчик. Тогда я позвонила Сэмюэлю.

— Сэмюэль?

— Еду к Адаму домой, — ответил он. — Ничего не буду знать, пока не попаду туда.

Я не спрашивала, ранен ли Уоррен. Это и так сказал мне голос Адама.

— Буду через десять минут.

Хотя ничего это не даст, подумала я, нажимая кнопку отключения. Я ничем не смогу помочь.

Я велела Гэбриэлу держать оборону и закрыться в пять.

— Неприятности у вервольфов? — спросил он.

Я кивнула.

— Уоррен ранен.

— Можешь вести?

Я снова кивнула и пошла к выходу. И уже на полпути к машине подумала, что, наверно, никто не додумался позвонить Кайлу. Я колебалась. Уоррен и Кайл уже не вместе, но вряд ли по обоюдному нежеланию. Поэтому я отыскала в памяти телефона рабочий номер Кайла и связалась со сверхделовитой секретаршей.

— Простите, — ответила та. — Сейчас он занят. Я могу записать ваше имя и номер?

— Звонит Мерседес Томпсон. — Пристегиваться одной рукой нелегко, но мне удалось. — Номер...

— Мисс Томпсон. Минутку. Соединяю.

Хм. Кайл поместил мое имя в список важных персон. Слушая классическую музыку, я свернула на Кемикал-драйв и прибавила газ. Я была совершенно уверена, что зеленый «таурус», едущий за мной, принадлежит охраннику-вервольфу.

— Что случилось, Мерси? — Голос Кайла сменил шопена еще до того, как я благополучно добралась до указателя на Финли.

— Уоррен ранен. Не знаю, насколько тяжело, но Адам объявил общий сбор.

— Я в машине возле Двадцать седьмой и 395, — сказал он. — Где Уоррен?

Сзади я увидела, как перед «таурусом» появились мигающие огоньки полицейской машины, которая обычно прячется на переезде через железную дорогу, и сильнее нажала на газ.

— В доме Уоррена.

— Скоро буду.

Он повесил трубку, но я успела услышать, как взревел двигатель V-12 «ягуара».

Он меня не догнал, но я еще спорила с идиотом у входа в дом, когда он резко затормозил, разбрасывая гравий.

Я достала телефон и дала охраннику прослушать сообщение Адама.

— Он меня ждет.

Идиот покачал головой.

— Мне приказано — никого, кроме стаи.

— Она из стаи, Эллиот, придурок, — сказала Хани, выходя из двери. — Адам объявил ее своей подругой, что тебе отлично известно. Впусти.

Хани схватила Эллиота за рукав и оттащила от двери.

Я взяла Кайла за руку и провела мимо придурка-охранника. Везде были вервольфы. Я знаю, что в стае Адама их около тридцати, но готова поклясться: в просторной гостиной Адама их было вдвое больше.

— Это Кайл, — сказала я Хани, ведя Кайла по лестнице.

— Привет, Кайл, — ответила Хани. — Уоррен говорил мне о вас.

Я не знала, что она из друзей Уоррена, но размазанная косметика свидетельствовала, что Хани плакала.

Она не пошла за нами по лестнице: несомненно, ей предстояло несколько неприятных минут с Эллиотом, прежде чем она сможет заняться чем-нибудь другим. Хоть он и идиот, Эллиот доминант и по рангу в стае гораздо выше Хани, чей статус зависит от ее подчиняющегося мужа. Я уже говорила, что этикет вервольфов сложился столетия назад? Ради нас Хани поистине сунула шею в петлю.

В доме Адама пять больших спален, но мне не пришлось гадать, в которой Уоррен. С верха лестницы я почуяла запах крови, а у двери стоял Даррил, второй Адама, точно нубиец, охраняющий фараона.

Он хмуро поглядел на меня. Я уверена: причина была в том, что я посвятила человека в дела стаи. Но у меня не было на него ни времени, ни терпения.

— Иди спаси Хани от идиота, который пытался не впустить меня.

Он мешкал.

— Иди.

Адама я не видела, но это по его приказу Даррил мимо нас спустился по лестнице.

Кайл первым вошел в комнату и неожиданно остановился, мешая мне смотреть. Пришлось нырнуть ему под руку. Только тогда я смогла что-то увидеть.

Плохо дело.

С кровати сняли все, кроме последней простыни, и Сэмюэль возился с истерзанным окровавленным существом, которое было Уорреном. Я не винила Кайла в его колебаниях. Если бы не запах, я бы не узнала лежащего на кровати: слишком мало в нем осталось того, что можно узнать.

Адам прислонился к стене, чтобы не мешать Сэмюэлю. Иногда, если один из стаи тяжело ранен, ему могут помочь кровь и плоть Альфы. На левой руке Адама была свежая повязка. Он посмотрел на нас, на Кайла. Потом на меня и коротко одобрительно кивнул.

Увидел Кайла и Сэмюэль и кивком подозвал его к изголовью кровати.

— Говори с ним, — сказал он. — Он выберется, если очень захочет. Только обязательно дай ему причину. — Потом сказал мне: — Не вмешивайся, если только я о чем-нибудь не попрошу.

Кайл, чьи слаксы стоят больше моего месячного заработка, не раздумывая сел на окровавленный пол у кровати и заговорил... о бейсболе. Я отключилась от него и сосредоточилась на Уоррене, словно удерживала его одной силой воли. Дышал он неглубоко и неровно.

— Сэмюэль считает, что он ранен вчера ночью, — прошептал мне Адам. — Я отправил людей на поиски Бена — он был с Уорреном — но пока никаких его следов нет.

— А Стефан? — спросила я.

Глаза Адама чуть сузились, но я смотрела прямо в них, слишком расстроенная, чтобы тревожиться из-за проклятого доминирования или других игр.

— И вампира никаких следов, — сказал, наконец Адам. — Тот, кто ранил Уоррена, бросил его у дядюшки Майка. — Дядюшке Майку принадлежит бар в Паско, где собираются местные иные. — Тот, кто открывал бар, утром нашел Уоррена в помойном баке, когда выносил мусор. Он позвонил Майку, а Майк мне.

— Если это было вчера ночью, почему он не излечивается? — спросила я, плотнее обхватывая себя руками. Тот, кто сделал это с Уорреном, мог сделать то же самое или еще что-нибудь похуже со Стефаном. Что если Уоррен умрет? Что если Стефан уже мертв? Мертв бесповоротно, брошенный где-нибудь в другой помойный бак. Я вспомнила, с каким наслаждением Литтлтон убивал горничную. Почему я убедила себя, что вервольфы и вампир с ним справятся?

— Почти все раны нанесены серебряным лезвием — отсутствующим голосом сказал мне Сэмюэль: все его внимание было обращено на работу. — А другие раны, например сломанные ребра, заживают медленней, потому что организм перегружен, он пытается справиться со всем одновременно.

— Вы знаете, куда они направлялись ночью? — спросила я.

Сэмюэль ужасно быстро работает иглой. Не понимаю, как он определял, где делать стежки: на мой взгляд, Уоррен походил на отбивную.

— Не знаю, — ответил Адам. — Уоррен докладывал мне о том, что они сделали, а не что собираются сделать.

— Ты звонил Стефану домой?

— Даже если он там, то еще спит.

Я достала телефон, набрала номер Стефана и подождала. Включился автоответчик.

— Говорит Мерседес Томпсон, — сказала я очень отчетливо, надеясь, что меня кто-нибудь слушает. Я знала, что Стефан не живет в семье, но, может, с ним кто-нибудь живет. Вампирам нужны доноры крови, а у добровольного донора брать кровь гораздо безопаснее, чем у встречающих на улице. Прошлой ночью Стефан пошел на охоту. Один из его спутников в тяжелом состоянии, и мы не знаем, что со вторым. Мне нужно знать, вернулся ли Стефан домой.

Послышался щелчок. Кто-то, по-видимому, женщина, взяла трубку, прошептала: «Нет», — и повесила ее.

Адам разминал пальцы, как будто слишком сильно их сжимал.

— Литтлтон справился с двумя вервольфами и старым вампиром?

— Двумя вампирами, — поправила я. — Стефану в помощь придали еще одного.

— Уоррен говорил, от второго вампира мало проку.

Я пожала плечами.

— Хорошо, двумя вервольфами и двумя вампирами. — Адам как будто готовил что-

то. — Стефана он однажды уже победил; значит, самый сильный в группе Уоррен. Он не случайно вернул его нам. Пронимаешь, Литтлтон говорит нам: «Посылайте против меня лучших — и увидите, что я вам верну». Литтлтон не прикончил его, потому что хотел, чтобы мы знали: он не считает Уоррена угрозой. Ему все равно, если Уоррен выживет и снова нападет на него. — Голос Адама напоминал глубокое рычание. — Он провел на песке черту и говорит мне: попробуй перейти.

Адам знал, как играть в такие игры. Думаю, это обязательное свойство Альфы. Или, может, наследие армии, которая, строго говоря, мало чем отличается от стаи.

— А другие? — спросила я.

Он ничего не ответил, только покачал головой. Я снова обхватила себя: мне стало зябко.

— Так что ты собираешься делать? — спросила я.

Он невесело улыбнулся.

— Играть по правилам Литтлтона. У меня нет выбора. Я не могу позволить ему разбойничать на моей территории.

В это мгновение дыхание Уоррена, к которому я прислушивалась частью сознания, внезапно оборвалось. Адам тоже это услышал; он пригнулся, словно в комнате появился смертельно опасный враг. Может, так оно и было. Смерть ведь враг, верно?

Сэмюэль выругался, но именно Кайл, вскочив с пола, схватил Уоррена за подбородок и начал отчаянно делать искусственное дыхание. Сердце Уоррена я не слышала, но должно быть, оно тоже остановилось, потому что Сэмюэль принялся нажимать на грудь.

Бесполезная, я наблюдала, как они борются за жизнь Уоррена. Я ужасно устала от того, что не в состоянии ничего сделать; когда вокруг умирают.

Спустя, казалось бы, очень много времени Сэмюэль отстранил Кайла.

— Хорошо, он дышит. Можешь перестать.

Ему пришлось повторить это несколько раз, прежде чем Кайл понял.

— Он в порядке? — спросил он совсем иным тоном, чем обычно.

— Он дышит самостоятельно, и сердце бьется, — ответил Сэмюэль.

Не вполне подтверждение, но Кайл как будто не заметил. Он снова опустился на ковер и продолжил рассказывать, словно его и не прерывали. В голосе в отличие от лица — никакого напряжения.

— Расскажи все, что я должна знать о демонах, — попросила я Адама, хотя не могла оторвать глаз от Уоррена. Мне почему-то казалось, что стоит мне отвести от него взгляд, как он умрет.

Наступила долгая пауза. Он знал, зачем мне это. Если он не расскажет все, что в его силах, не поможет мне сделать то, что я намерена, я его знать не хочу.

— Демоны злы, отвратительны и совершенно бессильны, пока не сумеют прикрепиться, как паразиты, к какому-нибудь проклятому придурку. Либо их приглашают, в таком случае возникает колдун, либо они проникают сами, потому что кто-то слабовольный творит зло. Простая одержимость демоном длится недолго; поскольку одержимый не может слиться с демоном: единственное, к чему стремится демон, это разрушение. Гораздо опасней колдун, то есть тот, кто по условиям договора командует демоном. Такой колдун может годами жить незамеченным среди людей. Но со временем колдун теряет контроль, и демон берет верх.

Ничего такого, чего бы я не знала.

— Как убить демона? — спросила я.

Руки Сэмюэля по-прежнему держали иглу: он сшивал клочки окровавленной плоти.

— Это невозможно, — ответил Адам. — Можно только устранить угрозу убив хозяина. В данном случае Литтлтона — вампира, усиленного магией демона. — Он перевел дыхание. — Это не добыча для койота. Оставь его нам, Мерси. Мы позаботимся, чтобы он умер.

Он прав. Я это знала. От меня никакого проку.

Я заметила, что Кайл смотрит на нас широко раскрытыми глазами, хотя ни на минуту не прерывает рассказ о бейсболе — о каком-то матче, когда он играл в младшей лиге.

— Ты считал вервольфов самыми страшными чудовищами на свете? — неприятным тоном спросила я Кайла. Я сама не признавала, пока не заговорила, насколько зла. Конечно, неправильно срывать злость на Кайле, но я не могла остановиться. Он отверг Уоррена как чудовище: ему стоит побольше узнать о настоящих чудовищах. — Есть гораздо более страшные твари. Вампиры, демоны и другие страшилища, и единственное, что стоит между ними и людьми, это такие, как Уоррен.

Уже произнося это, я поняла, что несправедлива. На самом деле Кайла больше тревожило то, что Уоррен лгал ему, чем то, что он вервольф.

— Мерси, — сказал Адам. — Ш-ш-ш.

Эти слова пронеслись надо мной, как холодный ветер, унесли гнев, раздражение и страх. Альфа умеет успокаивать волков. Но ведь я не волк. Однако ему это удалось.

Я резко повернулась и посмотрела на него: он внимательно наблюдал за Уорреном. Если он поступил так со мной нарочно, то это несколько его не заботило. Но я была совершенно уверена, что виновата его привычка: на меня не должно было подействовать.

Черт возьми.

Уоррен издал звук — первый, какой я слышала с тех пор, как вошла в комнату. Я была бы довольна, если бы в звуке не слышался такой страх.

— Спокойнее, Уоррен, — сказал ему Адам. — Здесь тебе ничто не угрожает.

— Но если попробуешь умереть, тогда берегись, — подхватил Кайл с ворчанием, которое сделало бы честь любому вервольфу.

Губы Уоррена, побитые, окровавленные, в синяках, сложились в улыбку. Еле заметную.

Сэмюэль — очевидно, закончив работу, — подтащил кресло-качалку и сел в ногах кровати, оставив Кайлу место у изголовья. Он откинулся на спинку, упираясь локтями в подлокотники и подбородком на руки. Казалось, что он разглядывает свои туфли, но я его хорошо знаю. На самом деле все его внимание по-прежнему устремлено на пациента, он прислушивается, нет ли в дыхании и сердцебиении перемен, которые могут означать трудности. Вот так, неподвижно, он способен сидеть часами. У Сэмюэля репутация очень терпеливого охотника.

Все остальные подражали его спокойной неподвижности, а Уоррен уснул. Только Кайл продолжал рассказ о том, как он страдал, когда в возрасте десяти лет стоял на третьей базе.

В течение следующего часа Уоррен спал беспокойным сном, а в комнату устремлялся непрерывный поток молчаливых посетителей. Среди пришедших были друзья, но большинство приходило взглянуть, каков ущерб. Если бы здесь не было Адама или Сэмюэля, для Уоррена это могло бы быть опасно. Вервольфы, особенно в плохо управляемой стае, убивают больных и слабых.

Адам прислонился к стене, с мрачным напряжением глядя на посетителей. Я видела, какое впечатление его взгляд производит на волков (даже в человеческой обличье они все равно его волки). Как только они замечали его, их шаги становились более бесшумными.

Они опускали головы, зажимали руки подмышками, бросали на Уоррена быстрый оценивающий взгляд и тут же выходили.

Когда вошла Хани, на лице у нее красовался большой синяк, который, впрочем, быстро исчезал. Через полчаса от него и следа не останется. Она еще из коридора бросила быстрый взгляд на Адама. Он кивнул: это была его первая реакция на посетителей.

Хани обогнула кресло Сэмюэля и села на пол рядом с Кайлом. Еще раз посмотрела на Адама: тот не возражал, и она негромко представилась Кайлу, коснувшись его плеча, потом спиной прислонилась к стене и закрыла глаза.

Сменилось несколько посетителей, а потом в комнату вошел светловолосый мужчина с короткой рыжеватой бородой. Я его не узнала, хотя запах подсказал, что он из стаи Адама. Я перестала обращать внимание на посетителей, не обратила бы и на этого, если бы не два обстоятельства.

Его осанка не изменилась, когда он входил в комнату, зато изменилась осанка Адама. Адам плечами оттолкнулся от стены и выпрямился. Потом сделал два шага вперед и оказался между Уорреном и незнакомцем.

Рыжебородый был на голову выше Адама и в первое мгновение пытался использовать свой рост как преимущество. Но он все же не то, что Альфа. Не сказав ни слова, не сделав ни одного агрессивного движения, Адам заставил его попятиться.

Сэмюэль как будто ничего не заметил. Сомневаюсь, что кто-то, кроме меня, увидел, как напряглись мышцы его плеча.

— Когда он выздоровеет, — сказал Адам, — и если ты сделаешь честный вызов, Пол, я не стану препятствовать схватке.

По правилам Маррока схватки — настоящие, не просто обмен рычанием и парой укусов, — в стаях происходят очень редко. В этом одна из причин того, что в Новом Свете вервольфов больше, чем в Европе, откуда они родом, как и малый народ.

Обычно я просто по языку тела — поведению, жестам и осанке — могу расставить по местам всех членов стаи от наибольших доминантных до самых подчиняющихся (или наоборот). Вервольфы это умеют еще лучше меня. Люди, если придают этому значение, тоже на это способны, хотя, конечно, для них иерархия не так важна, как для волков. Для людей она может означать продвижение по службе или выигрыш спора. Выживание вервольфа зависит от стаи, а стая — это сложная социальная и военная иерархическим система, где каждый точно знает свое место.

Доминирование у волков — в это комбинация силы характера, силы воли, физических способностей и других компонентов, категорически непонятных тем, у кого глаза, уши и нос не приспособлены чувствовать этого. А тому, кто это умеет, ничего объяснять не нужно. Могу приблизительно определить такую особенность как «готовность к борьбе». За пределами стаи естественное доминирование волка меняется в очень широких пределах. Как и у всех у нас, у волков бывают периоды усталости, депрессии или, наоборот, счастья, и все это сказывается на их доминантности.

Внутри стаи все это тщательно ранжируется. Иногда допускают схватки между волками почти доминантами, чтобы точнее определить их положение в стае. Второй и третий после Альфы — обязательно следующие двое по степени доминантности.

Уоррен среди врагов обычно тих и внимателен, он не проявляет более типичной для доминирующего самца агрессивности. Распознавать язык тела он умеет еще хуже меня, потому что слишком мало времени провел в стае сразу после перемены. Он жил не в стае, а

скорее за ее пределами. И поэтому был уязвим для вызовов со стороны волков, считающих себя более сильными, проворными и вообще лучшими.

Я знаю, именно Адам объявил всем, что Уоррен его третий. Если бы Адам был менее доминантен, если бы его меньше уважали и любили, за этим объявлением последовало бы массовое кровопролитие. Я знала, что мнение Адама справедливо, но была одной из немногих, перед кем Уоррен раскрывался.

Заметное меньшинство волков считало, что Уоррен недостаточно силен для позиции, которую занимает. Я знала — от Джесси, а не от стаи — что кое-кто из волков хотел изгнать Уоррена из стаи или даже убить.

Очевидно, этот Пол один из них; он достаточно доминантен, чтобы бросить вызов Уоррену. И почему-то Адам только что дал ему на это разрешение.

Довольный Пол коротко кивнул и решительно вышел из комнаты, не подозревая, что Уоррен им пол подотрет. Конечно, если благодаря заботе Сэмюэля выживет. Я понимала, что это пока сомнительно.

Адам задумчиво смотрел вслед уходящему. Наконец он отвел взгляд и заметил, что я за ним наблюдаю. Глаза его сузились, он подошел ко мне, взял за руку и вывел из комнаты.

Он провел меня к комнате Джесси, немного помедлил и отпустил мою руку. Потом один раз негромко стукнул в дверь и открыл ее. Джесси сидела на полу, спиной к кровати, нос у нее был красный, и по лицу текли слезы.

— Он держится, — сказал Адам.

Она встала.

— Можно посмотреть на него?

— Только тихо, — предупредил Адам.

Она кивнула и пошла к комнате Уоррена. Увидев меня, остановилась, улыбнулась — словно солнце на мгновение вышло из облаков — и пошла дальше.

— Идем, — сказал Адам, снова взял меня за руку, мне это не понравилось — и отвел к другой закрытой двери.

Эту дверь он растворил, не постучав.

Цепляясь за свою злость, я высвободила руку, и прошла в комнату. Если я буду злиться, не буду бояться. Мне это ужасно не нравилось, но сейчас я Адама боялась.

Я сложила руки на груди, повернулась к нему спиной и только тут поняла, что он привел меня в свою спальню.

Я узнала бы комнату Адама, даже если бы она не пахла им. Он любит сложные узоры и теплые тона, и комната была коричневая: от темно-коричневого берберского ковра до венецианской желтоватой лепнины на стенах. На одной стене картина маслом высотой с меня и вдвое шире — лесной пейзаж в горах. Художник не поддался искушению добавить орла в небе или оленя у ручья.

Человек мог бы счесть эту картину скучной.

Я коснулась холста раньше, чем поняла, что делаю. Имя художника, мелкими, почти неразличимыми буквами написанное внизу картины и на медной табличке на раме, было мне незнакомо. Картина называлась «Святилище».

Я отвернулась от картины и увидела, что Адам смотрит на меня. Руки он скрестил, а на широких скулах проступили маленькие белые пятна; это говорило о том, что он рассержен. Ничего необычного в этом нет. У Адама горячий нрав, а я умею его разозлить — хотя в последнее время этого не делала. И готова поклясться, что не делала сегодня.

— У меня не было выбора — сказал Адам.

Я смотрела на него, не понимая, о чем он говорит.

Мой несомненно глупый вид рассердил его еще сильнее.

— Это не дает Полу права подстеречь его в засаде. Вызов должен быть серьезным, при свидетелях.

— Знаю.

Неужели он считает меня тупой?

Адам несколько секунд смотрел на меня, потом повернулся и принялся быстро расхаживать по комнате. Остановившись, снова повернулся ко мне и сказал:

— Уоррен контролирует своего волка лучше всех в стае. Бен, несмотря на его позицию, в этом почти так же хорош. Из всех моих волков они лучше всего подходят для охоты на колдуна.

— Разве я говорила другое? — выпалила я. Картина отвлекла меня, но Адам напомнил, что я пытаюсь на него сердиться. К счастью, это совсем нетрудно.

— Ты сердишься на меня, — сказал он.

— Ты на меня кричишь, — ответила я. — Конечно, сержусь.

Он нетерпеливо махнул рукой.

— Не сейчас. Раньше, в комнате Уоррена.

— Я сердилась на тупого волка, который пришел бросать вызов Уоррену, как только тот оказался на спине. — Тут я вспомнила, как испугал меня Адам, когда использовал свои свойства Альфы, чтобы успокоить меня. — Я не сердилась, пока ты не схватил меня за руку, не вытащил из комнаты и не начал на меня орать.

— Черт побери, — сказал он. — Прости.

Он посмотрел на меня и отвел взгляд. Теперь, без защитной оболочки гнева, он казался усталым и встревоженным.

— Уоррен и Бен не твоя вина. Они вызвались добровольцами.

— Они не пошли бы, если бы я не разрешил. Я знал, насколько это опасно, — рявкнул он. Гнев вернулся так же быстро, как рассеялся.

— Думаешь, ты один имеешь право чувствовать себя виноватым из-за Уоррена и Бена?

— Не ты их посылала, — сказал он. — А я.

— О колдуне они узнали исключительно из-за меня, — сказала я. И тут, видя, что он действительно считает себя виноватым, я призналась в своем худшем поступке: — Я молилась, чтобы они нашли колдуна:

Он недоверчиво взглянул на меня и рассмеялся — резко и горько.

— Думаешь, молитва делает тебя ответственной за состояние Уоррена?

Он не верит. Не знаю, почему это меня так поразило. Я знаю многих людей, которые не верят в Бога — ни в какого. Но вервольфы, среди которых я выросла, все были верующими. Адам посмотрел мне в лицо и снова рассмеялся.

— Ты так наивна, — низко и гневно проворчал он. — Я давно понял, что Бог — миф. Полгода я ежечасно молился в вонючем болоте в чужой стране, прежде чем открыл глаза и безумный вервольф окончательно показал мне, что Бога нет. — Глаза его посветлели — от теплого карего до холодного желтого. — Не знаю. Может, Бог и есть. В таком случае он садист, спокойно наблюдающий за тем, как его дети убивают друг друга.

Он был очень взвинчен, судя по тому, что говорил неразумно. Адам всегда, даже когда страшно сердит, сохраняет способность рассуждать здраво. Он тоже это понял, потому что

отвернулся и прошел к большому окну, которое выходит на Колумбию.

Здесь ширина реки почти миля. Иногда, в плохую погоду, вода кажется почти черной, но сегодня на солнце она блестящая, ярко-голубая.

— Ты избегаешь меня.

Теперь он говорил спокойнее.

Второе окно выходит на мой участок. И я с удовольствием увидела в самом центре пейзажа свой частично разобранный «кролик».

— Мерси!

Я продолжала смотреть в окно. Лгать бесполезно, сказать правду значит нарваться на следующий вопрос, а я не хотела на него отвечать.

— Почему?

Он все равно его задал.

Я оглянулась через плечо, но Адам по-прежнему смотрел в окно. Я повернулась и оперлась бедром о подоконник. Он сам знает почему. Я видела это в его глазах, когда выходила из гаража. А если и не знает, что ж, я не собираюсь ему объяснять.

— Не знаю, — выдавила я наконец.

Он повернулся и посмотрел на меня, словно увидел неожиданную добычу. Его глаза по-прежнему были охотничьего желтого цвета. Я ошибалась. Лгать гораздо хуже, чем просто бесполезно.

— Нет, знаешь, — сказал он. — Почему?

Я потеряла лицо.

— Послушай, я сегодня не в твоём весе для борьбы. Нельзя ли подождать, пока Уоррен будет вне опасности?

Он смотрел на меня, шуря янтарные глаза, но по крайней мере больше не допрашивал.

Отчаянно пытаюсь сменить тему, я сказала:

— Репортер с тобой связался? Тот, насчет дочери?

Он закрыл глаза и сделал глубокий долгий вдох. А когда открыл, они снова были цвета шоколада.

— Да, и спасибо за то, что я не подозревал о его существовании. Ты не предупредила. Он-то считал, что ты мне звонила, и прошло немало времени, прежде чем я начал понимать, о чем речь.

— Так они приедут сюда?

Адам махнул рукой в сторону комнаты Уоррена.

— Когда тут бродит тот, кто может сделать такое с моим волком? Они должны были приехать. Мне пришлось позвонить и сказать, что сейчас это нежелательно. Но не знаю, к кому его направить. Нет ни одного Альфы, которому я доверил бы свою дочь, а та девочка еще моложе.

— Пошли его к Брану, — предложила я. — Бран говорит, что в свое время воспитал нескольких таких.

Адам бросил на меня воинственный взгляд.

— Ты доверишь Марроку ребенка?

— Мне он не причинил вреда, — ответила я. — А большинство Альф причинили бы.

Адам неожиданно улыбнулся.

— И это кое о чем говорит. А ты действительно разбила его «ламборгини»^[34] о дерево?

— Я не про то, — горячо ответила я. — Большинство Альф просто убили бы

навязанного им щенка койота.

Я через комнату пошла к двери. Остановилась.

— На самом деле это был «порше», — с достоинством сказала я. — И дорога была обледенелая. Если тебе рассказал об этом Сэмюэль, надеюсь, он упомянул, что именно он подбил меня взять машину. Пойду посмотрю, как Уоррен.

Когда я закрывала за собой Дверь, Адам неслышно смеялся.

Несколько часов спустя я одна отправилась домой. Сэмюэль остался на ночь, чтобы быть на месте, если что-то случится. Пока ничего особенного не произошло. Кайл тоже остался: я уверена, что потребовалось бы нечто большее, чем волчья стая, чтобы изгнать его оттуда.

Я ничего не могла сделать для Уоррена и Стефана. Или Бена. Почему людям, которые мне не безразличны, не нужно чинить машину? Я бы починила. И когда это я начала тревожиться о Бене? Он ублюдок.

Но щемящее ощущение в животе частично касалось и его. Черт побери! К дьяволу все это!

Дома меня ждали два телефонных сообщения. Одно от матери, второе от Гэбриэла. Я позвонила Гэбриэлу и сказала, что Уоррен тяжело ранен, но поправится. Говорить: с матерью я не могла. Говорить без слез. А я не буду плакать, пока точно не пойму, что произошло.

Я поужинала японской лапшой, скормив большую ее часть Медее. Кошка громко мурлыкала, вылизывая суп. Я вымыла посуду, пропылесосила квартиру. О моей жизни можно судить по тому, насколько чисто у меня дома. Когда я расстроена, я готовлю или прибираюсь. Есть я не могла, поэтому взялась за уборку.

Выключив пылесос, чтобы передвинуть диван, я поняла, что звонит телефон. Неужели опять что-то не так?

Я подняла трубку.

— Квартира Томпсон.

— Мерседес Томпсон, с вами желает говорить госпожа. — Вежливый женский голос, так говорят секретарши. Я посмотрела в окно и увидела, что солнце садится, купая гряды холмов Небесная Лошадь в ярко-оранжевом свете.

Все копившееся раздражение вернулось. Если бы госпожа Стефана послала всех своих подданных против колдуна, вместо того чтобы играть в мелочные игры, Уоррен сейчас не боролся бы за жизнь.

— Жаль, — неискренне сказала я. — Пожалуйста, передайте своей госпоже, что у нас нет никаких общих дел.

Я повесила трубку. Когда телефон зазвонил снова, я отключила звонок и сняла с дивана подушки, чтобы пропылесосить под ними.

Когда зазвонил мой сотовый, я тоже не хотела отвечать, потому что не узнала номер. Но вдруг это кто-то из стаи Адама или Стефан?

— Алло?

— Мерседес Томпсон, вы должны помочь мне найти Стефана и убить колдуна, — сказала Марсилия.

Я знала, что делать. Не скажи она этого, я могла бы повесить трубку. И сделала бы это, хотя вешать трубку, разговаривая с госпожой вампиров, — большая глупость. Но я нужна ей, и нужна для чего-то определенного.

Убить колдуна.

Но это нелепо! ЧТО я могу сделать там, где ничего не смогли два вампира и два вервольфа?

— Почему именно я?

— Объяснить могу только при личной встрече.

Она хороша, надо отдать ей должное. Если бы я специально не прислушивалась, вряд ли расслышала бы нотку удовлетворения в ее голосе.

Хотя время приближалось к полуночи, на стоянке дядюшки Майка яблоку негде было упасть, и мне пришлось парковаться на стоянке у соседнего склада. Моему маленькому «кролику» не грозило одиночество, но он чувствовал себя неуютно среди грузовиков и больших спортивных машин. Не знаю, почему малый народ любит большие машины, но вы никогда не увидите иного за рулем «Геометро»^[35].

Близ резервации малого народа в Уолла-Уолла, в шестидесяти милях отсюда по шоссе, есть несколько баров. Все они для привлечения публики объявляют себя прибежищем иных. Недалеко от моей мастерской есть даже новый бар, который рекламирует себя как логово вервольфов. А вот рекламы дядюшки Майка вы не найдете и не увидите в его баре среди клиентов много людей. Если какой-нибудь глупый человек, привлеченный, количеством машин, остановится и попробует войти, легкое заклинание помешает, ему и он пойдет своей дорогой. Бар дядюшки Майка — для малого народа, хотя он принимает и других сверхъестественных, если те ведут себя хорошо и не создают проблем.

Я отказалась приходить в семью без Стефана. Я, может, и упряма, но не глупа. И я бы не стала приглашать Марсилию в свой дом. Пригласить зло гораздо легче, чем избавиться от него. Я даже не знаю, как приглашать вампира; знаю только, что это возможно. Поэтому в качестве нейтрального места встречи, я предложила заведение дядюшки Майка.

Я думала, здесь не будет так много народу: все-таки ночь перед рабочим, днем. Но очевидно клиентам дядюшки Майка не нужно вставать завтра рано.

Я открыла дверь, и изнутри, как вода из прорванной дамбы, хлынул шум. Пораженная громким звуком, я замешкалась, и тут же крепкая рука уперлась мне в грудь и толкнула обратно. Дверь захлопнулась, оставив меня на парковке одну, с моим противником.

Я сделала еще шаг назад, увеличивая пространство между нами, и пожалела, что не прихватила пистолет. Потом пригляделась и успокоилась. Зеленый наряд и зеленые чулки — точно как у разбойников Робина Гуда. Это униформа служащих дядюшки Майка.

Парню на вид не больше шестнадцати, он высокий и худой, над верхней губой лишь легкий темный пушок. Через несколько лет будут усы. Черты обычные, не слишком крупные, не слишком мелкие и в то же время не так аккуратно скомпонованные, чтобы лицо было красивым.

Он сделал легкий жест, и я ощутила острый вяжущий запах магии малого народа. Парень повернулся и направился к двери. Вышибала. Черт побери, сегодня меня второй раз попытаются куда-то не пустить.

— Я не человек, — сказала я, идя за ним следом. — Дядюшка Майк разрешает мне приходить.

Впрочем, дядюшка Майк никогда не обращал на меня особого внимания.

Парень зашипел и сердито обернулся. Он вытянул ко мне руки и сжал кулаки. На этот раз магия пахла аммиаком, и это прочистило мои носовые пазухи. Я сдавленно закашляла от неожиданной силы этого запаха.

Не знаю, что юнец собирался сделать: дверь у него за спиной неожиданно распахнулась, и вышел сам дядюшка Майк.

— Спокойней, Фергюс, ты совсем не хочешь этого, слышишь? Перестань. Не надо.

В его речи — густой, как мед, ирландский акцент.

Дядюшка Майк выглядит точь-в-точь так, как положено трактирщику. Как будто он проник ко мне в сознание, извлек всех трактирщиков из книжек, фильмов и пересказов и слил их воедино, сотворив совершенную карикатуру. Лицо у него приятное, но скорее обаятельное, чем красивое. Он среднего роста, широкоплечий; толстые предплечья и мощные кисти с короткими пальцами. Сейчас, в темноте, цвета не видно, но я знала, что глаза у него светло-карие, и он способен обратить их силу на нежелательных клиентов.

— А теперь, Фергюс, чтобы быть полезным, скажи Бидди, что весь остаток ночи она будет охранять дверь. Потом ступай к повару и скажи, чтобы он занял тебя чем-нибудь, пока ты запомнишь, что убивать клиентов — очень плохо для бизнеса.

— Да, сэр.

Присмиривший вышибала прошел в дверь и исчез внутри. Я бы пожалела его, если бы не слова «убивать клиентов».

— Ну вот, — сказал дядюшка Майк, поворачиваясь ко мне. — Ты уж извини моего помощника. Видишь ли, этот демон держит всех нас на взводе. Думаю, для тебя сегодня не лучшая ночь для пирушки.

Может, это вежливее, чем угроза убить, но и более успешно удерживает меня снаружи. Черт побери!

Я подавила рычание и постаралась говорить так же вежливо, как он.

— Если мне здесь не рады, попроси кого-нибудь поискать Марсилию и передать, что я жду ее снаружи.

На его лице появилось откровенное удивление.

— Зачем тебе встреча с королевой вампиров? Ты плаваешь в слишком глубоких для одинокой маленькой девочки водах.

Думаю, все решила «маленькая девочка». А может, ветер изменился и донес запах мусора, волка, крови и очень слабый запах, принадлежащий только Уоррену. Все это напомнило мне, что всего несколько часов окровавленного умирающего Уоррена бросили здесь в помойный бак.

— Может, если бы малый народ хоть изредка поднимал свои зады, мне можно было бы ограничиваться мелководьем, — ответила я, отбросив всякие претензии на вежливость. — Я знаю старинные сказания. Я знаю, что у вас есть силы, черт вас побери! Так почему вы сидите сложа руки и смотрите, как колдун убивает людей? — Я старалась не включать в число мертвых Стефана, но часть меня уже оплакивала его, и это придавало моей речи безрассудность. — Или считаете, что вам лучше держаться в стороне, чтобы уцелеть? — Уоррен тоже мог бы так поступить. И был бы в безопасности дома, а не истекал кровью у Адама. — Особенно потому, что это дело вампиров. А люди, которые при этом умирают, всего лишь эманация, и тревожиться из-за них не стоит.

Он улыбнулся — чуть-чуть, и от этого я рассердилась еще больше.

— Прекрасно, улыбайся шире. Наверно, на твою долю уже достаточно смерти. Что ж, это и тебя касается. Люди не глупы, они знают, происходит что-то необычное, что-то недоброе. А кто такое может сделать, насколько им известно? Только вы.

Теперь он улыбался еще шире, но успокаивающе протянул руку.

— Прости, милая. Все дело во внешности. Ну кто может представить себе механика, который знает слово «эманация»?

Я смотрела на него. Может, дело в возрасте — я понимала, что дядюшка Майк очень-очень стар: долгая жизнь позволяет видеть все в несколько иной перспективе.

— Прости, — сказала я, но и сама слышала гнев в своем голосе. — Постараюсь использовать обычные слова, когда речь идет о деле, где можно посчитать трупы. — Я попыталась прикинуть в уме, хотя точно не знала, сколько людей погибло, когда Дэниэл был во власти колдуна. — Пятнадцать?

Он разом перестал улыбаться и больше не походил на трактирщика.

— Скорее сорок, я думаю, хотя не сомневаюсь, что придется узнать и о других жертвах. И не все жертвы — в Тройном городе. Демоны заинтересованы в смерти и разложении. Над этим нельзя смеяться, и на это не стоит закрывать глаза. Прошу прощения. — Он поклонился так стремительно, что я не уверена, видела ли вообще это движение. — Меня позабавил твой выбор слов. Даже прожив на свете столько лет, я забываю, что героя можно найти в самых неожиданных местах... и личностях. Например, среди механиков, которые умеют превращаться в койотов.

Он еще с минуту смотрел на меня, и в его глазах искрилась лукавая улыбка: ничего похожего на его обычное выражение.

— Что ж, как герой, ты имеешь право ради всех нас броситься на амбразуру. Я скажу тебе, почему мы сами этим не занимаемся. — Он кивком показал на трактир. — Мы, малый народ, цепляемся за выживание лишь кончиками пальцев, Мерседес Томпсон. Мы умираем быстрее, чем рожаем детей, даже если считать полукровок. Впервые это началось, когда человек научился выковывать железное лезвие, но свинцовые пули убивают нас так же легко, как холодное железо. Такие, как старый гремлин Зибольд Адельбертсмайтер, среди нас редкость.

Он помолчал, но я ждала. Конечно, я все это знала, как знает сегодня всякий, кто смотрит ТВ или читает газеты.

— Среди нас есть существа, наделенные силой, — продолжал он. — Если бы люди о них узнали, поднявшаяся волна стерла бы малый народ с лица земли. Если колдун обратит на нас внимание, если заставит одного из нас при камерах убить человека — а он может это сделать, — малому народу конец.

— Вервольфы в таком же положении, — сказала я. — Но это не остановило Адама. Он мог предоставить все вампирам. Ручаюсь, сейчас из посетителей твоего бара не менее четверых могут уничтожить колдуна раньше, чем он заподозрит, что они его ищут.

Он сжал кулаки и отвернулся, но я успела заметить на его лице кое-что другое — тоскливое выражение.

— Нет. Ты недооцениваешь его силу, Мерседес. Из нас большинство способно сопротивляться вампирам не больше обычных людей; да и чистых душ, способных сопротивляться демону, здесь немного. Ты ведь не хочешь, чтобы он завладел одним из нас.

Он снова повернулся ко мне и на этот раз выглядел обычно; что-то гораздо большее, промелькнувшее в нем, исчезло, словно и не бывало.

Тем не менее, я сделала шаг назад: инстинкт говорил мне, что я здесь не самый опасный хищник.

А он певучим спокойным голосом сказал:

— Но на случай, если кто-нибудь из нас захочет заняться колдуном, Серые Повелители провозгласили это исключительно делом вампиров и приказали нам держаться в стороне. Серые Повелители считают людей эманацией, Мерседес. Очень опасной эманацией. И смерть нескольких человек их не очень тревожит.

Глядя ему в глаза, я поняла три вещи. Во-первых, дядюшка Майк был из числа тех, кто

выступил бы против колдуна. Во-вторых, он ненавидел Серых Повелителей, но боялся их. И в-третьих, сам он не считал людей простой эманацией.

Не знаю, что из этого удивило меня больше.

— Что ж, — сказала я, — означает ли это, что тыпустишь меня и дашь возможность самой отыскать Марсилию?

Он медленно кивнул.

— Не стану тебе мешать.

Старомодным жестом он предложил мне руку. Я легко положила на нее пальцы и позволила ему ввести меня в бар.

Но перед самым входом он задержался.

— Не бери с собой волков, когда пойдешь за колдуном.

— Почему?

— Этот Фергюс — он служит у меня уже шестьдесят лет. И за все это время ни разу не поднял руку на клиента. Колдун-демон приносит с собой насилие, как поток несет мелкую рыбу. Одно его присутствие лишает самообладания и способствует ссорам и дракам. Воздействие демона на вервольфа подобно действию водки на огонь.

Похоже на то, о чем говорил Тони: рост насилия встревожил полицию. Нечто подобное говорил и Бран, но у него это звучало не так страшно. Если подумать, вчерашний срыв Адама легко объяснить сочетанием жары и тревоги. И у Сэмюэля в последнее время настроение гуляет.

— Почему ты не сказал Адаму, что Уоррен и Бен в опасности? — спросила я.

— До того дня, когда этого бедного парня бросили у меня под дверями, я не знал, что Адам начал охоту. Хотя должен был бы знать.

А Бран признавал опасность, когда Адам отправил со Стефаном Уоррена и Бена? Я думала об этом. Вероятно, знал. Но Бран никогда никому не говорит, на что способен. И наверно, в этом он прав. Знание приносит тревогу и страх.

Я решила, что тоже не сказала бы. А значит, я не скажу им, что и сама начала охоту. Что бы ни было у Марсилиии на уме, я устала отсиживаться в стороне. Койоты очень хорошо идут по следу и способны взять гораздо более крупную добычу, чем полагает большинство. Если Марсилиия предложит помощь, отлично. Если нет, я пойду за ним сама.

Вместе с дядюшкой Майком я вошла в бар. Сегодня играли «хэви металл», и от грохота барабанов и воя расстроенных гитар у меня закружилась голова, и заложило уши. Я знала, что некоторые волки любят такие места: здесь их сверхчувствительное восприятие на время отключается. И это дает им отдых. Но не мне. Я нервничаю, потому что не слышу, как ко мне подходят сзади.

Дядюшка Майк провел меня мимо женщины, взимающей входную плату, и та бросила на него удивленный взгляд, который он словно не заметил. Пригнувшись так, что чуть не касался моего уха губами, он сказал:

— Мне надо за стойку, но, пока ты здесь, я буду за тобой приглядывать.

Я открыла рот, собираясь его поблагодарить, но он приложил палец к моим губам, и я ничего не успела сказать.

— Не вздумай, девочка. Зи должен был научить тебя. Никогда не благодари малый народ, иначе не успеешь десять раз сказать «эманация», а уже будешь стирать носки иному и платить за его квартиру.

Он прав. Я сама это знала. И, может, даже вспомнила бы, прежде чем сказать что-то.

Тем не менее, я оценила его услугу.

Я приподняла брови и с притворной наивностью спросила:

— Но ведь ты не заставишь меня это делать?

Он одобрительно улыбнулся и махнул рукой.

— Иди ищи своего вампира, девочка. Мне надо принимать деньги.

Никто не цеплялся ко мне, но, пробираясь между столиками, я спиной все время чувствовала взгляды. Из-за тесноты было очень трудно не наткнуться на других, но я помнила предупреждение дядюшки Майка и все части тела держала при себе. Толпа настроена очень агрессивно. Слух ничего мне не давал, но носом я чуяла очень неприятные эмоции.

Вампиров я нашла по другую сторону танцпола. Марсилия была в белом платье по моде пятидесятых годов, которое заставляло вспомнить Мэрилин Монро, хотя у вампирши нет мягких округлостей актрисы. Даже в тусклом свете ее кожа на фоне белого платья казалась слишком бледной.

Кому-нибудь следовало сказать Марсии, что этот стиль ей не идет. Может, если я это сделаю, она меня отблагодарит?

Я тоже была на грани срыва.

Удивленная этой мыслью, я резко остановилась и медленно повернулась, но нигде не увидела Литтлтона. И не учуяла его. Тогда я снова двинулась к вампирше.

Марсилия привела с собой всего одного сопровождающего, и меня не удивило, что это Андре, друг и соперник Стефана. Пока я пробиралась сквозь толпу, у меня не было возможности обдумать, как разыграть свою партию. Марсилия знала, что я уже у нее на крючке; оставалось только решить, кто главный. Так как речь почти несомненно шла о моей шкуре, я хотела точно знать, что контролирую охоту. Я вытащила из-под футболки ожерелье, которое всегда ношу: пусть будет хорошо видна стилизованная овца.

Я не ношу крест. В детстве у меня был тяжелый опыт с крестом. К тому же крест — орудие казни Нашего Создателя. Не понимаю, почему люди считают, что орудие пытки может быть символом Христа. Христос принес себя в жертву добровольно; он агнец, и нам следует носить овечку; по крайней мере таково мое истолкование. Возможно, другие думают о религии и Боге по-другому.

Тем не менее, овечка сработала для меня не хуже креста, и Марсилия это помнила.

Подходя к столу, я улыбнулась, показывая зубы. Потом взяла оставленный для меня стул и развернула его так, чтобы сидеть, положив руки на спинку. В волчьей стае небольшое изменение позы может уберечь от синяков.

Не проявлю никакой слабости перед этими хищниками, сказала я себе. Здесь я не на их территории, и у них нет власти надо мной. Конечно, если не учитывать, насколько они сильнее — и опытнее в убийствах.

Я старалась об этом не думать. По крайней мере, шум мешает им услышать, что сердце у меня бьется, как у кролика в силках.

— Итак, — сказала я, — хотите, чтобы я за вас охотилась на вашего вампира?

Лицо Марсии было сама неподвижность, а вот Андре приподнял бровь.

— На самом деле охотится вампир, — сказал он.

Как и Марсилия, он был в белом. Естественный цвет кожи, хотя и светлой, потому что вампир никогда не выходит на солнце, был достаточно смуглым, чтобы белое хорошо на нем смотрелось. Шелковая рубашка, сшитая с намеками на восточный стиль, с белой вышивкой.

На нем она выглядит лучше, чем пиратский наряд.

— Гм-м. — Я еще раз улыбнулась Марсилиии. — Но я вам нужна, потому что я ходячая и считается, что мы умеем убивать вампиров. А этот колдун именно таков. Вампир.

Марсилиия улыбнулась в ответ. От этого ее лицо приобрело почти человеческое выражение. Она явно очень старалась.

Она поворачивала в пальцах почти пустой стакан, заставляя чернильно-черную жидкость вращаться. Не знаю, подает ли дядюшка Майк кровь в винных бокалах, но поскольку я чуяла только запах различного спиртного, то решила, что нет. Однако она сознательно устроила это шоу, чтобы я подумала, будто это кровь, и начала нервничать.

— Спасибо, что пришла на встречу, — сказала она наконец.

Я пожалала плечами чуть энергичнее, чем следовало.

— Я все равно отправилась бы за ним. — И только тут я поняла, что сказала правду. Но поскольку он вампир, ваше одобрение делает охоту... — я поискала слово, — более безопасной для нас обеих.

Я вела опасную игру. Если Марсилиия действительно решит, что я представляю угрозу для ее семьи, она меня убьет. Но если она не будет меня уважать, я тоже рискую расстаться с жизнью.

Она вздохнула и поставила стакан на столик.

— Ты выросла с волками, Мерседес, поэтому я понимаю необходимость игры в доминирование. Но двое моих пропали, и я опасаясь за них. Стефан был у меня из сильнейших, но возврат останков одного из его спутников говорит мне, что он потерпел поражение.

— «Останки» — слишком сильно сказано, — сказала я. — Уоррен не умер.

Она помолчала, только слегка постукивала по стакану. Я подумала, что повела себя не так, как она ожидала. Неужели надо было с готовностью принять ее помощь?

Наконец Марсилиия сказала:

— Я знаю: ты считаешь, что я допустила ошибку, послав Стефана одного. Были причины, по которым это воспринималось как наказание, но Стефан солдат. Получая приказ, он его исполнял. Он знал, что я в него верю, и знал, что у меня не было другого выбора — только послать его к этой твари.

В это я могла поверить.

— Марсилиия имеет в виду, что он мог попросить меня о помощи, — вмешался Андре. Моя вина, что он этого не сделал. Мы со Стефаном очень долго дружили. Но я допустил ошибку, и он рассердился на меня.

Он посмотрел на меня и на мгновение встретился со мной взглядом, но отвернулся, когда, я отвела глаза. Я подумала: что он стал бы делать, позволь я ему зачаровать меня? А он продолжал как, ни в чем не бывало:

— Когда Дэниэл был человеком, он принадлежал Стефану. Он оказался слабее, чем можно было думать, и умер, когда я кормился от него. Есть всего мгновение на то, чтобы сделать выбор, Мерседес Томпсон. Менее пяти ударов сердца. И я подумал, что частично искуплю свою вину, если верну его вампиром, а не оставлю навечно мертвым.

Марсилиия коснулась его руки, и я поняла, что речь Андре адресована не мне, а ей.

— Ты преподнес Дэниэлу дар, — сказала она. — Достойная компенсация за ошибку.

Андре склонил голову.

— Стефан так не думал. Я превратил Дэниэла в вампира, и это делало его моим. Стефан

решил, что я сделал это нарочно.

Вампиров очень трудно понять, но, по-моему, у Стефана было право так считать. В ночь суда над Стефаном Андре был очень рад чему-то, связанному со Стефаном и Дэниэлом.

— Не очень красиво с его стороны, — сказала Марсилия.

— Я бы его вернул, — сказал Андре. — Но я ждал, пока Стефан сам попросит.

Вот как. У вампиров тоже бывают глупые игры в доминирование.

Марсилия покачала головой.

— Может, и хорошо, что Стефан не взял тебя с собой. Я бы сейчас говорила с ходячей, а два моих лучших солдата были бы мертвы. — Она снова переключила внимание на меня. — Вот как я предлагаю облегчить твою задачу, Мерседес. Я отдам тебе свою левую руку, — она кивком указала на Андре, — Для защиты тыла. Ведь правой у меня сейчас нет. И сообщу тебе все, что знаю.

— В обмен на что? — спросила я, хотя и машинально. Она считает Стефана мертвым.

Она на мгновение закрыла глаза, потом уставилась на мой лоб. Вампирская вежливость, наверное. Я себя почувствовала так, словно у меня лоб испачкан.

Марсилия сказала:

— В обмен на то, что ты найдешь эту проклятую тварь. Он убил Стефана, и я должна предположить, что и другие посланные к нему вампиры будут убиты. Ты наша единственная надежда. Последняя.

— К тому же, — сухо добавила я, — если я потерплю поражение, вы ничего не теряете. Она ничего не ответила, да в этом и не было нужды. — Так объясни мне, как убить колдуна.

— Точно так же, как любого другого вампира, — сказала она.

— Почти все, что я знаю, из «Дракулы». Будем считать, что я ничего не знаю.

— Хорошо, — согласилась она. — Деревянный кол в сердце действует. И еще погружение в святую воду или прямой солнечный свет. Говорят, великие святые могут убивать нас одной своей верой, но я, несмотря на твою овечку, — она махнула рукой в сторону моего ожерелья, — не думаю, что веры для этого достаточно. Однако возьми овечку с собой, Мерседес, она действует не только на вампиров, но и на демонов.

— Почему вампиры так боятся ходячих? Что такого умеют ходячие?

И Марсилия, и Андре застыли. Я не думала, что получу ответ. Но Марсилия ответила. В своем роде.

— Первое ты уже знаешь, — сказала она. — Многие наши способности на тебя не действуют. Наша магия с тобой бесполезна.

— Но заклятие истины сработало, — возразила я.

— Кресло не вампирская магия, Мерседес, вернее, не целиком магия. Но я думаю, что ты трудная добыча для любой магии. Магия крови, как и многие древние вещи, обладает своей силой. Это очень древнее кресло.

— Я не хотела отвлекать тебя от темы, — вежливо попросила я вернуться к главному. Она чуть улыбнулась.

— Конечно. Не сомневаюсь. Еще ходячие умеют разговаривать с призраками.

Я замигала.

— И что?

Многие — даже внешне совершенно нормальные люди — могут разговаривать с призраками.

Она откинулась на спинку стула.

— Думаю, я ответила на твои вопросы. — Она бросила взгляд на Андре, и я поняла, что он ничего прояснить не станет. Думаю, тебе следует для начала узнать, куда в последнюю ночь отправился Стефан.

— Уоррен еще какое-то время не сможет говорить — напомнила я.

У него раздавлено горло. Сэмюэль считает, что излечение займет несколько дней.

— У Стефана была привычка разговаривать с его людьми, — сказала Марсилия. — Они напуганы. И со мной говорить не будут. Но, думаю, с тобой поговорят. Андре отвезет тебя к дому Стефана, и ты сможешь поговорить с его зверинцем.

И Марсилия исчезла. Наверно, закуталась в тень, как умеет малый народ, но я ее не чувала, вообще никак не воспринимала ее присутствие.

— Терпеть не могу, когда она так делает, — сказал Андре, отпивая из стакана. — Наверно, в основном из зависти. Стефан тоже так умел. Только он смог перенять от нее этот ее дар.

Я помолчала, думая о Марсилии. Этим вечером она старалась походить на человека; впрочем, удалось ей это не очень. Тем не менее, я решила, что она говорила преимущественно правду о том, чего хочет от меня и почему. Она уверена, что я могу найти колдуна: либо благодаря своей способности сопротивляться магии вампиров, либо благодаря умению разговаривать с призраками.

Конечно, я не все время вижу призраков.

Я большое отклонение. Я меняю облик, но не привязана к фазам луны. И превращаюсь в койота. Я не человек, не вервольф и не малый народ. Не хочется об этом думать, но, возможно, я гораздо старше, чем выгляжу.

Я подняла голову и увидела, что Андре терпеливо смотрит на меня. Я привыкла к вервольфам, и на мой взгляд, он не походил на одного из лучших солдат Марсилии. Плечи у него не широкие, тело не мускулистое. Возможно, она ему льстила, судя по его присутствию за этим столом, но я так не думала.

— Она умеет телепортироваться? — спросила я. Меня учили, что единственные существа, умеющие телепортироваться, — это блуждающие огоньки.

Он улыбнулся и пожал плечами.

— Не знаю, как это делается. Но это одна из причин, почему мы так уверены в гибели Стефана. Если он с нами, его так легко не задержать.

— Ты не кажешься расстроенным, сказала я.

Мне не хотелось думать о Стефане как о мертвом. То есть об окончательно мертвом.

Он пожал плечами. Это могло означать что угодно.

— Я считаю, что Стефан погиб, Мерседес Томпсон. И белое я надел в знак траура по нему. Как и Марсилия. Но я ничего не могу сделать в связи с его смертью, только искать убийцу. — Он замолчал и очень осторожно поставил стакан. — Мы недостаточно знаем друг друга, чтобы я плакал у тебя на плече.

Тень гнева в его голосе подняла его в моем мнении.

— Хорошо, — сказала я. — В таком случае объясни, как найти дом Стефана.

Мы уже были на полпути к выходу, когда толпа перестала расступаться перед нами. Андре реагировал быстрее меня. Он остановился, а я все еще пыталась миновать особенно громоздкую женщину, вставшую у меня на пути.

— Подождите-ка, утята, — сказала она таким низким голосом, что меня пронизала дрожь. — Чую человека в трактире малого народа.

Музыка прекратилась, прекратились разговоры, наступила тишина.

Только тут я сообразила, что речь обо мне, хотя обращалась она ко всем присутствующим. Мне пришло в голову несколько глупых и несколько остроумных замечаний о ее обонянии. Я ведь вообще не человек — не в том смысле, какой она подразумевает. Но любые замечания будут глупыми, потому что только глупец начинает подпрыгивать и кричать, стоя на улье.

Иногда, если волк совершит тяжелое преступление, вся стая участвует в наказании, разрывая провинившегося на куски. Но прежде наступает мгновение гнетущей тишины, когда стая окружает преступника. Потом кто-то из волков делает первое движение, и вспыхивает безумная ярость. В этой толпе возникало такое же ощущение: как будто собравшиеся ждали сигнала.

— Дядюшка Майк разрешил мне быть здесь, — негромко сказала я, не бросая вызов. Я не знала, к какому виду малого народа относится эта дама и что делать, чтобы избежать стычки.

Она открыла рот, явно не умиротворенная, и тут кто-то закричал:

— Штраф!

Мне показалось, что крик донесся со стороны стойки, но его тут же подхватило множество голосов. Когда они стихли, женщина, стоящая передо мной, оглянулась и спросила, ни к кому в частности не обращаясь:

— Какой будет штраф, утята?

Штраф, подумала я. Какой-нибудь дар? Или жертва?

Сквозь толпу протиснулся дядюшка Майк и остановился передо мной. Лицо у него было задумчивое. О его влиянии говорило то, что все ждали его решения.

— Музыка, — сказал он наконец. — Гостя в ответ на наше гостеприимство принесет нам в дар музыку.

Дядюшка Майк отступил, а крупная женщина расчистила в толпе проход, и я увидела небольшую сцену, на которой по-прежнему стояли три музыканта. Две гитары и контрабас. Не знаю, откуда доносилось буханье барабана: никакого барабана не было видно.

Один из гитаристов улыбнулся, соскочил со сцены и знаком предложил остальным сделать то же. Сцену оставили для меня.

Я посмотрела на дядюшку Майка и пошла к сцене. Андре, я заметила, растворился в толпе. Вампира не тронут. Не тронули бы и вервольфа. Но я не вампир и не вервольф — легкая добыча.

Я задумалась, помешал бы дядюшка Майк толпе разорвать меня или нет. Ведь он понимает, что волки станут мстить. Хотя что мне проку в их мести? Помощь дядюшки Майка была бы гораздо полезней.

Когда я поднялась на сцену, один из гитаристов театральным жестом протянул мне свой инструмент.

— Ценю доверие, — осторожно сказала я, — но играть не умею.

Я играю только на пианино, да и то очень плохо. И мне повезло, что уроки музыки включали и занятия пением.

Я поискала вдохновения. Напрашивающимся выбором была бы кельтская песня, но я отбросила эту мысль, едва только она пришла мне в голову. У народных песен десятки вариантов, и десятки любителей станут утверждать, что именно их вариант самый верный. Петь кельтскую песню среди малого народа кельтского происхождения, когда собравшиеся

ищут повод убить меня, просто глупо.

Здесь есть также несколько германских иных, и они не так щепетильны относительно своей музыки, но единственная немецкая песня, которую я знала, была «О Tannenbaum» детская рождественская песенка, которая вряд ли произведет впечатление, да и голос у меня не из сильных. Я могу петь громко, но подлинного таланта у меня нет.

А выбор песни очень важен. Мы ведем игру, и, если я начну выигрывать, даже дядюшка Майк не спасет мою шкуру. Лучше всего легкое оскорбление. Не удар по лицу, а толчок в бок.

К тому же нужна мощная песня, потому что голос у меня не красивый и не мягкий. Что-то такое, что неплохо звучит а капелла. Несмотря на работающие кондиционеры, в трактире было жарко и душно, и мои мысли начали путаться. Конечно, возможно, это просто страх.

Жаль, сейчас не зима — воздух был бы холодный и свежий. Может, поэтому, а может, из-за воспоминания о «Елочке», но я поняла, что именно буду петь. И почувствовала, как изгибаются мои губы.

Я сделала глубокий вдох, напрягла диафрагму и запела:

— О святая ночь, звезды ярко сияют^[36].

В жаркую июльскую ночь в трактире, битком набитом малым народом, изгнанным с родины христианами и их мечами из холодного железа, я пела христианский гимн.

Я слышала, как поют этот гимн — негромко, и в воздухе словно сгущается магия ранних христиан. Хотела бы я петь так же. Но я пела громко: так мой голос звучит лучше.

Закрыв глаза, я позволила простой вере этих слов проникнуть в меня, окружить, словно волшебством. «Преклоните колена». Тут я открыла глаза, посмотрела на женщину, которая все это затеяла, и остальное пела только для нее.

Когда стихла последняя нота, женщина запрокинула голову и рассмеялась. Повернувшись к дядюшке Майку, она потрепала его по плечу, так что он отлетел на полшага.

— Отличный штраф, — сказала она. Повернулась и сквозь толпу направилась в угол.

Если я надеялась на аплодисменты, меня ждало разочарование. Все разошлись и занялись своими делами, тем, что делали, пока я не оказалась в центре их внимания. Тем не менее, это все-таки не хуже, чем петь «Ночь пятницы»^[37] в Осиновом Ручье в присутствии Брана.

Когда мы менялись местами, один из музыкантов, тот самый, что предлагал мне гитару, улыбнулся.

— Чуть недотягиваешь на высоких нотах, — сказал он. — Но неплохо.

Я тоже улыбнулась в ответ, чуть печально.

— Крутая аудитория, верно?

— Ну, тебя ведь не съели, утенок, — ответил он, подражая женщине.

Я помахала ему и направилась к выходу. Андре я не видела. Но у двери меня ждал дядюшка Майк и открыл ее для меня.

Стоя на пороге, я придержала дверь и посмотрела на него.

— Откуда ты знал, что я умею петь?

Он улыбнулся.

— Тебя ведь вырастил валлиец, Мерседес Томпсон. Разве Томпсон не валлийская фамилия? К тому же койотов называют певцами прерий. — Он пожал плечами. — Конечно, на кону стояла не моя жизнь.

Я фыркнула.

Он коснулся пальцем лба и закрыл за мной дверь.

Глава девятая

Андре ждал на стоянке у одного из черных мерседесов семьи, готовый везти меня к дому Стефана. Как будто я спятила и сяду в машину с малознакомым вампиром!

Вопреки возражениям Андре я поехала за ним на своей машине. Так безопаснее, а кроме того я смогу сразу от Стефана ехать домой; иначе Андре пришлось бы везти меня к дядюшке Майку.

Конечно, отчасти он был прав: по дороге можно поговорить и выработать план действия. Если бы я доверяла ему чуть больше, и если бы завтра мне не нужно было на работу. Счета не будут ждать из-за того, что мой друг разрезан на гамбургеры, а госпожа вампиров хочет, чтобы я нашла колдуна, убившего около полусотни человек.

Я крепче взялась за руль, стараясь не смотреть на приборную доску, по которой Стефан, всегда спокойный, невозмутимый Стефан, ударил кулаком. Что его так рассердило? То, что колдун его побил?

Что сказал Стефан? Он понял — с его памятью что-то неладно, потому что он не помнил меня. Как будто я для него не важна.

Стефан вампир, напомнила я себе. А вампиры — это зло.

Я протянула руку и коснулась вмятины. Он сделал это, потому что меня обидели, подумала я.

А он для меня важен? Я не хочу, чтобы он уходил навсегда.

Дом Стефана стоял на холмах Кенневика, в новом микрорайоне к западу от 395 автострады. Большой кирпичный дом хаотической планировки, с большим кольцом подъездной дороги. В таких домах вырастают целые поколения детей. В окружении домов с фальшивыми колоннами, с окнами высотой в два этажа, он должен был выглядеть неуместно. Но на самом деле казался довольным собой. Я легко могла представить себе Стефана в таком доме.

— Лучше постучись, — сказал Андре, когда я вышла из машины. — Меня они сегодня уже не впустили и не без причины. Стефан мог простить мне Дэниэла, но его стадо помнит.

В его голосе звучало легкое сожаление, как у ребенка, разбившего мячом окно.

Несмотря на поздний час, во всех окнах горел свет. Когда я подумала над этим, то решила, что вполне естественно, если люди вампира подолгу не ложатся спать.

Когда Марсилия направила нас сюда, мне это показалось логичным шагом. Но я не подумала, что это значит.

Я помешкала, прежде чем постучать. Мне не хотелось встречаться с людьми Стефана, не хотелось думать, что он держит их, как фермер — стадо овец. Стефан мне нравился, и я хотела, чтобы так и оставалось.

Занавеска на окне рядом с дверью чуть дрогнула. Они уже знают, что мы здесь.

Я позвонила.

За дверью послышался шум, как будто там собралось много людей, но, когда дверь открылась, на пороге стоял только один человек.

Женщина выглядела на несколько лет старше меня — лет тридцати пяти. Темные кудрявые волосы до плеч. Строгая сшитая на заказ блузка и слаксы; с виду — деловая дама.

Она могла бы показаться привлекательной, если бы не распухшие красные глаза и нос и слишком бледная кожа. Она, Молча приглашая, сделала шаг в сторону. Я вошла, но Андре

резко остановился на пороге.

— Ты должна пригласить меня снова, Наоми, — сказал он.

Она ответила дрожащим голосом:

— Нет. Пока он не вернется. — Потом посмотрела на меня и спросила: — Кто вы и что вам нужно?

— Меня зовут Мерседес Томпсон, — ответила я. — Я пытаюсь выяснить, что случилось со Стефаном.

Она снова кивнула и, ни слова не сказав Андре, закрыла дверь.

— Мерседес Томпсон, — сказала она. — Стефану вы нравились, я знаю. Вы вступились за него перед другими вампирами, а когда сочли, что у него неприятности, позвонили нам. — Она посмотрела на дверь. — Стефан отменил для Андре допуск в дом, но я не была уверена, что это сработает теперь, в его отсутствие. — Она снова повернулась ко мне и с видимым усилием сосредоточилась. Когда она не боится, то выглядит привлекательнее. — Чем могу помочь, мисс Томпсон?

— Не похоже, чтобы вы стремились помочь.

Конечно, можно и более вежливо обращаться к тем, кто кормит своей кровью вампиров, но я не знаю как.

— А чего вы ожидали? — едко спросила она. — Бледных детей, покрытых татуировками и следами укусов?

— М-м-м, — сказала я. — Я видела Дэниэла.

Ее выразительные глаза затуманились.

— А, Дэниэл. У нас есть еще несколько таких же. Так что стереотип присутствует, но распространяется далеко не на всех. Идите в стаю другого вампира, там вы скорее увидите то, чего ожидали. Стефан совсем не типичен. — Она глубоко вздохнула. — Пройдем на кухню, я налью вам чаю, и вы сможете задавать вопросы.

В доме, кроме Стефана, жило не меньше десяти человек: я чуяла их. Они не показывались, когда Наоми вела меня на кухню, но я слышала поблизости шепот. Я вежливо не стала заглядывать в комнату, откуда он доносился.

Посредине кухни стоял большой стол, который не вошел бы ни в одну из комнат моего трейлера. Наоми пододвинула высокий стул и села, знаком предложив мне последовать ее примеру. Когда она садилась, ее волосы обнажили безупречную кожу шеи.

Она заметила мой взгляд и отвела волосы назад, чтобы я увидела: никаких красных следов нет.

— Довольны? — спросила она.

Я перевела дух. Она хочет, чтобы я чувствовала себя неловко, но волна адреналина, накрывшая меня в трактире дядюшки Майка, давно схлынула, и я чувствовала только усталость.

Я тоже откинула волосы и показала следы укуса на шее. Они почти зажили, поэтому я сбросила повязку, но кожа еще была красной и блестящей. Вероятно, останется шрам.

Она со свистом втянула воздух и наклонилась к моей шее.

— Это сделал не Стефан, — сказала она, но с меньшей убежденностью в голосе, чем раньше.

— Почему вы так сказали? — спросила я.

— Вас кто-то погрыз, — ответила она. — Стефан более осторожен.

Я кивнула.

— Это сделала тварь, на которую охотился Стефан.

Она расслабилась.

— Точно. Он говорил, что она напала на вас.

Стефан ей говорил. Обнадеживающий Знак.

— Да. — Я пододвинула второй стул и забралась на него. — Вы знаете, куда Стефан пошел вчера ночью?

Она покачала головой.

— Я спрашивала. Он не захотел сказать. Объяснил, что не хочет, чтобы мы искали его, если он не вернется.

— Он беспокоился о вас?

— Да, но не так, как вы думаете, — сказал у меня за спиной новый голос.

Я оглянулась и увидела молодую женщину в мешковатой одежде и с длинными прямыми волосами. Не глядя на нас, она приоткрыла холодильник и изучала его содержимое.

— Как это? — спросила я.

Она подняла голову и посмотрела на Наоми.

— Он боялся, что, пытаясь спасти его, она погубит всех пас. Понимаете, если умрет он, умрет и она. Не сразу, но скоро.

— Я тревожусь не поэтому, — солгала Наоми. Это я поняла по ее голосу.

— Понимаете, у профессора лейкемия. — Девушка помоложе достала пакет с молоком и отпила. — Пока она выступает в роли банка крови, обратные донации Стефана сдерживают ее болезнь. Если он погибнет, она... — Девушка коротко задохнулась и с довольным выражением снова посмотрела на Наоми. — За это она стала вести дела Стефана, платить его долги, выплачивать налоги, делать покупки в магазинах. Эй, Наоми, у нас сыр кончился.

Она поставила пакет на место и закрыла холодильник.

Наоми слезла со стула и повернулась лицом к девушке.

— Если он мертв, кончилась твоя свобода. Придется тебе вернуться к матери и ее новому мужу. Если госпожа не возьмет тебя и не отдаст другому вампиру. Может, тебя захочет Андре.

Девушка-подросток смотрела на нее холодным насмешливым взглядом. Наоми повернулась ко мне и сказала:

— Она знает не больше меня.

Еще раз сердито посмотрела на девушку и удалилась. Девушка явно вышла победительницей из столкновения. Я подумала, что из нее бы получился хороший волк.

— Меня зовут Мерседес Томпсон, — сказала я, поворачиваясь так, чтобы небрежно облокотиться на стол. — Я ищу Стефана.

Она оглянулась, как будто тоже его искала.

— Да, его здесь нет.

Я кивнула и поджала губы.

— Знаю. Один из волков, с которым он был, вернулся еле живой.

Она задрала подбородок.

— Стефан говорил, что ты не вервольф.

— Это верно, — подтвердила я.

— Всякий, кто способен одолеть Стефана, стариной Андре, — она кивнула в сторону

двери, — просто пол вытрет. Почему ты считаешь, что сможешь с ним справиться?

— Так считает Марсилия.

Я видела, какое впечатление произвело это имя на нее. На мгновение даже сквозь густую волну темных волос, закрывавших ее лицо, я заметила страх. Страх поднимался из самой глубины дома. Все здесь очень боятся. От дома просто разит страхом.

— Если Стефан не вернется, — проговорила она очень тихо и каким-то постаревшим голосом, — мы все умрем, не только доктор Тайтбричс. Рано или поздно умрем все. Госпожа не станет нас освобождать — чтобы не болтали. Она раздаст нас другим вампирам, поместит в их зверинцы. А другие вампиры не так деликатны со своей пищей, как Стефан. Когда они голодны, они забывают о всякой сдержанности.

Я не знала, что сказать такого, что не прозвучало бы банально, поэтому ухватила за одну из нитей ее речи и принялась разматывать.

— Стефан держит вас живыми дольше, чем другие?

— Он не убивает никого из своего зверинца, — сказала она. Я вспомнила, что Лондонский зоосад когда-то называли зверинцем. Девушка с деланной небрежностью пожала плечами. — Ну, почти никого. Когда он берет нас, мы остаемся у него пару лет, а потом получаем свободу. Кроме Наоми, конечно, но это особый случай.

— А почему пару лет? — спросила я.

Она бросила на меня взгляд, говоривший «ну и дура!».

— Столько ему требуется, чтобы установить достаточно глубокую связь. Только тогда он уверен, что мы никому не расскажем о вампирах.

— А ты сколько была со Стефаном?

— В этом августе исполнится пять лет, — сказала она, хотя ей не могло быть больше двадцати. Я постаралась скрыть потрясение, но не слишком удачно, потому что она насмешливо посмотрела на меня и сказала:

— Двенадцать. Мне было двенадцать. Должна сказать, что Стефан был огромным шагом вперед по сравнению с моими родителями.

Вампиры — это зло. Странно, как я стараюсь забыть об этом, когда думаю о Стефане.

— Ты, вероятно, знаешь о вампирах гораздо больше меня, — сменила я тему, пытаюсь разузнать побольше. — Я выросла с вервольфами, и хотя мы со Стефаном знакомы давно, говорим преимущественно о машинах. Не возражаешь, если я задам несколько вопросов?

— Что ты хочешь знать?

— Что ты знаешь о твари, на которую он охотился?

— Он с нами не разговаривал, — ответила она. — Но часто беседовал с Дэниэлом. Он сказал, что это демон-колдун.

Я кивнула.

— Похоже на правду. Очевидно, если я смогу убить вампира, демон уйдет. И демона-колдуна больше не будет. Марсилия объяснила мне, как убить вампира.

Я замолчала — пусть обдумает услышанное. Она была умна, и ей не потребовалось много времени, чтобы прийти к тому же заключению, что и я.

— Вот это да! Все равно страшно, даже когда у тебя госпожа в разведчиках. Конечно, я расскажу тебе все, что ты хочешь узнать. — Она смирила меня взглядом. Мои слова произвели на нее большое впечатление. — Она правда считает, что ты сможешь убить эту тварь?

Я хотела кивнуть, но воздержалась.

— Понятия не имею, что думает Марсилия. — Дядюшка Майкл не считал глупым мое намерение сразиться с колдуном. Но могу ли я верить малому народу больше, чем вампирам? Я пожала плечами и сказала правду: — На самом деле мне все равно. Либо убью колдуна, либо умру, стараясь это сделать.

— А что она тебе сказала?

— Что убить вампира можно колом в сердце, святой водой или солнечным светом.

Девушка привалилась бедром к холодильнику и покачала головой.

— Послушай. Деревянный кол работает, но лучше, если это дуб, ясень или тис. И все равно потом нужно отрезать голову, а не то он воскреснет. Помни: мертвый вампир — это пепел. Если тело сохранится, он оживет и придет к тебе. Очень сердитый. Отрезать голову хорошо, но трудно. Он ведь не станет ждать, пока ты притащишь бензопилу. Свет солнца — тоже хорошо. А вот если вместе — кол и солнце — вот тут ты бьешь парня прямо по яйцам.

Я покачала головой, завороченная.

— Они все об этом знают. И никогда не рискуют, если удастся. А если ты оплошаешь, пиши пропало. Святая вода не подходит. Нужен целый бассейн святой воды, чтобы убить одного вампира.

— Так как же лучше всего убить вампира навсегда?

Она поджала губы.

— Лучше всего огонь. Стефан говорит, что вампиры хорошо горят, если поджечь.

— Стефан так тебе сказал?

Я попыталась представить себе этот разговор.

Она кивнула.

— Конечно. — Она оценивающе посмотрела на меня. — Послушай, я не знаю, куда он пошел, но он все время прислушивался к новостям и читал газеты. У него была карта Тройного города, и он отмечал на ней места насилия. Вчера он был сильно взбудоражен, что-то заметил в этой схеме.

— Карта есть? — спросила я.

— Нет. Он взял ее с собой. И никому из нас не показывал.

Я сползла со стула.

— Спасибо...

— Рейчел.

— Спасибо, Рейчел.

Она кивнула и снова открыла холодильник, забыв обо мне. Я медленно пошла к выходу. Больше никто не появился, и я вышла из дома.

Андре ждал меня, сидя на капоте своей машины. Он спрыгнул и спросил:

— Они что-нибудь знают?

Я пожала плечами.

— Они не знают, где он был, но я узнала, как он принял решение, где искать. Может, это пригодится.

Я посмотрела на Андре и подумала, нарочно ли Марсилия не сказала, что вампира, которого пробили колом, нужно обезглавить. Долго думать не пришлось: конечно, нарочно.

— Как бы ты убил Литтлтона? — спросила я.

— Огнем, — сразу ответил он. Это самый легкий способ. Кол действует, но потом приходится отрубать голову.

Ничего это не значит. По моим вопросам он наверняка догадался, что я расспрашивала

людей Стефана.

— Марсилия говорила другое.

Он слегка улыбнулся.

— Если ты пробьешь его колом, она сможет прибрать парня к рукам. Вампиров мало, Мерси, и на то, чтобы произвести хоть одного, требуется уйма времени. Если бы Дэниэл не принадлежал Стефану так долго, он бы умер безвозвратно. Марсилия не хочет терять вампиров, особенно вампира, в чьем распоряжении сила демона. Если он будет тяжело ранен, найдутся способы вернуть его к жизни под контролем более сильного вампира вроде Марсилии. Тогда ее положение станет непоколебимым.

— Значит, ты намерен его захватить?

Андре покачал головой.

— Я хочу убить этого ублюдка. Чтобы он умер навсегда.

— Почему?

— Я тебе говорил: мы со Стефаном очень много лет дружили. — Он повернул голову, так что фонарь у двери осветил его лицо. — У нас были разногласия, но это как семейные ссоры. Я знаю: в последний раз Стефан рассердился очень сильно, но это прошло бы. А из-за этого колдуна я навсегда лишился возможности помириться с ним.

— Ты так уверен, что Стефан умер?

Стефанов микроавтобус-«фольксваген» стоял у гаража, прикрытый брезентом, чтобы скрывать необычную раскраску. Какой вампир будет ездить на старом микроавтобусе, раскрашенном как «Таинственная машина»? На прошлое Рождество я купила Стефану в подарок Скуби-Ду в натуральную величину, чтобы сидел рядом с нам на пассажирском сиденье.

Должно быть, Андре по моему голосу понял, какой ответ я хочу услышать, потому что медленно покачал головой.

— Мерседес, трудно держать в плену человека. И почти невозможно удержать вампира. У Стефана свои методы. Вряд ли его можно держать в заточении. Но он не вернулся домой. Да, я думаю, он умер. И сделаю все, чтобы этот Литтлтон последовал за ним.

Они говорят слишком убедительно — он и Адам. Я должна поверить, что Стефан умер. И Бен, и молодой вампир, которого я видела всего раз, — тоже. Если не хочу перед ним расплакаться, нужно побыстрее убираться.

Я посмотрела на часы.

— Мне вставать через три часа.

Если бы я знала, сколько времени уйдет на поиски колдуна, попросила бы Зи заменить меня в мастерской. Но делать это чаще нескольких раз в месяц я не могу, иначе не заплачу за еду и аренду.

— Иди домой и ложись. — Он достал тонкий кожаный бумажник и извлек оттуда карточку. — Здесь мой сотовый номер. Позвони завтра в сумерках, и мы обсудим, что делать дальше.

Я сунула карточку в карман брюк. Мы стояли у моей машины, поэтому я открыла дверцу и уже садилась, когда мне пришел в голову еще один вопрос.

— Стефан сказал, что Литтлтон стал вампиром недавно. Означает ли это, что его контролирует другой вампир?

Андре наклонил голову.

— Новый вампир находится под контролем своего создателя. — Он с горечью

улыбнулся. — Это не добровольная служба. Нам всем приходится повиноваться создателю.

— Даже тебе?

Он коротко поклонился.

— Даже мне. Но когда мы становимся старше и сильнее, контроль ослабевает. Или умирает наш создатель.

— Значит, Литтлтон повинуется другому вампиру?

— Если вампир, создавший его, не умер, он обязан ему повиноваться.

— А кто создатель Стефана?

— Марсилия. Но Стефану никогда не приходилось быть рабом, как всем нам остальным. — В его голосе звучала зависть. — Стефан никогда не был рабом. Редкий случай — таких вампиров сразу уничтожают. Любой другой вампир убил бы Стефана, едва выяснил бы, что не властен над ним, но Марсилия была влюблена. А он поклялся повиноваться ей и, насколько мне известно, ни разу не нарушил клятву.

Андре взглянул на ночное небо. И вдруг резко захлопнул мою дверцу.

— Иди домой, выпишись, пока можно.

— Тебя тоже создала Марсилия?

— Да.

Черт побери, как глупо. Я ничего не знаю о вампирах, но собираюсь уничтожить того, кто справился с двумя вампирами и двумя вервольфами. Можно прямо здесь прострелить себе голову. Сберегу время и силы.

— Спокойной ночи, Андре, — и я поехала по подъездной дороге Стефана.

Я так устала, что уснула, едва коснувшись головой подушки. Мне снился несчастный зверинец Стефана, обреченный, если верить Рейчел, из-за его смерти. Мне снился и Стефан. Он вел свой микроавтобус, а рядом с ним сидел Скуби-Ду. Стефан пытался мне что-то сказать, но было шумно, и я ничего не разобрала.

Я сунула голову под подушку, но шум продолжался. Это не мой будильник. Можно снова уснуть. Я так устала, что даже сон о мертвецах предпочтительнее пробуждения. Ведь когда я бодрствую, Стефан так же мертв, как и когда я сплю.

Шум не очень громкий. Будь он более монотонным, думаю, я бы могла о нем забыть.

З-з-з, з-з-з, з-з-з.

Шум шел от окна у моей кровати. Похоже на розовый куст, который рос за окном маминого дома в Портленде. Иногда ночью куст ветвями задевал стены дома, и это меня пугало. Но мне уже не шестнадцать лет. Никто, кроме меня, не выйдет и не устранил его, чтобы я могла спать дальше.

Я плотнее прижала подушку к ушам. Но звук не ослабевал. Тогда я подумала: Стефан?

Я мгновенно проснулась. Бросила подушку на пол, быстро села и прижалась лицом к окну.

Снаружи к стеклу прильнуло чье-то лицо. И это был не Стефан.

Сквозь стекло на меня смотрели сверкающие радужные глаза — всего в шести дюймах от моих. Я крикнула: «Сэмюэль!» и шарахнулась с кровати подальше от окна. И только припав к полу посреди комнаты и дрожа всем телом, вспомнила, что Сэмюэль еще у Адама.

Лицо не шевелилось. Оно было так сильно прижато к стеклу, что нос и губы расплющились, но я без труда узнала Литтлтона. Он лизнул стекло, наклонил голову и издал тот звук, который меня разбудил. А когда провел когтем по стеклу, осталась белая царапина.

Теперь я увидела, что на стекле много таких царапин. Он здесь давно и смотрел, как я

сплю. У меня мурашки пошли по коже. К тому же я поняла, что если он не очень-очень высок, то сейчас просто висит в воздухе.

Все мое оружие заперто в дурацком сейфе. Я не успею добраться до него раньше, чем Литтлтон разобьет окно. Да я и не была уверена, что мое оружие подействует на вампира.

Мне понадобилось довольно много времени, чтобы вспомнить: он не может войти в мой дом без приглашения. Почему-то, когда он смотрел на меня через тонкое стекло, это убеждение меня несколько не успокаивало.

Он вдруг отпрянул от стекла и исчез из виду. Я слушала, но ничего не могла услышать. Немного погодя я решила, что он ушел.

В кровати сегодня спать не смогу, разве что отодвину ее от окна. Голова у меня гудела от недосыпа, я пошла в ванную, отыскала аспирин и проглотила.

Посмотрела на свое отражение в зеркале: в темноте я казалась бледной и бесцветной.

— Что ж, — сказала я, — теперь ты знаешь, где он. Почему же не идешь по его следу?

Я насмешливо усмехнулась себе в лицо, но в темноте впечатление пропадало, поэтому я включила свет.

Он не зажегся.

Я щелкнула еще дважды. «Дурацкий трейлер». Иногда выключатели срабатывают сами. При случае придется сменить проводку.

Пробки — в другой половине трейлера, в гостиной у большого окна. Еще одна коробка, поменьше, в кухне. Эта вообще без крышки.

— Бесстрашный вампир охотится за моей ноющей задницей, — сказала я, зная, что слишком напугана, чтобы без оружия отправиться менять предохранители. Осторожно выйдя из ванной, я прошла к сейфу. Пистолетам я предпочла ружье «Марлин 444», которое зарядила серебряными пулями. Впрочем, не знаю, причинит ли серебро вампиру больше вреда, чем обычный свинец. Но уж не меньше, конечно.

Во всяком случае «Марлин» придаст мне достаточно уверенности, чтобы я могла лечь спать.

Я нетерпеливо зарядила ружье патронами длиной в палец. Эти патроны способны остановить слона. Хотелось думать, что и вампиру придется присесть и призадуматься.

Я понимала, что зажигать свет в спальне нельзя. Если Литтлтон еще здесь, я его не увижу, но сама буду отчетливо видна. И если Литтлтон, вампир и колдун, прихватил с собой пистолет, — стану отличной мишенью. Впрочем, это маловероятно: ведь я помню, как он медленно убивал ту бедную женщину. Я не так уж страшна для него, чтобы он отказался от удовольствия.

Однако я повернула соседний со спальней выключатель. Ничего не произошло. Это разные линии, они не могут не работать одновременно. Неужели Литтлтон отключил в трейлере электричество?

Я все еще смотрела на выключатель, когда кто-то прокричал имя Сэмюэля. Нет, кричал не кто-то — кричала я. Только я не кричала. Я сунула патрон в «Марлин» и попыталась успокоиться. Помогала знакомая тяжесть в руках и сознание того, что Литтлтон не может войти.

— Волчонок, волчонок, позволь мне войти.

Шепот заполнил комнату, и я не могла сказать, откуда он исходит.

Глубоко дыша через нос, чтобы не поддаваться панике, я подошла к кровати и выглянула в окно, но ничего не увидела.

— Да, Мерси? — На этот раз голос Сэмюэля. Легкий и игривый. — Милая Мерси Выходи, поиграем, Мерседес Томпсон.

Это голос Сэмюэля. Когда эта тварь могла подслушать, как говорит Сэмюэль?

На стене моего трейлера, рядом с окном, что-то загрохотало. Это был лязг сгибаемого металла. Я отскочила и подняла ружье, дожидаясь, когда мимо окна промелькнет тень.

— Волчонок, волчонок, выходи, где бы ты ни прятался.

На этот раз голос Уоррена. И вдруг он закричал, заревел от страшной, невыносимой боли.

Я не сомневалась, что эти звуки издавал действительно Уоррен, только надеялась, что он делает это не сейчас, у моего трейлера. Я надеялась, что он в безопасности в доме Адама.

Хорошо, что колдун начал с моего голоса. Если бы я поверила, что за стенами моего трейлера Уоррен, я не смогла бы оставаться внутри, в безопасности. Может быть.

Наконец крики Уоррена стихли, но Литтлтон еще не закончил со мной. Он простучал стену до самого конца трейлера. Здесь тоже было окно, но я ничего не видела. Хотя судя по звукам он снова царапал стекло.

Он не может войти, молча напомнила я себе. И все равно вздрогнула, когда металлическая обшивка моего дома закрипела и трейлер слегка покачнулся. Потом ненадолго наступила тишина.

Литтлтон возобновил постукивание, хотя сейчас оно скорее напоминало грохот и звон. Каждый раз как он ударял в стену, и мой дом и я вздрагивали. Он обошел трейлер сзади. Звуки несколько изменились: он ударил в стену ванной. Одна плитка в душевой отлетела и разбилась.

Я держала «Марлин» направленным в его сторону, но сняла палец со спускового крючка. Я не видела, куда стреляю, а соседские дома — в зоне поражения моего «Марлина». Даже если я никого не убью, стрельба из ружья привлечет внимание. А у моих славных соседей не будет ни единого шанса против вампира, особенно такого.

А что с моими другими, более серьезными соседями? Я слегка удивилась, что поднятый Литтлтоном шум до сих пор не привлек их. Но дом Адама хорошо изолирован. Они могли не слышать голос Литтлтона, а вот выстрел из ружья заставит их тут же прибежать.

Но, по словам дядюшки Майка, вервольфы и колдуны — очень плохое сочетание. Я ему верила и поэтому не стала звать на помощь. Я начинала думать, что Литтлтон все-таки не войдет. Он может меня испугать, но войти и причинить мне вред не может.

Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не ворвется в эту дверь,
В эту дверь, в эту дверь! —

пропела я.

Он снова ударил в стену, и я вздрогнула. Прошли секунды, минута, потом вторая, но ничего не происходило.

Ни криков, ни ударов, ни скрежета. И как я объясню все это своей страховой компании?

— Да, мэм, — принялась репетировать я. — Королева вампиров попросила меня поохотиться на вампира и колдуна в одном флаконе. Он как-то об этом узнал, рассердился и содрал обшивку с моего дома.

Я сидела посреди комнаты на полу, держа в руках ружье.

— Наверно, придется чинить самой. Интересно, сколько стоит обшивка. И что еще у меня повреждено?

Я не помнила, впустила ли Медею, когда ложилась. Обычно я это делаю, но ведь я так устала. Как только наберусь смелости, пойду и проверю, спит ли Медея в комнате Сэмюэля, как обычно. И смогу позвонить Адаму. Но...

Мои плечи затекли от напряжения, я наклонила голову и потянулась. Неожиданно пол под ковром со страшным грохотом вспучился. Я вскочила на ноги и выстрелила в пол, пока он еще дрожал. Я, может, не сверхсилачка, зато шустрая. Я выстрелила еще два раза в стремительной последовательности. И стала ждать, глядя на отверстия в полу и пятна пороха на желтом берберском ковре.

В одном из отверстий что-то шевельнулось, и я отпрыгнула, стреляя в несколько маленьких предметов, которые протискивались сквозь дыры — они были для этого великоваты. Немного позже я услышала, как на моей подъездной дороге хлопнула дверца, и заработал немецкий двигатель — в таком же БМВ, на каком приезжал в отель Литтлтон. Он не торопясь отъехал, просто еще один водитель на дороге, а я смотрела на четыре помятые, окровавленные серебряные пули, которые вампир мне вернул.

Когда зазвенел будильник, я сидела на полу в спальне и на коленях у меня мурлыкала Медея. Ну почему героиням приключенческих фильмов, никогда не приходится вставать и идти на работу?

Мне потребовался час, чтобы уговорить соседей разойтись по домам. Я сказала им, что ущерб причинен каким-нибудь рассерженным клиентом — ну или одной из местных банд. Да, я стреляла, чтобы отпугнуть их, но едва ли я кого-нибудь ранила. Возможно, они полагали, что никого нет дома. Конечно; я позвоню в полицию; сейчас вызывать полицейских уже поздно, Позвоню утром. Обязательно.

Я так и так собиралась поговорить с Тони, хотя сомневалась, скажу ли ему что-нибудь о нападении Литтлтона. В данном случае полиция бессильна.

Можно позвонить Зи и попросить заменить меня — только на сегодня, да ведь я все равно не усну. Нет, поберегу Зи на другой день. Я выключила звонок, сбросила протестующую Медею с колен и оделась, чтобы при свете утра взглянуть на ущерб, причиненный Литтлтоном моему трейлеру.

Ущерб был существеннее, чем казалось ночью. Литтлтон не только сорвал обшивку, он от крыши до земли разрезал ее на узкие полосы. Я также получила ответ на вопрос, как он пробрался под трейлер. В фундаменте из шлака была проломлена дыра, в которую легко мог пролезть человек.

Мой трейлер 1978 года, модель четырнадцать на, семьдесят футов, и его лучшие дни давно прошли. Конечно, не выставочный экспонат, но когда я вчера ложилась спать, он был цел. Стоимость ремонта свяжет меня по рукам и ногам — если вообще удастся его отремонтировать.

Тем более нужно браться за работу, иначе не будет денег ни на ремонт, ни на завтрак.

Под душем я думала о том, что узнала и чего не узнала. Я не знаю, где Литтлтон сейчас. Не знаю, сказались ли на нем мои выстрелы. Полученные три пули говорили «нет», но на них кровь, значит, какой-то ущерб они все же причинили. Не знаю, почему моя способность видеть призраков делает меня опасной для вампиров и как невосприимчивость к их магии может помочь мне в борьбе с вампиром, который сотворил такое с моим трейлером.

Вдобавок после ночной демонстрации я поняла, что мне понадобится помощь Андре.

Перед уходом на работу я позвонила Адаму, узнать, как Уоррен. Вдобавок меня удивляло, что никто не пришел посмотреть, из-за чего стрельба. Телефон прозвонил десять раз, прежде чем трубку сняли.

— Привет, Даррил, — сказала я. — Как Уоррен?

— Жив, — ответил второй Адама. — Без сознания, но жив. Мы слышали ночную стрельбу; но волк, которого мы послали, сказал, что ты справляешься. Сэмюэль близко?

— Сэмюэль оставался на ночь там, — сказала я.

Он хмыкнул.

— Ну, сейчас его нет, и Адам ушел часа в два ночи. О Сэмюэле я охранника не спрашивал.

Должно быть, Даррил сильно встревожен, если говорит мне все это. Я потеряла лоб. Едва два ночи — за несколько часов до прихода моего гостя.

— Кто-нибудь спросил у Кайла, о чем они говорили перед уходом?

— Друг Уоррена спал. Уоррен иногда приходит в себя, но при этом очень возбуждается. Он что-то знает, но его голосовые связки повреждены, и мы не понимаем, что он пытается сказать.

Он отвечал мне так, словно я имела право спрашивать. Как будто действительно говорил с подругой Адама.

— Что, по-твоему, случилось? — спросила я.

— Наверное, Адам — Сэмюэль тоже, если пошел с ним, — понял, где скрывается колдун. Думаю, иначе Адам не оставил бы Уоррена в таком состоянии.

Я тоже так не думала. Я ущипнула себя за переносицу.

— Это плохо.

— Почему?

— Вчера дядюшка Майк сказал мне, что сочетание вампир колдун это очень опасно. Демоны пагубно влияют на самоконтроль, а это ужасно плохо для вервольфов. Дядюшка Майк очень встревожен.

Он ненадолго задумался.

— Да, плохо. Лучше бы мы узнали об этом заранее.

— М-м-м.

Я вздохнула. Есть еще кое-что, о чем ему следует знать, но говорить об этом не хотелось. Но Сэмюэля и Адама нет, и было бы неразумно утаивать информацию от одного из немногих союзников.

Это Даррил. Он обращается со мной так, словно в стае я рангом выше его. К тому же сама по себе я вряд ли его интересую. Так что едва ли он станет мне что-нибудь запрещать.

— У дядюшки Майка я встретила с Марсией. Она хочет, чтобы я нашла колдуна и убила его.

Наступило долгое красноречивое молчание.

— Она считает, ты можешь это сделать?

Его недоверие мне не льстит, но я и сама чувствовала что-то подобное, так что все в порядке.

— Очевидно. Она дала мне в помощь одного из своих вампиров самого высокого ранга.

— М-м-м.

— Я думаю, тут все честно. Он друг Стефана.

— Адам тебе не разрешил бы.

— Знаю. Но Адама нет. Если Уоррен придет в себя, позвони.

Я дала ему сотовый номер, домашний номер и номер мастерской.

Когда он записал все телефоны, я сказала:

— Позвони Брану и все ему расскажи.

— Даже о тебе? — спросил он.

Он знал, что Бран подумает о том, что я выступила против вампира и колдуна.

— Да.

Я не хотела ставить его в такое положение, чтобы Бран на него сердился. На меня Бран может сердиться когда-то это случалось довольно часто. Может, я могла бы снова к этому привыкнуть. Успокаивало то, что он за сотни миль отсюда, а у меня в сотовом есть определитель номеров.

И все равно...

— Но только если он спросит, — торопливо добавила я.

Даррил рассмеялся.

— Да, помню, я использовал эту уловку с матерью. Надеюсь, в твоем случае это сработает успешнее, чем в моем.

Я повесила трубку.

Адам и Сэмюэль исчезли до того, как Литтлтон начал свое небольшое представление у моего трейлера.

Литтлтон знал голос Сэмюэля. И уже несколько часов Адам не звонил, чтобы узнать, как Уоррен. И Сэмюэль не звонил.

Они оба у Литтлтона. Если Литтлтон подобен другим вампиром, днем он неактивен. Есть шанс, что они еще живы. Литтлтон любит смаковать добычу.

Надо найти их до ночи.

Я позвонила Елизавете и услышала автоответчик.

— Говорит Елизавета Аркадьевна. Сейчас я не могу взять трубку. Пожалуйста, оставьте свое имя и номер телефона, я перезвоню.

— Говорит Мерси, — сказала я после гудка. — Адам и Сэмюэль пропали. Где вы? Позвоните мне или Даррилу, как только сможете.

Я недостаточно знаю о ее волшебстве, чтобы понять, может оно помочь или нет. В крайнем случае можно расспросить ее о вампирах и колдунах. Можно убедить ее, что приказ Адама не разговаривать со мной несколько устарел.

Я набрала все три номера Тони и попросила его позвонить мне на сотовый. Позвонила Зи, но и там отозвался автоответчик. Я и Зи оставила подробное сообщение. Так и Даррил, и он будут знать, что я собираюсь делать.

Потом я взяла сотовый и поехала на работу. Отправлю Гэбриэла на весь день домой и закрою мастерскую.

Часы показывали, что я приехала на пятнадцать минут раньше обычного, и поэтому я удивилась, увидев миссис Ханну. Она сильно отклонилась от своего обычного расписания.

Когда я припарковалась на всегдашнем месте, она была рядом. Как я ни спешила, присутствие миссис Ханны требовало вежливости.

— Здравствуйте, миссис Ханна. Что-то вы сегодня рано.

Пауза. Потом миссис Ханна посмотрела на меня и как будто не сразу узнала. Я подумала: еще месяц-два, и от ее личности останется мало.

Но сегодня ее лицо немного погода просветлело.

— Мерседес, девочка. *Я* надеялась тебя сегодня увидеть. У меня есть для тебя особый рисунок.

Она безуспешно принялась рыться в своей тележке, все с большим волнением.

— Все в порядке, миссис Ханна, — сказала я. — Я уверена, вы его найдете. Потом Отдадите мне завтра.

— Но он только что был здесь, — раздраженно сказала она. — Портрет хорошего парня, которому ты нравишься. Того смуглого.

Это Адам.

— Завтра — тоже нормально, миссис Ханна. А что вы сегодня так рано?

Она осмотрелась, словно вопрос поставил ее в тупик. Потом расслабилась и улыбнулась.

— О, это все Джо. Он велел мне сменить маршрут, если я хочу навещать его.

Я улыбнулась. При жизни она говорила то о Джо, то о Питере. Не знаю, были ли у нее действительно такие бойфренды, или она только делала вид, что они есть.

Она доверительно наклонилась ко мне.

— Мы, женщины, должны постоянно меняться ради наших мужчин.

Я удивленно смотрела на нее. Именно. Я чувствую, что Адам меняет меня.

Она заметила, что ее слова попали в цель, и довольно кивнула.

— Но они того стоят. Бог любит их. Они того стоят.

И пошла своей обычной шаркающей походкой, которая помогала покрывать удивительно большие расстояния.

Глава десятая

— Нет, сэр, ее здесь нет. — Когда я вошла, Гэбриэл поднял голову. — Минутку. Она здесь.

Я взяла трубку, думая, что это Тони или Елизавета.

— Мерси слушает.

— Говорит Джон Бекворт. Я звоню из Виргинии. Простите, забыл о разнице во времени.

Голос знаком, а имя нет.

— Мистер Блэк? — спросила я.

— Да, — ответил он чуть смущенно. — На самом деле Бекворт. Я только что говорил по телефону с Браном Корником. Он считает, что в Тройном городе какие-то неприятности.

— Да, тут у нас напряженная обстановка.

Либо вчера Брану звонил Адам, либо Даррил вспомнил о Блэке-Бекворте и позвонил сегодня.

— Так сказал мистер Корник. Он предложил нам прилететь в Монтану в начале следующей недели. — Он помолчал. — Он, кажется, не в такой степени на взводе, как Адам Хауптман.

Да, это Бран, тихий и спокойный, пока не разорвет тебе горло.

— Вы звоните спросить, можно ли ему доверять? — спросила я.

— Да. Его не было в списке, который вы мне дали.

— Если бы у меня была дочь, я без колебаний оставила бы ее у Брана, — искренне сказала я, уходя от вопроса, почему имени Брана нет в списке. — Он хорошо позаботится о вас и о вашей семье.

— Он разговаривал с Карой, моей дочерью. — В голосе Бекворта звучало огромное облегчение. — Не знаю, что он ей сказал, но я уже несколько лет не видел ее такой счастливой.

— Отлично.

— Мисс Томпсон, если я что-нибудь могу для вас сделать, звоните без колебаний.

Я машинально начала отказываться, но потом остановилась.

— Вы на самом деле репортер?

Он рассмеялся.

— Да, но я не пишу о сексуальной жизни знаменитостей. Я занимаюсь журналистскими расследованиями.

— У вас есть возможности узнавать о людях?

— Да.

Я его заинтриговала.

— Мне нужна вся информация, какую вы сможете достать, о человеке по имени Кори Литтлтон. У него есть свой вебсайт. Он считает себя колдуном. Будет особенно ценно, если вы узнаете, есть ли у него собственность в Тройном городе.

Выстрел наобум, но я знала, что Уоррен проверил все отели и съемные квартиры. Если Литтлтон здесь, он должен где-то жить.

Он повторил имя.

— Сделаю, что в моих силах. На это может уйти несколько дней.

— Будьте осторожны, — сказала я. — Он опасен. Он не должен знать, что вы им занимаетесь.

— Это связано с неприятностями, о которых упоминал мистер Корник?

— Верно.

— Скажите, как с вами связаться. Вероятно, Лучше всего по электронной почте.

Я продиктовала ему свой электронный адрес и поблагодарила. Вешая трубку, я заметила, что Гэбриэл смотрит на меня.

— Неприятности? — спросил он.

Может, следовало более старательно держать Гэбриэла подальше от моего мира. Но у него хорошая голова на плечах, и он не глуп. Я решила: проще сказать ему, сколько можно. Да и безопаснее, иначе он сам начнет разнюхивать.

— Да. Крупные неприятности.

— Телефонный звонок вчера вечером?

— Это цветочки. Уоррен тяжело ранен. Сэмюэль и Адам пропали.

— А в чем дело?

Я пожала плечами.

— Не могу сказать.

Вампиры не любят, когда люди о них говорят.

— Это вервольф?

— Нет, не вервольф.

— Вампир, как Стефан?

Я уставилась на него.

— Что? Я не должен был догадаться? — Он укоризненно покачал головой. — Твой загадочный клиент, который водит микроавтобус, раскрашенный как «Таинственная машина», и приезжает только в сумерках? Он не Дракула, но, если существуют вервольфы, почему бы не существовать и вампирам?

Я невольно рассмеялась.

— Отлично. Да. — Потом сказала серьезно: — Никому не говори, что знаешь с вампирах, особенно Стефану. — И тут же вспомнила, что последнее не составит труда. С трудом проглотила комок в горле и серьезно продолжила: — Это небезопасно для тебя и для твоей семьи. Но тебя не тронут, если будут считать, что ты о них не знаешь.

Он отвел воротник и показал крест.

— Мама заставляет носить. Это моего отца.

— Это помогает, — Но еще лучше притвориться, что не ничего не знаешь. Я жду несколько телефонный звонков. Один от Тони, другой от Елизаветы Аркадьевны, ты ее узнаешь по русскому акценту.

Я собиралась на сегодня закрыть мастерскую, но мне все равно нечего делать, пока не позвонят Тони и Елизавета. Если Уоррену и Стефану потребовалось две недели, чтобы найти колдуна, я вряд ли найду его, бегая по улицам, куда глаза глядят. В Тройном городе больше двухсот тысяч жителей. Конечно, не Сиэтл, но и не Ту-Дот, Монтана.

Я никак не могла сосредоточиться на работе. Времени мне потребовалось вдвое больше, чтобы заменить гидроусилитель руля, потому что я без конца посматривала на свой телефон.

Наконец я сдалась и снова позвонила Зи, и снова зря. Елизавета по-прежнему не отвечала, Тони тоже.

Я взялась за следующую машину. И успела проработать всего несколько минут: вошел Зи. Судя по мрачному выражению, он был чем-то расстроен. Я дозакрепила ремень распределительной передачи на «Битл 70»^[38] и стерев, с рук большую часть грязи, прислонилась бедром к сиденью и спросила:

— Что случилось?

— Только дурак связывается с вампирами, — с мрачным неодобрением ответил он.

— Литтлтон разорвал Уоррена на куски, Зи, — сказала я. — И, вероятно, убил Стефана.

А Сэмюэль и Адам пропали.

— Ничего не знаю об Альфе и Сэмюэле. — Лицо его чуть смягчилось. — Это плохо Liebchen. Но принимать указания от госпожи вампиров весьма неразумно.

— Я была осторожна.

Он фыркнул.

— Осторожна? Я видел твой трейлер.

— Я тоже, — печально сказала я. — Я была внутри, когда это произошло. Наверное, Литтлтон узнал, что Марсилия попросила меня найти его.

— Что ж, прошлой ночью ты его нашла. И что выгадала?

Я пожалала плечами. Он прав, но я не могу просто сидеть и ждать, пока Уоррен позвонит и скажет, что они нашли Адама и Сэмюэля мертвыми.

— Марсилия считает, я с ним справлюсь.

— Ты ей веришь?

— Дядюшка Майк верит.

Это поставило его в тупик; он поджал губы.

— Что еще тебе сказал дядюшка Майк?

Разговоры о героях меня смущают, поэтому я ответила, что дядюшка Майк рассказывал мне о воздействии демонов на вервольфов.

— Дядюшка Майк сегодня утром побывал у меня, — сказал Зи. — И мы вдвоем посетили кое-кого из друзей.

Он бросил мне рюкзак. Я поймала его и раскрыла. Внутри оказался заостренный кол длиной в мое предплечье и пояс, который Зи давал мне, когда я в первый раз пошла в семью вампиров. Нож хорошо резал то, что обычный нож не режет, например цепи.

— Кол мне дала иная, состоящая в родстве с деревьями и со всем, что растет, — объяснил Зи. — Он из рябины, дерева света. Она сказала, что этот кол найдет дорогу к сердцу вампира.

— Ценю твою заботу, — ответила я, избегая обычного «спасибо».

Он едва заметно улыбнулся.

— Ты причиняешь массу беспокойства, Мерси. Обычно ты его стоишь. Не думаю, чтобы нож как-то навредил вампиру, пока действует его магия. Но когда вампир проткнут колом, он более уязвим. И тогда этим ножом можно отрезать ему голову.

Я сунула руку в рюкзак; на дне было еще что-то. Я вытащила это что-то на свет и увидела плоский золотой диск. На одной стороне изображена ящерица, на другой — какие-то знаки, возможно, письмена. И ящерица, и надпись потертые.

— Вампир не умрет, пока его тело не превратится в золу, — сказал Зи. — Положи на тело после того, как отрежешь голову, и произнеси имя медальона.

Он взял диск, потер пальцами надпись, и, хотя вряд ли надпись изменилась, я смогла прочесть — Drachen.

Прошло десять лет, но все же я два года изучала в колледже немецкий.

— Воздушный змей? — удивленно спросила я.

Он рассмеялся. Смех совершенно менял его узкое лицо.

— Дракон, Мерси. Это значит также «дракон»^[39].

— Мне это сказать по-английски или по-немецки? — спросила я.

Он вложил диск мне в руку и согнул мои пальцы.

— Macht nichts, Liebling.

Все равно.

— Значит, если кто-нибудь произнесет одно из этих слов, медальон превратит то, чего касается, в пепел?

Я не хотела, чтобы в моем голосе звучал страх. Но часто ли в повседневной жизни слышу слово «дракон»?

— Разве я дал бы тебе такую опасную вещь? — Он покачал головой. — Нет. Дядюшка Майк сообщил медальону твое имя, и теперь только ты можешь его оживить. Но для этого нужно и слово, и желание.

— Значит, я должна произнести слово и пожелать этого?

Что ж, если прижать диск к вампиру, думаю, желание превратить его в золу появится.

— Верно.

Я наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Это мне очень поможет.

Он нахмурился из-за поцелуя.

— Хотел бы сделать больше, но это verboten^[40]. Даже то, на что мы решились, очень рискованно.

— Понимаю. Дядюшка Майк мне говорил.

— Если бы рисковал только я сам, я пошел бы с тобой сражаться с этой тварью. Но может пострадать вся резервация Уолла-Уолла.

Когда малый народ впервые перестал таиться, имели место случаи насилия. И тогда иные, еще не отказавшиеся от «подполья», добровольно переселились в одну из нескольких резерваций, где могли жить в безопасности. Там живет Зи; насчет дядюшки Майка не знаю. Но знаю, что Серые Повелители не задумываясь убьют одного из своих во имя общей безопасности.

— Понимаю, — сказала я. И потом, ты же сказал мне однажды, что твои способности против вампиров бесполезны, да?

Его брови опустились еще ниже.

— Моя магия не поможет. Но у меня есть сила. Я кузнец. И тревожусь о тебе, потому что ты по-человечески хрупка.

— Поэтому я беру с собой одного из вампиров Марсилиии, сказала я.

Мой сотовый зазвонил раньше, чем он успел ответить, что думает об этом. Я посмотрела на определитель номеров в надежде, что это Тони или Елизавета. Но это был Бран. Сначала я не хотела отвечать, но он ведь в Монтане. Что он может? Только наорать на меня.

— Привет, Бран, — сказала я.

— Не делай этого. Я буду у вас завтра утром.

Бран говорит, что не умеет читать мысли, но большинство вервольфов убеждены в обратном. В такие моменты я готова с ними согласиться.

Мне хотелось изобразить непонимание, но для этого нужны были слишком большие усилия. Я устала и сомневалась, что смогу нормально спать, пока Адам и Сэмюэль благополучно не вернутся домой или пока не умрет Литтлтон.

— Хорошо, — сказала я. — Рада, что ты приезжаешь. Но и ты, и дядюшка Майк говорили мне, что демоны — плохая новость для вервольфов. Что если ты сорвешься?

Мне и в голову не пришло, что Бран может не знать, кто такой дядюшка Майк. Бран знает вся и всех.

Он ничего не ответил.

— Нам некогда ждать тебя, — сказала я. — Если Сэмюэль и Адам еще живы, я должна найти их до темноты.

Он по-прежнему молчал.

— Пусть ты возражаешь — неважно, — мягко сказала я. — Ты все равно не сможешь меня остановить. Адама нет, и я самый высокий по рангу вервольф в стае, ведь Адам объявил меня своей подругой.

Забавно. А я ведь даже не вервольф. Я не ожидала, что мой мифический ранг сохранится, когда Адама не будет поблизости. Но Бран первый среди волков обязан соблюдать свои законы.

— Я не беспомощна, — заговорила я. — У меня есть сумка сверхгероя, убийцы вампиров и колдунов. И вампиры дали мне в помощь одного из своих.

Выступить против Литтлтона, вероятно, самоубийство, даже если у меня на подхвате вампир. Уоррену это не помогло. Но я не собираюсь сидеть и ждать, пока в мусорном контейнере дядюшки Майка окажется тело Адама.

— Ты доверяешь этому вампиру?

Нет. Но как ему сказать об этом? А я знала, что Брану лучше не лгать.

— Он хочет, чтобы Литтлтон умер навсегда. — В этом я была уверена: в голосе Андре я слышала гнев, жажду мести. — Он друг одной из жертв колдуна.

Я сказала «жертва колдуна», чтобы не думать: Стефан, или Адам, или Сэмюэль. «Жертва колдуна» — это нечто безымянное и безликое.

— Будь осторожна, — сказал он наконец. — Не забудь: ходячие научили вампиров бояться их, но вампиров много, а ходячая одна.

И он повесил трубку.

— Он прав, — сказал Зи. — Не лезь на рожон.

Я рассмеялась. Но мой смех был усталым и печальным.

— Ты видел мой трейлер, Зи. Я не полезу на рожон. Никто из ваших не знает, где он?

Зи покачал головой.

— Дядюшка Майк наводит справки, но ему приходится соблюдать осторожность. Если что-нибудь узнаем, мы тебе скажем.

Снова зазвонил телефон, и я, не глядя на номер, ответила:

— Мерси.

— Приходи обязательно.

Кайл говорил очень тихо, словно хотел, чтобы никто не подслушал. Но ведь он в доме вервольфа.

— Тебя все равно слышат, — ответила я. Я услышала, как Даррил что-то говорит по-китайски. Очень дурной знак: Даррил говорит по-китайски, только когда дело плохо. — Сейчас приду.

Я повернулась к Зи.

— Буду работать в мастерской сегодня и завтра. Может, и дольше, — сказал Зи. —
Задаром.

Я попыталась возразить, но он поднял руку.

— Нет. Я не могу повредить Литтлону, но помочь хоть этим могу.

Починка трейлера уже превратила следующий месяц в месячник макарон с сыром. Но благодаря Зи это по крайней мере не будет месячник японской Лапши. Я снова поцеловала его в щеку и побежала к машине.

Помня о судьбе волка, ехавшего вчера за мной, я двигалась по шоссе со скоростью ровно на пять миль выше разрешенной^[41]. Если мне начнут выписывать штраф, это отнимет много времени.

Телефон снова зазвонил, когда я проезжала мимо патрульного дорожной службы, который остановился по другую сторону моста, у железной дороги. На этот раз номер принадлежал Тони.

— Привет, Мерси, — сказал он. — Я получил от тебя аж шесть сообщений. Чтс случилось?

— Можешь раздобыть мне список всех случаев насилия за прошлый месяц, когда вызывали полицию? Нужен весь Тройной город, а не только Кенневик.

— Зачем?

Дружелюбие из его голоса исчезло.

— Потому что это насилие спровоцировано, и я смогу остановить виновника, если узнаю, где происходили инциденты.

Я смотрю ТВ. И видела, как полиция отслеживает серийных убийц. Ну, по крайней мере, в детективах. Разумно предположить, что вызванные демоном проблемы сосредоточены вокруг самого демона. Видимо, используя этот метод, Стефан и добился успеха.

Будь я серийным убийцей, я бы постаралась убивать в окрестностях полицейских участков, а не своей работы.

— У нас есть карта, — сказал Тони, когда я повернула на дорогу к дому Адама и вдавила педаль газа. Конечно, ограничение скорости на этой, дороге — тридцать пять миль, но я ни разу не видела здесь полицейского. — Почему бы тебе не заехать в участок? Я покажу тебе карту, если ты ответишь на несколько вопросов.

— Хорошо, — согласилась я. — Но сначала — несколько неотложных дел. Можем встретиться примерно через час?

— Буду на месте, — сказал он и повесил трубку.

Не успела я подняться на крыльцо, а Хани уже открыла дверь Адама.

— Они наверху, — без надобности сказала она. Даррил по-прежнему говорил что-то грубое по-китайски.

Нет, я не говорю по-китайски, но кое-что не нуждается в переводе.

Я побежала наверх, Хани за мной.

— Я попросила Даррила спуститься после того, как Кайл позвонил тебе, — сказала Хани. — Но несколько минут назад Уоррен попробовал встать, и Кайл прикрикнул на него. Поэтому Даррил снова ушел наверх.

Я с удовольствием расспросила бы о подробностях — прежде всего, почему ссорятся Уоррен и Даррил (если это не Кайл и Даррил), но не было времени.

Дверь в гостевую комнату, была открыта. Я остановилась на пороге и глубоко вдохнула. Когда заходишь в комнату с двумя сердитыми вервольфами (а я слышала их рычание), желательно быть спокойной. Гнев лишь усугубляет ситуацию, а страх может спровоцировать их обоих на нападение.

Я загнала эту последнюю мысль в глубину сознания, постаралась подумать о чем-нибудь спокойном и вошла.

Уоррен обернулся волком и выглядел не лучше, чем накануне ночью. Простыни, стены и пол были забрызганы его кровью.

Даррил, еще в обличье человека, боролся с Уорреном. Он как будто пытался удержать Уоррена в постели.

— Ложись! — ревел он.

В стае Даррил по рангу выше Уоррена, он второй после Адама, а Уоррен третий. Это значит, что Уоррен должен подчиняться Даррилу.

Но Уоррен, раненный, не в себе, с подавленной волком человеческой половиной, не помнил, что должен покориться власти Даррила. Все это происходит на уровне инстинкта. И то, что Уоррен не подчиняется Даррилу, означает только одно: Даррил на деле не более сильный доминант чем он. Уоррен все это время притворялся.

В сложившихся обстоятельствах это ужасно плохо. Раненый вервольф опасен: волчья природа вытесняет человеческую, и вервольф становится страшной тварью. Гораздо хуже своего природного двойника.

Уоррен еще никого не убил в доме по единственной причине — он полумертв, а Даррил чрезвычайно силен.

Кайл прижимался к стене как можно дальше от кровати: шёлковая лиловая рубашка разорвана в клочья, кожа под ней Исцарапана, из царапин сочится кровь. Лицо встревоженное, но страхом или гневом от него не пахнет.

— У тебя самый высокий ранг среди волков, — прошептала мне Хани. — Я попросила Кайла позвонить тебе, когда Даррил начал досажать Уоррену. До последних минут с Кайлом было все в порядке.

Разве я сама не говорила Брану, что превосхожу Даррила по рангу? Но ведь Хани, как и все остальные волки Адама, знает, что на самом деле я не подруга Адама. И даже если бы была подругой; это не сделало бы мою власть настоящей, законной. Она не настолько настоящая, чтобы заставить Уоррена контролировать своего волка. Но в глазах Хани светилась вера в меня, и надо было рискнуть.

— Уоррен, — строго сказала я, — ложись.

Уоррен сразу послушался, и больше всех в комнате удивилась этому я, а уж потом Даррил. Я всегда считала глупостью то, что ранг самки в стае определяется рангом ее самца. Мне казалось, это осложняет жизнь и человеческая часть вервольфов не должна с этим считаться.

Даррил медленно выпустил Уоррена и сел на край кровати. Уоррен лежал неподвижно, его великолепная шкура была взлохмачена и покрыта кровью, свернувшейся и свежей.

— Что ж, — сказала я, Чтобы скрыть смущение, — он в состоянии менять облик, это хороший признак. А в таком виде он быстрее излечится. — Я посмотрела на Кайла. — Он говорил что-нибудь о том, куда пошли Адам и Сэмюэль?

— Нет. — Кайл удивленно посмотрел на меня. — Что ты сделала?

Я пожала плечами.

— Это политес вервольфов.

— Как тебе удалось то, что не удалось мне? — спросил Даррил.

Я повернулась и увидела, что его темные глаза посветлели, стали желтыми и он смотрит на меня.

— Я ни при чем, — сказала я. — Адам даже не спросил меня, когда перед всей стаей объявил своей подругой. И я всегда считала, что это просто способ не дать меня съесть. А что касается доминирования, вам с Уорреном придется разбираться, когда вернется Адам. — Я снова посмотрела на Кайла и спросила: — Тяжело ты ранен?

Тот покачал головой.

— Всего лишь царапины. — Он поднял голову. — Я тоже теперь буду выть на луну?

Теперь покачала головой я.

— Не так-то легко стать вервольфом. Он должен почти убить тебя. От царапины ничего не будет.

Кайл адвокат, на его лице ничего не отразилось. Не знаю, был ли он разочарован или испытал облегчение. Может, он и сам не знал.

— Надо перенести его в безопасную комнату, — сказала я Даррилу.

Безопасная комната находится в подвале; стены ее так укреплены, что выдержат натиск взрослого волка. Если Даррил недостаточно доминантен, чтобы удерживать Уоррена в постели, единственный выход — эта комната.

— Оставим матрац, — предложила Хани. — Мы с Даррилом отнесем его прямо на нем. Что мы и сделали. Мы с Кайлом шли следом, и я наспех объясняла ему, что происходит. Уоррен не возражал против заключения, но было трудно убедить Кайла не ходить за ним.

— Он ведь не нарочно причинил мне вред, — говорил Кайл, стоя на пороге камеры. — Я пытался помочь Даррилу удержать его.

— Прежде чем начнется улучшение, станет хуже, — сказала ему я.

— Он никогда раньше не причинял мне вреда.

Всем в комнате, кроме самого Кайла, это объяснило, насколько Кайл дорог Уоррену. Даже бешеный волк не трогает подругу.

— Не хочу объяснять затем Уоррену, почему мы позволили ему тебя съесть, — сказала я. — Послушай, можешь хоть весь день сидеть здесь на диване.

Перед камерой маленькая прихожая с диваном, креслом и большим телевизором.

— Только сегодня днем, — сказал Даррил. В его голосе еще слышалось рычание. Я обрадовалась, что полнолуние далеко. — К вечеру он будет в порядке.

Уоррен и его волк могли принять меня как подругу Адама, но сомневаюсь, что с этим мог смириться Даррил.

К тому же он пять минут назад обнаружил, что уступает в доминировании Уоррену, и из-за этого какое-то время будет не в духе.

Мы оставили Уоррена в камере. Кайл стоял снаружи, прислонившись к покрытым серебром прутьям. Не лучшее место для ожидания, но по крайней мере он не внутри.

— Мне пора, — сказала я Даррилу, когда мы вернулись вверх. — Я пытаюсь найти Адама и Сэмюэля. Справишься без меня?

Он ничего не ответил, только посмотрел вниз, на камеру.

— Мы справимся, — негромко сказала Хани. И погладила Даррила по руке, чтобы успокоить.

— Его не примут как второго, — промолвил Даррил.

Он, вероятно, прав. То, что Уоррен, волк-гомосексуалист, прожил так долго, свидетельствует о его силе и уме.

— Разберетесь с Адамом, когда он вернется, — сказала я. Посмотрела на часы и увидела, что еще успею позвонить Елизавете, прежде чем отправляться в участок.

Но третье сообщение на автоответчике оставлять не стала. Это ее может вывести из себя.

Когда я повесила трубку, Даррил сказал:

— Елизавета уехала из города сразу после того, как Адам нашел Уоррена. Она сказала, что ей опасно здесь оставаться. Если демон подберется к ней слишком близко, он сможет от Литтлтона перейти к ней, а это, сказала она, будет катастрофой. Забрала всю семью и отправилась в Калифорнию.

Екатерина не викканская ведьма^[42]. Ее способности унаследованы и не имеют отношения к религии. То, как она испугалась демона, стало для меня доказательством того, что в прошлом она являлась с силами тьмы; иначе демон не мог бы без приглашения подчинить ее.

— Будь оно все проклято, — сказала я. — Наверно, у вас нет соображений, как убить Литтлтона.

Даррил улыбнулся. В темноте ярко сверкнули его белые зубы.

— Съешь его.

— Очень смешно.

Я повернулась, собираясь уходить.

— Убьешь вампира, и демон уйдет, — сказал Даррил. — Так говорила Елизавета Адаму. А вампира можно убить, если проткнуть его колом, отрезать голову, а потом сжечь.

— Спасибо, — ответила я, хотя ничего нового не узнала. Я надеялась, что Елизавета что-нибудь знает о демоне и это поможет мне убить Литтлтона.

Закрывая дверь, я услышала вдогонку слова Даррила:

— Конечно, можно и съесть.

Кенневикский полицейский участок не очень далеко от моего дома, сразу за Кенневикской средней школой. В небольшой прихожей толпа старшеклассников окружила торговый автомат. Я пробралась через них к застекленной будке, в которой просматривал какие-то бумаги молодой человек. Выглядел он так, словно место ему скорее в толпе у автомата.

Он спросил, кто я, услышал имя Тони и пропустил меня за первую дверь в пустую комнату для ожидания. Я никогда раньше не бывала в полицейском участке и нервничала неожиданно сильно. Когда я нервничаю, меня всегда охватывает клаустрофобия, поэтому я принялась расхаживать по помещению, снабженному кондиционером. Здесь сильно пахло моющим средством, хотя, думаю, менее чувствительные носы это несколько не беспокоит. За этим антисептическим запахом я чужая тревогу, страх и гнев.

Должно быть, к тому времени как пришел Тони, я выглядела странновато, потому что он сразу спросил:

— Мерси, что случилось?

Я начала говорить, но он поднял руку.

— Подожди, здесь нас услышат. Пойдем со мной.

Удачно: я не знала, что, собственно, скажу ему,

Шагая за ним по коридору, я думала: проблема, связанная с нарушением правил, в том, чтобы решить, насколько их нарушить.

Малый народ не собирается выступать против Литтлтона, во всяком случае, пока. У вервольфов, если верить дядюшке Майку и самому Брану, нет шансов на успех. А если вампиры просят меня о помощи, значит, и они не знают, что с ним делать.

Бран сказал, что со временем колдун попадет во власть своего демона, и тогда развернется ад. Когда это произойдет, на первых полосах, возможно, будут кенневикские полицейские.

С другой стороны, если в семье когда-нибудь узнают, что я проболталась полиции о вампирах, мне лучше покончить с собой прямо сейчас.

Тони провел меня в небольшой кабинет и закрыл дверь, отрезав все звуки участка. Это не его кабинет. Даже если бы не чужой запах, я определила бы это по свадебному снимку на столе. Снимку лет тридцать, и улыбающаяся молодая пара на нем — оба светловолосые.

Тони сел на край стола, положил за собой папку, которую держал в руках, и неопределенно махнул в сторону одного из стульев у стены.

— Тебя словно машина сбила, — сказал он.

Я пожала плечами.

— Тяжелое утро.

Он вздохнул и постучал пальцами по папке.

— А если я скажу, что в папке сигнал от одного сознательного гражданина, поступивший утром в 7:23? Приятная молодая соседка этого гражданина, некая Мерседес Томпсон, ночью или рано утром вынуждена была стрелять, чтобы отогнать банду хулиганов. Один из наших патрульных заехал туда и видел причиненный ущерб. — Он мрачно взглянул на меня. — Он все сфотографировал.

Я сухо улыбнулась.

— Я сама удивилась, насколько все плохо, когда посмотрела утром.

— Кто-то видел, как ты разговаривала со мной вчера? Дело в этом?

Если бы я позволила ему так думать, это решило бы множество проблем. Но я предпочитаю не лгать. Особенно если ложь может способствовать началу охоты на малый народ.

— Нет. Я сказала соседям, что это всего лишь мальчишки. Или кто-то недовольный моей работой.

— Поэтому к твоему трейлеру пришли с консервным ножом? Долго они там были, прежде чем ты вышла с ружьем?

— Я арестована? — остроумно спросила я. Вдруг там, где я живу, стрельба вне закона: я никогда не проверяла.

— Не в этот раз, — осторожно ответил он.

— Ага, — сказала я, откидываясь на спинку неудобного стула. — Шантаж, Как интересно.

Я пыталась найти выход. Лучшая политика — честность.

— Ну хорошо, — сказала я наконец, определившись; сколько ему можно рассказать. — Ты был прав. Существует нечто, склоняющее людей к насилию. Но если я объясню тебе, что это, то не доживу до завтрашнего утра. К тому же даже если ты будешь знать, что это, ты никак не сможешь его остановить. Это не вервольф и не малый народ. Не человек, хотя внешне выглядит как человек.

Он казался удивленным.

— Мы были правы?

Я кивнула.

— Теперь позволь мне рассказать вот что. Эта тварь приходила к моему дому прошлой ночью, но не могла войти, потому что я ее не приглашала. Нужно пригласить зло, чтобы оно вошло в дом: таково одно из правил. Я четыре раза выстрелила из своего «Марлина 444», заряженного серебром. Попала трижды, но не заставила его даже сбавить прыть. Держись от нее подальше. Сейчас эта тварь прячется. Рост насилия — всего лишь побочный эффект его действия. Если обнародуешь это, будет гораздо больше трупов. Мы пытаемся разобраться с этим, не допуская больше убийств. Надеюсь, скоро управимся.

— Кто это мы? — спросил он.

— Некоторые мои знакомые.

Я посмотрела ему прямо в глаза и мысленно взмолилась: остановись. Я так подчеркнуто произнесла это «мои знакомые», что смысл был яснее, чем в гангстерском кино. Тони не обязательно знать, насколько мы слабы: полиция, сколько бы ее ни было, в еще более безнадежном положении, чем мы с Андре.

— Обещаю не лгать тебе о сообществе сверхъестественных иных. Не могу сказать всего, но лгать не буду.

Ему это не понравилось. Ни капли. Он неуверенно побарабанил пальцами по столу, не спрашивать дальше все же не стал.

Тони слез со стола и прошел к шкафу у стены за моим стулом. Когда он открыл шкаф, я повернулась и увидела в глубине белую доску, а на внутренних сторонах дверец доски для объявлений. К одной из этих досок кто-то приколол карту Тройного города, усаженную булавками с круглыми цветными головками. Большинство головок были зеленые, некоторые синие и десятка два — красные.

— Это не все, — сказал Тони. — Пару недель назад кое-кто из наших задумался, а не укладываются ли случаи насилия в серию, поэтому мы взяли все отчеты начиная с апреля. Зеленые головки — обычные происшествия. Ущерб собственности, слишком горячие споры, когда кто-нибудь вызывает полицию... или милые бранятся. Все такое. Синие — когда дело заканчивается больницей. Красные — случаи со смертельным исходом! Среди них и самоубийства. — Он пальцем показал на группу красных головок вблизи шоссе на Паско. — Вот это — убийство и самоубийство в прошлом месяце в мотеле в Паско. — Он передвинул палец к одинокой зеленой булавке на самом восточном краю карты. — А это твой трейлер.

Я смотрела на карту. Ведь я ожидала увидеть список адресов. А вот это мне и нужно, и не нужно. Потому что никакой последовательности я не увидела. Булавки распределялись по Тройному городу равномерно. Гуще там, где населения больше, реже — в Финли, Бербанке и Западном Ричленде, где не так уж много народу. Булавки не выстраивались кружками, как в кино.

— Никакой последовательности мы не видим, — сказал Тони. — Никакого общего рисунка. Но инциденты происходят вспышками. Вчера в Восточном Кенневике. Две драки и семейная ссора, встревожившая соседей. А позавчера в Западном Паско.

— Он бродит повсюду, — сказала я. Плохо. Если он бродит по всему городу, где же он держит Адама и Сэмюэля? — В какое время суток-случаев насилия больше всего?

— После полуночи.

Я снова посмотрела на карту, считая про себя красные головки. Их меньше, чем думает

дядюшка Майк. И, наверное, ни он, ни Тони не знают о семье, которая умерла во время контакта Дэниэла с Литтлтоном.

— Ты что-нибудь узнала? — спросил он.

— На ТВ легче охотиться на маньяков, — мрачно ответила я.

— Мы имеем дело с маньяком?

Я пожала плечами и вспомнила лицо Литтлтона, когда он убивал ту женщину в отеле.

— Я так считаю. В некотором роде. Случаи насилия — это плохо, Тони, но этому чудовищу нравится убивать. И если он решит, что больше может не скрываться, начнется полная жуть. Что ты можешь сказать о маньяках?

— Не видел здесь ни одного, — сказал он. — Это не значит, что серийных убийств тут никогда не будет, но есть кое-какие признаки, и мы их отслеживаем.

— Например?

— Большинство для практики начинают с легкой добычи.

«Вроде Дэниэла», подумала я.

— У меня друг в полиции Сиэтла. Он говорит, что весь департамент ожидает убийств. Три года подряд находят убитыми домашних животных. И теперь патрули усилены в местах, где есть население из группы риска: бездомные, бродяги, проститутки.

Я вздрогнула. Был ли Литтлтон убийцей до того, как стать колдуном и вампиром? Стал ли он сначала вампиром или колдуном? Был он злом или сделался злом? Впрочем, какая разница?

Кто-то постучал в дверь. Тони открыл.

— Входите, сержант, — сказал он. — Мы закончили. Сержант, это Мерседес Томпсон. Мерси — сержант Уоэнс, наш дежурный по отделению. Это его кабинет.

Сержант Уоэнс худ и подтянут состарившаяся и более циничная версия молодого человека на свадебном фото. Он протянул руку, и я ее пожала. Он ненадолго задержал мою, разглядывая следы грязи, которую я никак не могу убрать из-под ногтей.

— Мерседес Томпсон, — сказал он. — Я слышал, у вас прошлой ночью были неприятности. Надеюсь, без повторов?

Я кивнула.

— Думаю, они уже протрезвели, — сказала я со слабой улыбкой.

Он не улыбнулся в ответ.

— Тони говорит, у вас есть связи среди малого народа и вервольфов и вы готовы нам помочь.

— Если смогу, — подтвердила я. — Хотя я больше подготовлена к тому, чтобы чинить ваши машины, чем давать вам советы.

— Лучше оставайтесь хорошим механиком, — сказал сержант. Мои люди рискуют жизнью. Плохие советы мне не нужны.

— Она починила машину Сильвии, — вмешался Тони. Сильвия не только мать Гэбриэла, она диспетчер в участке. — Мерси очень хороший механик, и советы ее дельные.

На самом деле машину Сильвии починил Зи, но это неважно.

Сержант успокоился.

— Хорошо. Ладно. Посмотрим, что получится.

Мы уже вернулись в коридор, когда я остановилась.

— В чем дело? — спросил Тони.

— Убери булавки ночных инцидентов. Нам нужны только дневные, — сказала я. Само

присутствие колдуна вызывает насилие. — Эта тварь бродит по ночам, но едва ли может разгуливать днем.

— Хорошо, — согласился Тони. — На это уйдет время. Поручу новичку. Хочешь подождать?

Я покачала головой.

— Не могу. Позвонишь?

— Да.

Я думала, Тони простится со мной в комнате ожидания, но он проводил меня до самого выхода. На этот раз школьников не было.

— Спасибо, — сказала я, садясь в машину.

Он держал дверцу приоткрытой и увидел, что сделал Стефан со щитком.

— Кто-то сюда стукнул, — сказал он.

— Да, я иногда так действую на людей.

— Мерси, — серьезно сказал Тони, — постарайся, чтобы он не стукнул так тебя.

Я коснулась проломленного пластика.

— Он не будет.

— Ты уверена, что я не могу тебе помочь?

Я кивнула.

— Обещаю: как только что-то прояснится, сразу позвоню.

Я остановилась у ресторана быстрого питания и заказала ланч. Съела два чизбургера и двойную порцию жареной картошки, хотя была не особенно голодна. Но я не спала, а чтобы сохранить бдительность, нужно подкрепиться. Поможет также большая порция газировки с кофеином.

Поев, я снова села в машину и принялась ездить кругами. У меня не хватает информации, чтобы найти колдуна, а я должна найти его до темноты. Раньше, чем он убьет Адама и Сэмюэля. Я отказывалась верить, что они уже мертвы. У него не было времени играть с ними.

Почему Марсилия послала меня на поиски Литтлтона? Ведь она знает, как я глупа.

Я резко затормозила и припарковалась на обочине. Я слишком напряженно размышляла, чтобы следить за безопасностью движения.

Никогда не доверяй вампиру. Это первое, что я узнала о вампирах.

Несмотря на свое поведение во время суда, Марсилия говорила, что верит Стефану, когда тот рассказывает о вампире-колдуне в Тройном городе. Она могла бы бросить на поиски всю семью, а отправила только Стефана с Дэниэлом. Нет. Это Стефан выбрал Дэниэла. Она думала, что Стефан выберет Андре. Как и сам Андре, кстати.

И даже поверив в смерть Стефана, она не послала на поиски всю семью. Предпочла нас с Андре. Меня. Найти колдуна должна я. А Андре только охраняет меня, пока я этим занимаюсь. Он всюду сопровождает меня, и Марсилия знает о каждом моем шаге.

Андре считает, что Марсилия хочет не убить Литтлтона, а попытаться подчинить его себе. Этого ждет Марсилия от Андре? Ведь он это должен был сделать, когда предполагалось, что он пойдет на охоту со Стефаном?

Если Марсилия приказала ему не убивать Литтлтона, он не убьет. Она его создатель, и он не может не повиноваться ее приказам. Хотя Стефан, по-видимому, мог.

Я потеряла лицо и попыталась мыслить четче. Знать, чего хочет Марсийия, конечно, полезно, но это не поможет мне найти Литтлтона.

Литтлтон не оставил ни одного следа, по которому я могла бы пойти.

— Так что делать, если на охоте ты не чуешь запаха добычи? — спросила я вслух. Это основной вопрос. Сэмюэль задавал его молодым волкам, готовым отправиться на свою первую охоту.

— Идти туда, куда тянет твою добычу, — сказала я. — Послушай, Сэмюэль, это не поможет. Я ведь не знаю, что больше всего привлекает колдуна.

Какая-то мысль тревожила меня. Литтлтон не из Тройного города. Он проезжал через город, когда встретился с Дэниэлом. Он вернулся, и мы со Стефаном нашли его. Он ждал Стефана. Почему?

И тут я догадалась.

Я читала историю Фауста в нескольких версиях, от «Дьявола и Дэниэла Вебстера» Бенета до Марло и Гете^[43]. Колдуны продают душу дьяволу за знания и власть. Но в действиях Литтлтона ничто не свидетельствует о стремлении к знаниям или власти.

Демоны стремятся к хаосу, насилию и смерти. Литтлтон все это приносит в изобилии, но если бы демон полностью управлял им, трупов было бы гораздо больше. Демоны не отличаются терпением. Демон не отпустил бы Уоррена, не позволил бы мне и Стефану уйти.

Но Литтлтон «новый» вампир, а те, кто недавно стал вампиром, нерассуждающие орудия своих создателей.

Так какую выгоду демон извлекает из действий Литтлтона? Литтлтон почти несомненно убил Стефана и Бена и едва не убил Уоррена, но я была уверена, что вервольфы — лишь побочные жертвы. Никто не мог предсказать, что вервольфы вмешаются в происходящее.

А что дают вампиру позор Дэниэла и смерть Стефана? Стефан был любимцем Марсили. Может, это нападение косвенно направлено против Марсили?

Я постучала по рулю. Будь семья волчьей стаей, я бы лучше понимала ее действия. Тем не менее, Марсия послала Стефана и притворилась, что это наказание. Ради кого притворилась? Если бы вся семья покорно повиновалась ее воле, ей это было бы не нужно. Так может, она с трудом держит в узде своих вампиров?

Может, кто-то послал Литтлтона уничтожить ее и захватить власть над семьей? Как вампир становится господином семьи? Может ли создатель Литтлтона находиться в Тройном городе? Если он здесь, то может ли прятаться от других вампиров? Мне нужно больше сведений. О Марсии и ее семье. Больше сведений о том, что движет вампирами. И я знаю только одно место, где смогу получить эти сведения.

Я завела двигатель и поехала к зверинцу Стефана.

Глава одиннадцатая

На подъездной дорожке стоял сверкающий мотоцикл «Харлей-Дэвидсон», которого накануне не было. Я подъехала и припарковалась за ним. Мой бедный старый «кролик» выглядел возле такого шикарного соседства совершенно неуместно.

Я позвонила и долго ждала. Мама учила меня быть вежливой, и какая-то часть меня сожалела, что я беспокою их в часы, когда они, вероятно, привыкли спать. Но чувство вины не помешало мне позвонить вторично.

Открыла Рейчел, и, похоже, она провела тяжелую ночь, как и я. На ней была тонкая ярко-желтая футболка, оставлявшая широкий просвет между краем и низко сидящими джинсами. В пупке у нее было кольцо с сапфиром, который сверкал, когда она двигалась. Мне пришлось заставить себя смотреть ей в лицо: вдоль челюсти несколько синяков, которых вчера не было. И на предплечье багровый отпечаток пальцев: кто-то схватил ее.

Она ничего не сказала, только позволила мне смотреть на себя и сама так же смотрела на меня. Несомненно, увидела общую помятость и мешки под глазами от недосыпа.

— Мне нужно больше информации, — сказала я.

Она кивнула и посторонилась, чтобы я могла войти. Ступив за порог, я сразу услышала, что кто-то плачет — мужчина. Молодой. Плач был безнадежный.

— Что здесь случилось? — спросила я, идя вслед за Рейчел в кухню, откуда доносились всхлипывания.

За кухонным столом сидела Наоми. Выглядела она на десять лет старше, чем вчера. На ней был все тот же строгий костюм, но помятый и потрепанный. Она мельком посмотрела на меня и снова обратила все свое внимание к чашке кофе; пила она подчеркнуто неторопливо и спокойно.

Ни она, ни Рейчел словно не замечали молодого человека, скорчившегося на полу в углу у раковины. Я не видела его лица, потому что он был к нам спиной. Он раскачивался, ритм его движений прерывали всхлипы; от них его плечи дрожали. Он что-то бормотал про себя, но даже я, с моим слухом, не могла разобрать слова.

— Кофе? — спросила Рейчел, не отвечая на мой вопрос.

— Нет.

Съеденное все еще камнем лежало в желудке. И я не была уверена, что оно там останется, если добавить кофе.

Рейчел достала для себя чашку и налила в нее кофе из промышленных размеров кофеварки, стоявшей на стойке. Пахло хорошо. Французская ваниль, подумала я. Запах успокаивал лучше, чем это сделал бы вкус. Я придвинула к себе соседний с Наоми стул, тот самый, на котором сидела накануне, и, посмотрев на мужчину в углу, снова спросила:

— Что с вами?

Наоми посмотрела на меня и фыркнула.

— Вампиры. А с вами что?

— Вампиры, — ответила я. Усмешка на лице Наоми казалась неестественной, не вязалась с ее характером; впрочем, я недостаточно ее знала, чтобы утверждать наверняка.

Рейчел подтащила стул и села напротив нас с Наоми.

— Не срывайся на ней. Не забывай, она друг Стефана, Она не из них.

Наоми снова посмотрела в свою чашку, и я поняла, что до спокойствия ей очень далеко,

она была за гранью страха, потому что самое плохое уже случилось и помочь ничем нельзя. Я узнала это выражение. Его мне часто приходилось видеть у вервольфов.

О том, что случилось, рассказала Рейчел.

— Когда вчера утром Стефан не вернулся, Джой, — это сокращенное от Джозефина, — решила уехать, пока можно. — Рейчел не пила свой кофе, только поворачивала чашку в руках. — Но после твоего ухода я услышала ее мотоцикл на подъездной дорожке. Спутать этот звук ни с чем невозможно. — Она выпустила чашку и вытерла руки о бедра. — Я дура. Надо было догадаться, особенно после Дэниэла. Но это была Джой.

— Джой здесь дольше всех, — сказала Наоми, когда стало ясно, что Рейчел закончила говорить. — Она уже была привязана к Стефану.

Заметив мое удивление, она объяснила:

— Это означает, что она была почти одной из них. Случилось все, кроме самой перемены. Чем дольше к моменту смерти они пробудут привязанными, тем больше шансов, что они восстанут из мертвых. Стефан терпелив, его подопечные почти всегда восстают. Он ждет годами, гораздо дольше, чем другие вампиры.

Она рассказывала мне все это, чтобы не продолжать свою историю.

— А Дэниэл?

Она кивнула.

— Да, он был привязан, но только чуть-чуть. Это дано не всем. Он был слишком нов, чтобы не сомневаться в переходе. Настоящее чудо, что он выжил. Стефан ужасно рассердился. — Она отпила кофе и поморщилась. — Ненавижу холодный кофе. — Тем не менее, она опять пригубила. — Знаешь, Андре сделал это нарочно. Одна из их глупых игр в старшинство. Андре страшно ревновал Стефана, потому что Марсилия к нему благоволила, но в то же время любил Стефана, как брата. И поэтому в сердцах напал на одного из нас. Вампирам их овцы обычно безразличны.

— А что случилось с Джой? — спросила я.

— Она умерла, — сказала Наоми своей кофейной чашке.

— Навсегда, — добавила Рейчел. — Я думала, это она приехала. На ней был шлем, и она никому, даже Стефану, не позволяла прикасаться к своему мотоциклу. Когда я наконец поняла, что водитель ниже ее ростом, я попыталась убежать в дом.

— Она схватила тебя за руку? — предположила я. Догадаться нетрудно — такое кольцо синяков на руке!

Рейчел кивнула.

— И зажала мне рот, чтобы я не могла кричать. Потом подъехала машина, одна из машин семьи.

Как та, в которой накануне ездил Андре. Я иногда обихаживала их в счет платы семье. Любой бизнес в Тройном городе, если он не дочерняя компания при более мощной структуре, платит вампирам за «крышу». Так я впервые познакомилась со Стефаном. Он помог мне заменить плату наличными работой — в основном с его микроавтобусом, но иногда и с другими машинами семьи. Все это были мерседесы и БМВ, большие черные седаны с тонированными стеклами, именно такие, в каких ожидаешь увидеть вампиров.

— Они открыли багажник, и я подумала, что они засунут меня туда, но все было гораздо хуже. Там уже лежала Джой.

Она неожиданно вскочила и выбежала из комнаты. Я услышала, как ее вырвало.

— Они убили Джой и отрезали ей голову, чтобы она не могла стать одной из них. —

Наоми говорила спокойно, но ей пришлось поставить кофе, чтобы не расплескать его. — Рейчел сказали, что мы должны оставаться в доме, пока они не решат, что с нами делать. Им не нужно было убивать Джой, чтобы сообщить нам это. Они могли просто привезти ее назад, к нам, как Андре привез Дэниэла.

— Рейчел сказала «она». Это была Марсилия? — спросила я.

Наоми покачала головой.

— Это была Училка. Марсилия? Нет. Стефан был ее любимцем. Вряд ли она бы убила кого-нибудь из нас.

— Училка? — переспросила я.

— Ее настоящее имя Эстелла. Мне она напоминает злую Мэри Поппинс.

Я поняла, кого она имеет в виду.

— У них у всех есть друг для друга прозвища, Стефан был Солдат, Андре — Придворный. Стефан говорил, что это связано с верой старых вампиров: они не называли посторонним свои настоящие имена.

— Итак, Эстелла, — я нарочно назвала имя, — пошла против приказов Марсилии?

— Нет. Вероятно, нет.

— Я пытаюсь разобраться, как действует семья, — сказал я. — Поэтому я и пришла сюда.

Рейчел вернулась в комнату. Еще более бледная.

— Я думала, ты ищешь Стефана.

Я кивнула. Адам и Сэмюэль им безразличны.

— Я считаю... я считаю, что здесь происходит нечто большее, чем просто превращение колдуна в вампира. Меня, например, интересует, кто превратил колдуна в вампира.

— Вы считаете, что здесь не обошлось без другого вампира? — спросила Наоми.

— Стефан говорил, что колдун стал вампиром недавно. И мне пришло в голову, что, возможно, чудовище дергает за ниточки его создатель. Но я слишком мало знаю о вампирах, чтобы строить обоснованные догадки.

— Я знаю достаточно, — сказала Наоми медленно, выпрямляясь на стуле. В ее лице что-то изменилось, и я поняла, что контроль взяла на себя вчерашняя образованная женщина. — Я могу вам помочь, но за определенную плату.

— И какова же плата? — спросила я.

Я почему-то сомневалась, что эта дама захочет слушать мое пение: у нее нет чувства юмора дядюшки Майка. Когда эта мысль пришла мне в голову, я вдруг поняла, что, как только дядюшка Майк объявил меня своей гостьей, никто из малого народа уже не мог обидеть меня, не бросив вызов ему; именно поэтому та крупная женщина; разочарованно вздохнула, когда дядюшка Майк назвал меня своей гостьей, хотя и обрек меня на пение перед всем сборищем.

Я так погрузилась в мысли, что едва не прослушала ответ Наоми.

— У вас есть связи с вервольфами. Я хочу, чтоб Альфа вступился за нас. Если Стефан умер, мы тоже мертвы. Марсилия разбрасает нас по зверинцам других вампиров, и мы проживем там в заключении до смерти.

— Остальные вампиры просто убивают свою... — я едва не сказала «пищу» и, так как не могла придумать более вежливого выражения, просто замолчала.

Она покачала головой.

— Не специально, но большинство их не умеет владеть собой так, как Стефан. Мы

принадлежим Стефану. Это значит, что другие вампиры действуют на наше сознание по-другому. Особенно на тех, кто привязан, как Джой. Когда на привязанного воздействует другой вампир, не тот, к которому он привязан, можно ожидать чего угодно. Я слышала разговоры о том, почему Стефан не полностью подчиняется Марсили. Будто бы его создал другой вампир. Нет, они нас долго держать в живых не будут.

— Значит, если Стефан умер навсегда?..

Она мрачно улыбнулась.

— Мы все умрем.

— И вы считаете, что вервольфы могут помочь?

Она кивнула.

— Марсилия перед ними в долгу. Это долг крови. Колдун — вампир, а значит, Марсилия в ответе. Когда к охоте подключились два вервольфа, Марсилия стала отвечать и за них. И так как один из них тяжело ранен, а второй... — Она выразительно пожала плечами. — Если ваш Альфа в уплату попросит нас, она отдаст.

— Но ее будет тревожить ваше молчание.

— Если мы отойдем в собственность вервольфам, наше молчание станет их проблемой.

— Я поговорю с вервольфами, — пообещала я. — Но у меня нет особого влияния. — Особенно если и Адам с Сэмюэлем мертвы. От этой мысли мне стало трудно дышать, но я отогнала ее. — Расскажите, как устроена семья.

Наоми с видимым усилием взяла себя в руки и заговорила как самый настоящий преподаватель, каким когда-то была.

— Начну с общего, потом перейду к частностям, ладно? Но вы должны понять, что общие положения не распространяются на все частности: большинство вампиров следуют им, но не все.

— Хорошо, — ответила я, жалея, что у меня нет блокнота для записей.

— Вампир предпочитает держать под рукой постоянный запас пищи, поэтому при нем живет несколько человек, обычно от трех до семи. Трех достаточно, чтобы давать пищу в течение месяца, пока они не умрут; семерых хватает на полгода: вампир у каждого берет понемногу. Поэтому они живут дольше.

— Но в Тройном городе не исчезает ежемесячно по сорок человек, — возразила я. — А я знаю, что у Марсили больше десяти вампиров.

Наоми мрачно улыбнулась.

— Они не охотятся на своей территории. Меня Стефан нашел в Чикаго: я преподавала в Северо-Западном университете. Рейчел из Сиэтла. Я думаю, единственным, кого Стефан нашел в Тройном городе, был Дэниэл, да и тот ехал автостопом из Канады.

Почему-то ее слова о Дэниэле заставили меня посмотреть в сторону раковины, но, должно быть, пока мы разговаривали, молодой человек ушел. Думая об этом, я поняла, что уже некоторое время его не слышу. Меня встревожило то, что я не слышала, как он ушел.

— Значит, вампирам нужно постоянно пополнять свой зверинец?

— Большинству, — кивнула Наоми. — Как ты знаешь, Стефан поступает по-другому. Нас в этом доме четырнадцать постоянных жителей, и есть еще с десятков проходящих время от времени. Обычно Стефан не убивает добычу.

— А Томми? — негромко напомнила Рейчел.

Наоми пренебрежительно отмахнулась от ее слов.

— Томми был уже болен. — Она посмотрела на меня. — Когда малый народ перестал

таиться, Стефана начало тревожить то же самое, что заставило других перестать таиться. Он заявил и семье, и правящему совету вампиров, что дальше так жить нельзя, если они хотят выжить. Он и так уже содержал большой зверинец, потому что он не убивает людей, у него репутация мягкосердечного. Мне говорили, что Марсилия считает его заботу о нас «забавной».

Она иронически посмотрела на меня.

— Стефан начал экспериментировать. Он искал для вампиров возможность сосуществовать с людьми. Меня он нашел, когда я умирала от лейкемии, и предложил свой способ сохранить жизнь.

Я кое-что подсчитала в уме и удивленно посмотрела на нее.

— Рейчел сказала, что вы были преподавателем, когда Стефан вас нашел. Сколько же вам тогда было лет?

Она улыбнулась.

— Сорок один. — Значит, сейчас ей под шестьдесят. Но она совсем не выглядит на столько. Она едва ли старше меня. — Стефан уже тогда знал, что может предложить долгую жизнь: одна из его подопечных прожила почти сто лет, прежде чем ее убил другой вампир.

— Каким образом отдача крови вампиру позволяет продлевать жизнь? — спросила я.

— Обмен кровью, — сказала Рейчел и облизала палец. — Он берет у нас кровь, но немного и дает. С тех пор как я начала кормить его, я приобрела способность видеть в темноте. Я могу гнуть колесные диски.

И она посмотрела на меня из-под длинных ресниц, чтобы понять, как я приняла это откровение.

Я задумалась, а Рейчел нахмурилась: должно быть, моя реакция ее разочаровала. Возможно, она ожидала, что я ужаснусь или заинтересуюсь.

— И с 1981 года у меня ремиссия лейкемии, — прозаически сказала Наоми. — Джой говорила, что она всегда была медиумом, но после того как ее принял Стефан, она научилась двигать вещи, не касаясь их.

— Немного, — вмешалась Рейчел. — Она могла только протащить ложку по столу.

Наоми покачала головой.

— Вампиры очень помогают при таких болезнях крови, как рассеянный склероз и многие другие. Стефан добился определенного успеха и с болезнями, связанными с иммунитетом, прежде всего ВИЧ-инфекцией. Но раковым больным, за исключением страдающих лейкемией, Стефан помочь не мог. Не мог помочь и тем, у кого уже развился СПИД, как у Томми.

— Значит, Стефан пытался создать политкорректного вампира? — спросила я. Эта мысль ошеломляла. — Так и вижу заголовки: «Злой вампир хочет одного: спасти людей». Или еще лучше: «Поместье вампиров. Приходите в нашу современную общину. Мы излечим ваши болезни, сделаем вас сильнее и дадим вам вечную жизнь!»

— Присоединяйтесь к нам за ланчем! — добавила Рейчел, скаля в улыбке зубы.

Наоми бросила на меня холодный взгляд.

— Я думаю, Стефан не честолубив. И столкнулся с проблемами.

— Марсилия?

— М-м-м. — Наоми как будто задумалась. — Уже довольно давно Марсилия лишь номинальный глава. Стефан говорил, что она дует из-за своего изгнания. Но с прошлого года она начала кое-что замечать. Стефан надеялся, что она поддержит его усилия. Заставит

и остальных по- человечески относиться к своим зверинцам.

— Но... — начала я.

— Но со всем, чем занимается Стефан, возникают проблемы. Прежде всего, немногие вампиры способны содержать столько людей, сколько он, а если нас меньше двенадцати, мы начинаем умирать. И вампиры не относятся к нам, как Стефан. Немногие вампиры умеют заставить своих овец полюбить их.

Тут она посмотрела на Рейчел.

— Стефан говорил, что самая большая проблема — самоконтроль, — сказала Рейчел, не обращая внимания на Наоми. — Вампиры хищники. Они убивают свою добычу.

Наоми кивнула.

— Большинство предпочитает не сдерживаться. Они говорят, что это уничтожает наслаждение кормлением. И потом, во время кормления все они время от времени срываются. Даже Стефан. — На мгновение в ее глазах промелькнул ужас, но она опустила ресницы и спрятала его. — Чем дольше человек принадлежит вампиру, тем труднее вампиру не убить его. Стефан говорил, что с привязанными стремление убить особенно сильно и со временем только крепнет. В последние годы он на многие месяцы отправлял Джой в ее семью в Рино. И это стремление охватывает всех вампиров, а не только тех, к кому привязан человек. Поэтому Стефан и не убил Андре сразу. Дэниэл мог стать случайной жертвой.

— А зверинец самого Андре долго не живет, — сказала Рейчел. — Он не создал ни одного вампира, кроме Дэниэла, потому что убивает задолго до того, как это становится возможно.

Не знаю, что она увидела в моем лице, только очень быстро начала говорить, что Андре совсем не злой.

— Не такой, как Эстелла и другие, кто любит играть со своей пищей.

Но я ее не слушала, я смотрела в залитое слезами лицо Дэниэла. Я встречалась с ним лишь однажды и узнала скорее его запах, чем лицо. Он стоял за Рейчел, смотрел на меня и шептал. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что именно его я видела на полу у раковины. Я тогда не узнала его запах, но ведь я не всегда чую мертвых.

— Он ел меня, — шептал Дэниэл тихим лихорадочным голосом. — Он ел меня.

Снова и снова.

— Где? — спросила я, вскакивая! — Где он, Дэниэл?

Бесполезно. Дэниэл не миссис Ханна, которая отошла с миром и после смерти продолжала следовать своим привычкам. Некоторым призракам необходимо выполнить какое-нибудь важное и срочное дело: они задерживаются на несколько минут, чтобы передать последние слова любви или гнева кому-нибудь важному для них. Некоторые, особенно те, кто погиб в результате травм, подвергаются захвату в миг смерти. Это самый обычный случай, вроде пятой жены Генриха Восьмого, которая с криками бежит по залам лондонского Тауэра.

— Дэниэл? — спросила я, хотя его равнодушие лишило меня надежды.

Рейчел замолчала, вскочила со стула и уставилась на Дэниэла. Наоми продолжала смотреть на меня.

Через несколько мгновений Дэниэл растаял, и хотя его самого я больше не видела, но голос слышала.

— Ты его видела? — прошептала Рейчел.

— Жестокая шутка, — рявкнула на меня Наоми.

Я посмотрела на нее.

— Вы живете с вампирами и не верите в призраков? — спросила я.

— Дэниэл мертв, — прошептала Рейчел.

Я кивнула, а сама подумала: как вампир может стать призраком? Ведь он и так уже мертв. От недостатка сна я теряла сосредоточенность.

Наоми повернулась к девушке.

— Рейчел?

— Я тоже его видела, — глухо сказала та. — Всего мгновение, но это был он. Может, он жив? Стефан ничего не позволил бы сделать с Дэниэлом, будь он сам жив.

Она с легким испугом огляделась и вышла. Я слышала ее быстрые шаги на лестнице.

— Что он вам сказал?

Из слов Наоми трудно было понять, верит она мне или нет, но это и неважно.

— Ничего.

Я решила не делиться с ней. Это никому здесь не поможет, и не похоже, чтобы и Рейчел его слышала. Я встала, открыла шкаф и поискала в нем. Нашла стакан, налила воды и выпила, делая вид, что это не из-за испуга — просто у меня пересохло в горле. Неужели колдун действительно ел Дэниэла?

В полном объеме: цвет, запах, звук;— возникло непрошеное воспоминание о том, как Литтлтон убил горничную в отеле. Всего на миг, но я снова оказалась в номере отеля. Должно быть, я ничем себя не выдала, потому что, когда вернулась к Наоми, та не смотрела на меня как на сумасшедшую. Я осторожно поставила стакан на стойку.

— Если вампиры живут в своих зверинцах, — сказала я, гордясь своим спокойным тоном, — то кто живет в семье?

— Только самые сильные вампиры могут жить самостоятельно и питаться исключительно кровью людей. Все остальные живут в семье. Они и есть зверинец Марсилии, — помедлив, объяснила Наоми.

Я обдумала это.

— Она кормится вампирами?

Наоми кивнула.

— И в обмен дает им немного, совсем немного своей крови. Без ее крови более слабые вампиры умрут. И только госпоже позволено кормить других вампиров и кормиться ими. Она держит и людей, чтобы кормить всех своих вампиров, но без ее крови они умрут.

— Позволено кормить? — переспросила я. — Если существует правило против этого, значит, она что-то получает, кормя вампиров?

— Да. Точно не знаю что. Силу или власть, я думаю. И способность ограничивать деятельность даже тех вампиров, которые ей не принадлежат. Она создала Стефана и, наверное, Андре. Но Эстелла и большинство остальных не ее. Когда Марсилия перестает заниматься делами семьи, за нее это делают Стефан и Андре. Но кое-кто из старых вампиров становится неуправляем.

— Эстелла и Берnard, — предположила я, вспомнив мужчину в щегольском костюме.

Наоми кивнула.

— Их — вампиров, способных жить за пределами семьи, — четверо: Стефан, Андре, Эстелла и Берnard. Стефан говорил, что, как только вампиры приобретают способность жить без госпожи, они стремятся обзавестись своей территорией, поэтому им разрешают приобрести собственный зверинец. — Она помолчала. — На самом деле их пять. Волшебник

живет самостоятельно.

— Волшебник? — переспросила я.

Она кивнула.

— Вольфи. Вы его видели: Стефан говорил, он присутствовал на суде. Он с виду моложе Дэниэла, и у него светлые волосы.

Подросток, управлявший магией кресла.

— Пока Марсилия не занималась семьей, Эстелла и Бернард сумели создать несколько новых вампиров и удержать их при себе.

— Они кормятся от этих новых вампиров, — сказала я, вспомнив ее объяснение. — И это делает их сильнее.

— Верно, Но в этом я не так уверена,

— Хорошо.

— По какой-то причине Марсилия не может отобрать у них новых вампиров. Наверно потому, что новые вампиры, несколько раз поменявшись кровью со своим создателем, умрут, если утратят такую возможность. Вампиры воспроизводятся с трудом и редко, поэтому они заботятся о новых. Даже если это означает, что Эстелла и Бернард постепенно приобретают все большую власть.

Таким образом, — продолжала Наоми, — в рядах вампиров разногласия. Стефан считал, что Марсилия теряет власть в семье. Открытого мятежа нет, но и всей полнотой власти госпожа больше не обладает.

— А что в ее положении меняет появление нового вампира? — спросила я, и она улыбнулась, как преподаватель хорошему вопросу студента.

— Вампир в городе стал источником неприятностей, — сказала Наоми. — Эту проблему должна решить Марсилия, но вампир оказался сильнее Стефана. Чем старше вампиры, тем больше они боятся смерти. Стефан говорил, что она послала его не для того, чтобы наказать: никто больше не хотел идти. Из пяти самых сильных вампиров ей принадлежат только Стефан и Андре.

Значит, обращаясь ко мне, она действительно была в отчаянном положении.

— А почему Марсилия не пошла к нему сама? Она госпожа и самая сильная из них.

Наоми поджала губы.

— Выступит ли твой Альфа против такого опасного существа, когда может послать своих бойцов?

— Уже выступил, — ответила я. — Альфа, который, ведет свои битвы, только опираясь на других, не остается Альфой долго.

— Он не умер.

Я повернулась на звук мужского голоса.

Стоявший в дверях мужчина выглядел лет на пятьдесят; несмотря на раздавшуюся талию, он казался очень сильным. Я взглянула на его руки и не удивилась: это были руки человека, всю жизнь занимающегося тяжелым физическим трудом. Как и я, этот человек зарабатывает на жизнь руками.

— Кто не умер, Форд? — спросила Наоми, но он словно не слышал.

Не отрывая от меня взгляда, он шагнул в комнату. Я не могла отвести глаз.

— Он не умер, — с нажимом сказал мужчина. — Если бы он умер, заклятие порога было бы снято. Я был здесь, когда приезжал Андре. Он не сумел зайти. Только Стефан делает этот дом — домом. Я бы знал, если бы он погиб.

— Прекрати, Форд, — резко сказала Наоми, и сильный запах страха отвлек меня от блестящего, переливчатого хрусталя глаз Форда.

Я моргнула и отвела взгляд. Еще светло, так что Форд не может быть вампиром, но он близок к этому.

Он схватил меня за руку и потащил к стулу, но усилий прилагал меньше, чем следовало. Я привыкла к крупным мужчинам. Сэмюэль выше шести футов ростом, однако этот человек заставлял меня чувствовать себя маленькой.

Я сделала два шага назад и между нами встала Наоми.

— Дэниэл умер, — сказала я. — Я сама видела его Призрак. Уоррен, один из вервольфов, который был со Стефаном, был тяжело ранен и брошен, чтобы его нашла стая. Не знаю, где другой волк и Стефан, но собираюсь узнать.

Наоми подошла к мужчине поближе и потрепала его по груди.

— Тш-ш-ш. Все в порядке. — Таким тоном Адам разговаривает с молодыми волками, когда те начинают нервничать. — Вам можно уйти, Мерседес, — тем же тоном продолжала она. — Форд — один из привязанных.

Это означало нечто большее, чем просто способность стать вампиром после смерти. Блеск глаз — не генетическое отклонение, это предтеча сверкающих жемчужин, какие я видела у вампиров, когда их охватывали гнев или жажда.

Форд нетерпеливо схватил Наоми — думаю, чтобы отшвырнуть ее в сторону и добраться до меня. Но она наклонила голову и подставила ему шею, и он заколебался, захваченный видом пульсирующей жилки.

Если бы она просто испугалась, я бы осталась и попыталась ей помочь. Но ее стремление к нему было слишком сильно. Форд наклонился к ее шее, а я повернулась и вышла.

И только на полмили отъехав от дома Стефана, впервые вздохнула полной грудью. Я узнала много, гораздо больше, чем ожидала, но ничто из узнанного не поможет мне найти Литтлтона. Я не знала, где содержатся другие зверинцы вампиров. И даже если бы знала, едва ли Литтлтон жил в зверинце своего создателя — если, конечно, его создатель один из вампиров Марсилии. Многие вампиры могли бы создать колдуна, чтобы навредить Марсилии. Или вампиры из других семей могли узнать о ее неприятностях и послать колдуна, чтобы уменьшить сопротивление новому господину семьи.

И все это проблемы Марсилии, а не мои. А я должна узнать, где колдун.

Я погрузилась в размышления и, только спустившись по извилистой дороге с холмов на аллювиальную равнину к востоку от Кенневика, заметила, что еду от дома.

Может, Уоррен знает, куда направились Адам и Сэмюэль в поисках Литтлтона? Я повернула и поехала к дому Адама. Прошло всего несколько часов, но вервольфы, как только приобретают способность меняться, излечиваются быстро.

Вервольф, который не пускал меня накануне вечером, снова был на дежурстве, но только опустил взгляд и без споров открыл дверь. На диванах в гостиной несколько групп, но никого из моих друзей.

— Мерси?

Джесси была на кухне. В руке она держала чашку с горячим шоколадом.

— Отец или Сэмюэль не звонили? — спросила я, хотя ответ был ясен по ее лицу.

Она покачала головой.

— Даррил сказал, ты их ищешь.

Своим тоном она задавала множество вопросов. В какой опасности ее отец? Почему его ищу я, а не вся стая?

— Как Уоррен? — спросила я, потому что мне нечего было ответить дочери Адама.

— По-прежнему плохо, — ответила она. — Даррил боится, что он не справится, потому что не выздоравливает, как полагалось бы, и ничего не ест.

— Надо посмотреть, удастся ли с ним поговорить.

Я оставила Джесси с ее какао и тревогами.

Дверь в подвал была закрыта, но я открыла ее, не постучав. Всякий, кто мог находиться в этой комнате — кроме Кайла, пожалуй, — должен был слышать мой разговор с Джесси. Я встретила с взглядом темных глаз сидевшего в кресле Даррила. Стояла на пороге и смотрела ему в глаза.

— Мерси?

Голос Кайла звучал напряженно; Кайл устал не меньше меня.

— Минутку, — ответила я, не сводя глаз с Даррила. Не знаю, может, он собирался сразу бросить мне вызов, но я не думала подчиняться его приказам.

Наконец Даррил опустил глаза. Не подчиненно, а как бы отпуская меня, но по мне и так хорошо. Ни слова не сказав, я отвернулась от него и подошла к зарешеченной комнате, у которой стоял Кайл.

— Что случилось? — спросил он.

— Глупые волчьи игры. — Я присела перед входом в клетку. Уоррен снова принял облик человека. Он лежал, свернувшись, спиной к нам. Кто-то укрыл его одеялом. — Даррил сейчас в нерешительности.

Даррил фыркнул.

Я не повернулась к нему, но ощутила, как сочувственно изогнулись мои губы.

— Подчиняться койоту — для любого волка это кость в горле, — сказала я. — Но просто сидеть, когда необходимо решать и действовать, еще хуже. Не будь Даррил таким сильным волком, он убил бы меня, когда я вошла в комнату.

Даррил рассмеялся.

— Я для тебя не опасен, Мерси. Но, конечно, я несколько смущен.

Я осмелилась посмотреть на него и успокоилась: Даррил утратил вид ленивой готовности к прыжку и выглядел просто усталым.

Я улыбнулась.

— Уоррен может разговаривать?

Даррил покачал головой.

— Сэмюэль сказал, потребуется несколько дней. Очевидно, повреждено горло. Не знаю, как отразится на этом прогнозе перемена. Он ничего не ест.

— Во сне он говорит, — сказал Кайл.

Он смотрел на Даррила, не скрывая неприязни. У Даррила всегда были проблемы с Уорреном, еще до того как Даррил узнал, что Уоррен не подчиняется ему. Доминантные волки всегда настороженно относятся друг к другу, если только один из них не Альфа. Я хочу сказать, что в присутствии Уоррена Даррил всегда становился высокомерно-властным.

— Что он сказал? — рявкнул Даррил, резко двигая вперед свой стул.

— Ничего, что тебя касалось бы, — ответил Кайл, не думая о том, как опасно раздражать вервольфа.

Но меня больше заинтересовало, как напряглись плечи Уоррена.

— Вы потревожите его, если начнете спорить, — сказала я. — Даррил, от Брана ничего не было?

Даррил кивнул, не сводя глаз с Кайла.

— Он приедет. Ему нужно было закончить какие-то дела, поэтому приедет он только поздно вечером.

— Хорошо, — сказала я. — А теперь иди наверх и поешь.

Он удивленно посмотрел на меня.

Я улыбнулась.

— Голодный вервольф — раздражительный вервольф, Поешь, пока не съел кого-нибудь.

Он встал и потянулся; скованность движений подсказала мне, что он провел на этом стуле всю ночь.

Я подождала, пока он выйдет, и открыла дверь клетки.

— Последние несколько часов Даррил непрерывно внушал мне, что это не лучшая мысль, — заметил Кайл.

— Наверно, так и есть, — согласилась я. — Но сегодня утром Уоррен ко мне прислушался.

Я села на край матраса и потянула одеяло, чтобы лучше укрыть ноги Уоррена. Потом устроилась между стеной и Уорреном.

Наши лица разделяло несколько дюймов, и я увидел, как дернулись его разорванные ноздри: Уоррен вздохнул и уловил мой запах. Он понял, что это я. За минувшие часы он не стал выглядеть лучше, кровоподтеки еще больше потемнели, нос и губы распухли. Даррил прав: Уоррен должен был бы излечиваться быстрее.

Но Кайл сказал, что он говорит...

— Все в порядке, — сказала я Уоррену. — Здесь только мы с Кайлом.

Его ресницы дрогнули, один глаз приоткрылся, потом снова закрылся.

— Адам и Сэмюэль пропали, — продолжила я. — Дэниэл мертв.

Он снова приоткрыл глаз и издал легкий звук.

— Он был жив, когда ты его видел в последний раз?

Легкое движение, которое можно принять и за кивок. Я коснулась щеки Уоррена там, где не было кровоподтеков, и он еле заметно расслабился.

Язык жестов у волков не менее выразителен, чем слова.

— Ты говорил Адаму и Сэмюэлю, где найти Литтлтона? — спросила я.

Сердце Уоррена забилось быстрее, он чуть повернулся на матрасе, открыл один глаз, и оттуда выкатилась слеза.

Я коснулась его губ.

— Ш-ш-ш. Ш-ш-ш. Не ты. Я поняла. Но кто-то им сказал.

Он смотрел на меня глазами, полными муки.

— Ты знаешь, куда они пошли?

— Перед уходом кто-то звонил Сэмюэлю, — вспомнил Кайл.

Я ошеломленно посмотрела на Кайла, который сидел на полу по другую сторону от Уоррена.

— Почему ты никому не сказал?

— Даррил не спрашивал, — ответил он. — Он считал, что я все время проспал, и не желал слушать, когда я пытался заговорить с ним. Мне следовало сказать тебе об этом раньше, но, если честно, я был немного занят.

Я расслабилась. Проклятые вервольфы! Даррилу, наверно, и в голову не пришло выслушать человека. Даррил — доктор философии. Можно думать, что у него довольно мозгов, чтобы прислушаться к словам одного из лучших адвокатов штата, к тому же с дипломом Лиги Плюща^[44].

— Если ты думаешь, что присутствие человека их раздражает, тебе надо попробовать побыть койотом, — сказала я. — Так что же говорил Сэмюэль?

Я не надеялась услышать что-нибудь полезное. Будь это указание на то, куда они направляются, гордость не помешала бы Кайлу поставить Даррила в известность.

— У Сэмюэля не было возможности что-то сказать звонившему. Тот позвонил, сказал несколько слов и повесил трубку. Сэмюэль схватил Адама и сказал: «Пошли!»

Я печально посмотрела на него.

— Они тоже не обратили на тебя внимания.

На этот раз он устало улыбнулся.

— Я не привык к такому обращению.

— Меня раздражает, когда они и со мной обращаются так же. — Я посмотрела на Уоррена. — Ты слышал, что сказал звонивший?

Я не ждала ответа, так что Уоррен удивил меня.

Разбитыми губами Уоррен попытался выговорить какое-то слово. Я внимательно слушала, но понял Кайл, склонившийся к матрасу.

— Западня?

— Уоррен, я знаю, что вервольфы должны были держаться подальше от Литтлтона, — обратилась я к нему. — Это он позвонил им и велел прийти?

Он чуть повернул голову — достаточно, чтобы истолковать это как подтверждение.

— Ты слышал, куда? — Он не шелохнулся. — Уоррен, я не позволю волкам приближаться к нему. До приезда Брана ни Кайл, ни я не скажем стае, где они. Только вампирам. В конце концов, это их проблема.

Он попробовал что-то сказать, но мы с Кайлом не могли понять, что он говорит. Наконец Кайл сказал:

— Послушай, это очевидно не «да» или «нет». Уоррен, дорогой, ты слышал часть слов?

Явно уставший от усилий Уоррен кивнул. Обмякнув, он произнес еще одно слово.

— Церковь? — переспросила я и по лицу Уоррена поняла, что расслышала верно. — И это все? — Я коснулась его лица, и он еще больше расслабился. — Спи, Уоррен. Мы постараемся, чтобы Бран все узнал.

Он с дрожью вздохнул и потерял сознание.

— Кайл, пожалуйста, передай все, что мы услышали Брану, когда он здесь появится. Он будет сегодня поздно вечером или завтра рано утром.

И я как можно осторожнее встала с постели Уоррена.

— Скажу. А ты что собираешься делать?

Я потеряла лицо. Понадобилось огромное усилие воли, чтобы встать с постели, тогда как все тело требовало, чтобы я свернулась рядом с Уорреном и уснула.

— Если до наступления ночи узнаю, где Литтлтон, сумею его убить.

С помощью детского набора «убей вампира» в багажнике машины.

— Я могу помочь?

— Только оставаясь с Уорреном. Попытайся покормить его, когда он снова придет в себя.

Кайл посмотрел на Уоррена. На его лице не было обычного сардонического выражения.
— Когда найдешь ублюдка, который это сделал, убей его так, чтобы ему было больно.

Я заставила его встать и выйти со мной из клетки. Не думаю, чтобы Уоррен причинил ему вред, но рисковать не хотелось.

Зазвонил мой телефон. Тони.

— Ты не поверишь, сказал он. — И не знаю, чем это поможет.

— Что именно? — спросила я.

— Все дневные инциденты, за редкими исключениями, происходят в Кенневике. И как будто сосредоточены вокруг КУП.

— Полицейского управления Кенневика?

— Вот именно. Хотя можно сказать, что они сосредоточены и вокруг Кенневикской средней школы или твоего дома. Не имеет значения. Но полицейский участок прямо посередине.

— Насколько широк разброс?

— Три — три с половиной мили. Некоторые инциденты за рекой в Паско. Есть исключения, и наши специалисты говорят, что это может иметь значение. Несколько в Ричленде, Бентон-сити и Бербанке. Это что-нибудь дает?

— Не знаю, — ответила я. — Может быть. Спасибо, Тони. Я у тебя в долгу.

— Ты только останови эту тварь.

Постараюсь.

На верху лестницы я встретила Даррила.

— Ты была права, — сообщил он. — Еда помогла.

— М-м-м, — сказала я. — Сэмюэлю вчера вечером звонили. Но Уоррен не знает, куда они пошли.

— Уоррен пришел в себя и говорит?

Я покачала головой.

— Я бы не назвала это разговором, и сейчас он снова спит. Телефонный звонок слышал Кайл. И, очевидно, пытался рассказать тебе. — Я видела, что он понял. — В следующий раз попробуй прислушаться к Кайлу, — мягко сказала я и, чтобы подтолкнуть его, спросила: — Не знаешь, почему моя способность говорить с призраками пугает вампиров?

Он отрицательно хмыкнул.

— Не понимаю, чем это может помочь. Насколько мне известно, призраки — это зло.

И прошел мимо, не задев меня.

Думаю, он даже не понял, как помог мне.

Призраки не люди. Как бы хорошо миссис Ханна ни разговаривала, она все равно лишь воспоминание о той, кем была.

Какая я дура!

Она же сказала, что изменила свой маршрут, а я подумала лишь о том, как это печально: без своих привычек она, вероятно, быстро исчезнет. Но я не задумалась, почему она так поступила. Призраки обычно этого не делают. Кто-то ей посоветовал, по ее словам. Не помню кто, только помню, что имя было мужское. Она разгуливала по всему Кенневику. И если колдун в Кенневике, могла его встретить.

Когда я бегом поднималась по лестнице, из кухни выглянула Джесси.

— Мерси? Узнала что-нибудь?

— Может быть, — ответила я, спеша к выходу. — Но сейчас мне нужно кое-кого найти.

Я посмотрела на часы. Восемь тридцать семь. До наступления ночи (если колдуну для пробуждения нужна полная темнота) примерно полтора часа.

Глава двенадцатая

Большую часть того времени, что я прожила в Тройном городе, миссис Ханна с утра до вечера таскала свою тележку по одному и тому же маршруту. Я никогда не ходила за ней, но видела ее во многих местах и хорошо представляла себе ее путь. Я не знала, как она его изменила, поэтому смотреть придётся много где.

Миновав первую церковь, я остановила машину; вытащила блокнот, который взяла с собой, и записала название церкви и ее адрес. Спустя час у меня уже был список из одиннадцати церквей относительно близко к КУП, но ни на одной не было яркими буквами написано «здесь спит колдун»; Солнце уже опустилось низко, и у меня схватило живот от страха.

Если миссис Ханна сменила маршрут не из-за Литтлтона, я зря потратила последний час. Если я права, у меня все равно нет времени.

К тому же мест, где можно поискать, больше не было. Я ехала по Кенневик-Хай и старалась сообразить. Если бы миссис Ханна не сменила маршрут, ее было бы легче найти. Если бы она не была мертва, было бы еще легче. Я рассчитывала на свою способность увидеть ее, но призраки часто проявляют себя только в сфере восприятия отдельных органов чувств: бестелесные голоса, холодные места, странные запахи.

Если быстренько не найти миссис Ханна, стемнеет, и мне придется столкнуться с Литтлтоном как с демоном и вампиром на пике его силы.

Я остановилась перед светофором на углу Гарфилд и Десятой. Это один из тех светофоров, где красный свет горит долго, даже если нет никакого движения. «По крайней мере я могу не встречаться в темноте с Литтлтоном в одиночку: можно позвонить Андре. — Я нетерпеливо постучала по рулю, дожидаясь, когда красный погаснет. — Но, если я не найду миссис Ханну до темноты, я вообще не найду ее». Миссис Ханна на ночь уходит домой.

Я повторила это вслух, потому что не могла поверить в собственную глупость.

— Миссис Ханна на ночь уходит домой.

Встречного движения по-прежнему не было, поэтому я газанула и впервые в жизни проехала на красный свет. Миссис Ханна жила в маленьком трейлере у реки, к востоку от Голубого моста, я добралась туда через пять минут (и три красных светофора). Трижды проехав на красный.

Я увидела, что она катит свою тележку по тротуару мимо магазина «фольксвагенов». Припарковавшись не на той стороне улицы, я выскочила из машины, подавив желание окликнуть миссис Ханна по имени. Испуганные призраки часто исчезают.

Помня об этом, я вообще ничего не говорила, пока не поравнялась с ней. И просто с полквартала прошла рядом.

— Прекрасный вечер, — сказала она наконец. — Думаю, погода скоро изменится.

— Очень надеюсь. — Я дважды перевела дух. — Миссис Ханна, простите за грубость, но меня удивили перемены в вашей обычной прогулке.

— Конечно, дорогая, — с отсутствующим видом сказала она. — Как твой молодой человек?

— В том-то и проблема, — ответила я. — Думаю, у него неприятности. Не скажете, почему вы подошли к моей мастерской в необычное время?

— О да. Это очень печально. Джо сказал, что мой обычный маршрут небезопасен. Напуганный Кенневик становится таким большим городом, не правда ли? Ужасно, что женщина даже днем не может ходить по городу без риска для себя.

— Да, это ужасно, — согласилась я. — А кто такой Джо и какие места он считает для вас опасными?

Она остановила тележку и ласково улыбнулась.

— О, ты знаешь Джо, дорогая. Он целую вечность был служителем в старой конгрегационной церкви^[45]. И очень расстраивается из-за того, что произошло с его зданием, но кто советуется со служителем?

— А где это? — спросила я.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Я вас знаю, дорогая? Ваше лицо кажется мне знакомым. — Прежде чем я нашла подходящий ответ, она посмотрела на закатное солнце. — Боюсь, мне пора. Сейчас в темноте небезопасно, знаете ли.

Она оставила меня одну на парковке.

— Конгрегационная церковь, — сказала я, бегом возвращаясь к машине. Я знала, что ни на одной из церквей в моем списке нет таблички «конгрегационная», но у меня с собой в машине был телефонный справочник.

На желтых страницах конгрегационных церквей не было вообще, поэтому я перешла на белые и нашла одну в Паско, что не очень помогало. Маршрут миссис Ханны никогда не пересекал реку.

Я достала телефон и набрала номер Гэбриэла. Одна из его младших сестер увлекается призраками. Если матери нет поблизости и если дать ей возможность, она все время, пока убивает у меня, будет рассказывать о призраках.

— Привет, Мерси, — сказал он. — Что случилось?

— Мне нужно поговорить с Розалиндой об истории местных призраков, — ответила я. — Она там?

Небольшая пауза.

— У тебя неприятности с призраками?

— Нет, но мне нужно найти одного из них.

Он сказал мимо трубки:

— Розалинда, иди сюда.

— Я смотрю телевизор, пусть сделает Тия. Она сегодня еще ничего не делала.

— Это не работа. Тебя хочет расспросить Мерси.

Последовал легкий шум: Гэбриэл передавал телефон.

— Алло?

Со мной она говорила совсем не так решительно, как с братом.

— Ты как-то говорила мне, что делала в школе доклад о местных призраках.

— Да, — ответила она с чуть большим энтузиазмом. — И получила пятерку.

— Ты не слышала о призраке церковного служки по имени Джо?

Он не обязательно должен быть призраком, подумала я. В конце концов, я ведь разговаривала с миссис Ханна, а я не призрак. Но даже если он призрак, о нем совсем не обязательно существуют рассказы.

— О да! Да! — Гэбриэл говорит совсем без акцента, но у его сестры испанские гласные добавляют сочности ее голосу, особенно когда она воодушевляется. — Джо очень известен.

Он всю жизнь убирал церковь, до шестидесяти четырех лет, кажется. Однажды в воскресенье, когда священник... они его называют по-другому, кажется, пастор или проповедник... В общем, когда он пришел открывать церковь, Джо мертвый лежал на кухне. И остался в церкви. Я разговаривала с несколькими людьми, которые ходили в ту церковь. Они говорят, по ночам, когда в церкви никого нет, там горят огни. И двери закрываются сами по себе. Один сказал, что видел Джо на лестнице, но я не знаю, можно ли ему верить. Этот человек любит привирать.

— А где это? — спросила я.

— Да не очень далеко от нашей квартиры, — ответила она. — Вниз по Второй или Третьей, в нескольких кварталах от Вашингтона. — И недалеко от полицейского участка. — Я туда ходила снимать. Это теперь не церковь. Верующие построили себе новое здание, а это лет двадцать назад продали другой церкви. Потом его перепродали другим людям, а те устроили там частную школу. И обанкротились. Был развод и самоубийство — не помню, то ли мужа, то ли жены. Когда я была там, церковь пустовала.

— Спасибо, Розалинда, — сказала я. — Именно это мне и нужно.

— Вы верите в призраков? — спросила она. — Мама говорит, это вздор.

— Может, она и права, — ответила я, не желая опровергать слова ее матери. — Но очень многие верят во всякий вздор. Так что будь осторожна.

Она рассмеялась.

— Вы тоже. До свидания, Мерси.

Я дала отбой и посмотрела на темнеющее небо. Есть только один способ узнать, встали ли вампиры. Я достала из кармана карточку Андре и позвонила ему.

— Привет, Мерси, — отозвался он. — Что мы делаем сегодня вечером?

Как только Андре ответил, я поняла, что шансов застать колдуна спящим нет. Можно подождать утра. И тогда пойти к нему с Браном. Мне казалось, что Брану колдун нипочем. Я и представить себе не могу, что способно нарушить ледяное спокойствие Брана.

Но если ждать помощи, ждать утра, Адам и Сэмюэль наверняка умрут.

— Я знаю, где он, — сказала я. — Встретимся у моей мастерской.

— Замечательно. Буду там, как только смогу. Нужно кое-что приготовить, но я быстро.

Я поехала к мастерской и стала ждать. Набрала сотовый Брана, но услышала автоответчик. И приняла это как доказательство того, что он появится слишком поздно, чтобы помочь. Я попросила Брана заглянуть в мой сейф, и назвала комбинацию. Потом села за компьютер и занесла в него все относящееся к моим действиям и к тому, что произошло с другими после появления Литтлтона.

Когда я закончила, Андре еще не было, поэтому я проверила свою электронную почту. Два письма от мамы, но третье с незнакомого адреса и с прикрепленным файлом. Я уже собиралась стереть его, когда увидела тему — КОРИ ЛИТТЛТОН.

Бекворт, верный своему слову, раздобыл для меня информацию о Литопоне. Его письмо было кратким и деловым.

Мисс Томпсон,

здесь вся информация, которую я сумел раздобыть. Источник — мой друг в чикагской полиции, который мне обязан. Литтлтон исчез из Чикаго примерно год назад, когда был подозреваемым в убийстве. Мой друг написал, что, если я знаю, где Литтлтон, он будет признателен за эти сведения. Его также разыскивает ФБР.

Еще раз спасибо,
Бекворт.

К этому прилагались четыре файла в формате pdf и несколько в формате jpg. Первая картинка — цветной снимок Литтлтона в полный рост на углу городской улицы. В правом углу снимка дата: апрель прошлого года.

На снимке он фунтов на сорок тяжелее, чем когда я видела его в последний раз. Не скажу наверняка, но что-то в его позе убедило меня, что здесь он еще человек.

Я открыла второй снимок. Литтлтон в ночном клубе говорит с каким-то мужчиной. Лицо у Литтлтона оживленное, какого я никогда не видела ни у кого из вампиров. Мужчина, с которым он беседует, стоит так, что мне виден только его профиль. Но этого достаточно. Это был Андре.

Андре подъехал, когда я заканчивала распечатывать второй снимок для Брана. Я бросила распечатку в сейф, схватила свой рюкзак убийцы вампиров и пошла навстречу своей судьбе.

Андре увез меня с моей парковки в своем черном BMB-Z8. Машина подходила ему так же, как «Таинственная машина» Стефану. Это меня не удивило: я никогда не считала Андре элегантным и сильным. Я бросила на него быстрый взгляд из-под ресниц и поняла: сегодня он и элегантен и силен — напоминает мне, что принадлежит к числу шести самых сильных вампиров в семье.

Это он превратил колдуна в вампира, чтобы стать самым сильным. И я готова была прозакладывать свою жизнь, но в ту ночь, когда мы со Стефаном встретились с Литтлтоном, Андре не контролировал колдуна.

Андре был для меня загадкой, поэтому я доверяла мнению Стефана и его зверинца: Андре верен Марсии и ревнует к Стефану.

На Дэниэле проверили, что Литтлтон может сделать с недавно созданным вампиром. Если бы дела пошли плохо, Андре мог вмешаться. В конце концов, Дэниэл принадлежал ему. Но Литтлтон доказал свою силу, и Андре нацелил его на Стефана. Однако если бы Андре по-прежнему был верен Марсии, он ни за что не допустил бы кровопролития в отеле. Слишком уж легко оно привлекало внимание к вампирам. Стефан уцелел, и поэтому я решила, что в ту ночь Литтлтон не повиновался приказам. Я думала, что Андре убил бы Стефана. Не из-за Марсии, а потому что Стефан всегда превосходил Андре.

И вот я села в машину с вампиром, создавшим Литтлтона, потому что поверила — колдун нужен ему не меньше, чем мне: Андре не мог предоставить Литтлтону свободу действий, создающую все больше хлопот. Я села в машину еще и потому, что Андре был моим единственным шансом сохранить жизнь Адаму и Сэмюэлю.

— Церковь — это священная земля, — сообщил Андре, когда я объяснила, куда мы направляемся. — Он не может быть в церкви: он вампир.

Я потеряла лицо, не обращая внимания на тихий голос, твердивший; «Мы должны их найти», и попробовала думать. Я ужасно устала. И с удивлением поняла, что не сплю уже сорок часов.

— Ладно, — сказала я, — я слыхала, что вампиры не выносят священной земли. — Один из редких правдивых рассказов среди десятков лживых, например о том, что вампиры ходят по воде. — Но если Литтлтон все-таки в церкви, как ты это объяснишь?

Он свернул на Третью и сбросил скорость, чтобы мы могли высмотреть подходящее

здание. Сестра Гэбриэла не сказала, в какой части Вашингтона церковь. Поскольку моя мастерская к востоку, начали мы оттуда. Я нажала на несколько кнопок и наконец открыла окно. Можно приняться.

— Хорошо, — сказал Андре. — Может, демон изменил правила, но и демоны не могут вступать на священную землю. Если церковь не осквернена.

— Какое-то время она была школой, — сказала я.

Он покачал головой.

— Только если борделем. Нужен тяжкий грех, чтобы уничтожить святость церкви. Прелюбодеяние, убийство — что-нибудь в этом роде.

— А как насчет самоубийства? — спросила я.

Сестра Гэбриэла ничего не говорила о самоубийстве, но она вообще не сказала, что там случилось.

Он посмотрел на меня.

— Думаю, демону очень приятно жить в оскверненной церкви.

Движение на Вашингтоне ночью небольшое, и Андре обгонял спортивные машины, не останавливаясь у знака «Стоп».

«Пусть все кончится, — мрачно пообещала я себе, — и я никогда больше не сяду в машину, которую ведет вампир».

Розалинда была права. Церковь стояла в двух кварталах от Вашингтона. Никаких надписей, но это несомненно церковь.

Она была больше, чем я ожидала, почти в три раза просторнее церкви, куда я хожу по воскресеньям. Когда-то при ней был большой двор, но от него мало что осталось, только выгоревшие на солнце сорняки, срезанные почти до земли. От парковки уцелело чуть больше, асфальт стерся, так что это был скорее голый камень и сквозь щели в поверхности проросли сорняки. Ни следа БВМ Литтлтона я не увидела.

Увидев церковь, Андре сразу остановил машину. Он припарковался на противоположной стороне улицы, у двухэтажного дома, который когда-то мог быть деревенским.

— Я не вижу машины, — сказала я.

— Может, он уже отправился на охоту, — ответил Андре. — Но, думаю, ты права: он здесь был. Именно, в таком месте он остановился бы. — Он закрыл глаза и вдохнул. И только тут я поняла, что сегодня он не дышал, лишь перед разговором сделал несколько мелких вдохов. Должно быть, я привыкаю к вампирам. Тьфу!

Я тоже глубоко вдохнула, но вокруг было чересчур много запахов. Собаки, кошки, машины, асфальт, который весь день пекся на солнце, и растения. Не глядя, я знала, что за домом, перед которым мы стоим, растут розы и что кто-то возится с компостом. Но запахов вервольфов, демонов или вампиров, кроме Андре, не было. Я не признавала, как сильно рассчитывала на какой-нибудь знак, который сказал бы, что Адам и Сэмюэль были здесь.

— Ничего не чувствую.

Андре приподнял бровь, и я поняла, что в подходящих обстоятельствах он очень хорошо выглядит; и я была права: сегодня в нем что-то изменилось, что-то добавилось.

— Он не глуп, — сказал Андре. — Только глупый вампир оставляет след, ведущий к его двери.

В его голосе звучала гордость.

Он посмотрел на церковь и пошел через улицу. Пришлось пойти за ним.

— Может, не так явно? — спросила я.

— Если он дома, он уже знает, что мы здесь, — обнадежил Андре. — А если его нет, тем более таиться незачем.

Я старательно приняухалась и пожалела, что у роз такой сильный запах. Ничего не учуяла. Хотелось верить, что сегодня Андре будет сражаться на моей стороне.

— Если мы не собирались устроить ему сюрприз, Я спросила я, — почему ты припарковался на другой стороне улицы?

— Я заплатил за эту машину больше ста тысяч, — спокойно ответил Андре. — И она мне нравится. Не хотелось бы, чтобы она пострадала во время свары.

— Почему ты не слишком боишься Литтлтона?

Сама я боялась. Я чувствовала запах своего страха. Он перебивал аромат роз, который, как ни странно, на это стороне улицы стал сильнее.

Андре перешел улицу, шагнул на тротуар, остановился и посмотрел на меня.

— Сегодня вечером я хорошо поел, — сказал он со странной улыбкой. — Сама госпожа оказала мне такую честь. Связи между нами окрепли, во мне ее кровь, и теперь я могу использовать ее силу и способности. Теперь, чтобы одолеть нас, нужно нечто большее, чем недавно созданный вампир, пусть даже одержимый демоном.

Я вспомнила, как легко Литтлтон подчинил себе Стефана, и сомнения меня не покинули.

— Почему тогда Марсилия не пошла сама? — спросила я,

Он даже рот разинул от удивления.

— Госпожа — леди. Женщины не участвуют в схватках.

— Поэтому ты прихватил меня?

Он открыл рот и закрыл, несколько смущенный тем, что собирался мне сказать.

— Что? — спросила я, начиная веселиться; это гораздо лучше, чем испытывать ужас. — Разве вежливо говорить женщине, что ею можно пожертвовать, потому что она не вампир?

Он ничего не ответил и начал подниматься по бетонным ступеням к побитой двойной двери, которую не красили уже много лет. Я пошла за ним, но держалась на шаг сзади.

— Невежливо, — сказал он, наконец, положив руку на ручку двери. — А я предпочитаю быть вежливым. — Повернулся и сверху вниз посмотрел на меня. — Госпожа уверена, что ты единственная можешь найти вампира. Иногда она умеет заглядывать в будущее. Не часто, но то, что она видит, обычно сбывается.

— Мы уцелеем? — спросила я.

Он покачал головой.

— Не знаю. Но понимаю, что ты идешь на большой риск ради чести семьи. Такая хрупкая, — он протянул руку и коснулся пальцами моей щеки. — Почти как человек. Клянусь честью, я сделаю все, чтобы ты оставалась в безопасности.

Он посмотрел мне в глаза, я сделала два быстрых шага вперед и едва не упала со ступенек. Чести Стефана я доверяю, а вот относительно чести Андре у меня есть сомнения.

Обе двери закрыты. Но не снабжены заклятием, удерживающим вампира. Андре нажал на дверь плечом, и она открылась. Очевидно, сегодня мы действуем грубо.

Я сняла с плеча рюкзак Зи и достала кол и нож. Зи положил также пояс и ножны, так что мне не придется передвигаться с ножом в одной руке и колом в другой. Я ждала, что Андре спросит, зачем мне нож, но он не смотрел на меня. Все его внимание сосредоточилось на двери.

Андре стоял на пороге.

— А что будет, если это по-прежнему священная земля? — спросила я, торопливо повязывая пояс.

— Я вспыхну ярким пламенем и сгорю, — ответил он. — Но, будь это священная земля, я бы уже почувствовал. — С этими словами он перешагнул через порог и оказался в церкви. — Это не священная земля, — сказал он мне, как будто это было непонятно.

Я прошла за ним в притвор и огляделась. Притвор достаточно велик, чтобы там удобно расположилось десять-двадцать человек. На полу линолеум, потрескавшийся и поблекший от времени. Наверх вела широкая лестница с резными перилами. Рядом с лестницей две открытые двери, через которые я видела большое пустое помещение, должно быть, алтарь.

В помещении темно, но сквозь высокие окна пробивается свет уличных фонарей. Человеку здесь было бы трудно передвигаться, но нам с Андре света хватало.

Он прошел в двери алтаря и принялся.

— Иди сюда, ходячая, — сказал Андре суровым мрачным голосом. — Скажи, что ты чувствуешь.

Я могла бы сказать со своего места, но сунула голову алтарь.

Над нами на два этажа вверх уходили стены с окнами, сквозь матовые стекла сочилось тусклое освещение городской ночи. Пол деревянный, и к нему привинчены ряды скамей.

Стены и окна покрыты надписями, очевидно, сделанными соседскими мальчишками. Не могу представить себе вампира или демона, который стал бы писать «Позвони, если хочешь хорошо провести время» или «Хуан любит Пегги», Были и эмблемы нескольких городских шак.

На противоположной от нас стороне — возвышение, Как и все остальное, помост ограблен, орган или пианино давно исчезли. Но кто-то собрал стол из шлакоблоков. Мне не понадобилось подходить ближе, чтобы понять, для чего использовался этот стол.

— Кровь и смерть, — сказала я. Закрывает глаза. Это помогло улавливать слабые запахи и не заплакать. — Бен, — говорила я. — Уоррен. Дэниэл. И Литтлтон.

Мы нашли логово колдуна.

— Но не Стефан, — сказал Андре. Он стоял за мной, и его голос отражался от высокого потолка.

Я ничего не могла прочесть в его голосе, но оттого, что Андре стоял у меня за спиной, мне было не по себе. Я помнила, как Наоми сказала, что все вампиры время от времени срываются, а комната пахла кровью и смертью.

Мимо Андре я вернулась в притвор.

— Да, запаха Стефана нет, — подтвердила я. — По крайней мере не здесь.

На другой стороне притвора был коридор с дверями в обеих стенах. Я открыла все двери и обнаружила три комнаты и шкаф с водонагревателем и большим плавким предохранителем.

— Здесь наверно его не может быть, — сказал Андре. — Слишком много окон.

Он не пошел за мной, ждал в притворе, пока я не закончила поиски.

Глаза его не сверкали, я сочла это добрым знаком.

— Тут есть подвал, — сказала я. — Я видела снаружи окна.

Оказалось, что лестница в подвал аккуратно спрятана под другой лестницей, на хоры. Андре, казалось, не возражал против того, что я иду за ним, пусть даже с колом, поэтому я

последовала за ним.

Наши шаги, хоть и тихие, гулко отдавались на лестнице. Воздух здесь был сухой и пыльный. Андре открыл дверь вниз, и запах резко изменился.

Я учуяла Стефана, Адама и Сэмюэля, а также Литтлтона, но сильнее всего пахло демоном. Как и в отеле, после нескольких вдохов зловоние демона вытесняло все остальное. Дверь вниз лестницы не выпускала эти запахи наружу.

Теперь мы пошли еще тише, хотя, как сказал Андре, если бы Литтлтон был здесь, он бы знал, что мы идем. В подвале было темнее, чем наверху, и обычный человек с обычным зрением мог бы вообще ничего не увидеть. Мы оказались в прихожей, такой же, как притвор наверху.

Рядом с лестницей помещались два туалета. Когда я открыла одну дверь, от нее отвалилась табличка «мужской». Свет с улицы, падавший в окна, позволил мне увидеть, что комната пуста; только у стены стоит сломанный писсуар.

Я закрыла дверь. Андре уже осмотрел второй туалет, миновал гардероб и прошел в короткий коридор с дверьми, точно такой, как наверху.

Я не пошла следом и двинулась в другую сторону от лестницы. Первая комната, куда я вошла, оказалась огромной кухней, хотя теперь на месте холодильника и печи зияла пустота. Два открытых пустых шкафа. У внутренней стены еще одна дверь. Через нее можно относить еду с кухни в комнаты на другой стороне, не возвращаясь в притвор.

Что-то пробежало у меня за спиной, я обернулась, но это была всего-навсего мышь. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, потом мышь убежала. Стук моего сердца отдавался в ушах барабанным боем. Дурацкая мышь!

Выйдя, я увидела Андре перед двойной дверью рядом с кухней. Дверь была заперта на цепь, на цепи висел новый блестящий замок.

Он положил руку на дверь, и за ней что-то негромко зарычало. Вервольф?

— Он не хотел оставлять их на свободе, — сказал Андре, не делая попыток разорвать цепь. — Эта дверь не выдержала бы вервольфа, если бы он захотел вырваться.

— Андре? — послышался голос Стефана. — Это ты? Кто с тобой?

— Стефан, — прошептал Андре, замирая.

— Открой дверь.

Я настойчиво толкнула его в плечо. Стефан жив. Если бы я могла сорвать эту дверь с петель, я бы это сделала. Стефан и по меньшей мере один из волков живы.

Андре взял в руки цепь и потянул, так что звенья сломались.

Я протиснулась мимо него, сорвала цепь, уронив ее на пол, и толкнула тяжелую дверь. И оказалась в спортивном зале размером с алтарь наверху. Маленькие окошки с одной стороны были затянуты черной бумагой и заклеены липкой лентой, но торшер, включенный в автомобильный аккумулятор, давал достаточно тусклого света.

Посреди комнаты в большой собачьей клетке, какую можно купить в зоомагазине, сидел скрестив ноги Стефан. Примерно в десяти футах от него стояло в ряд еще несколько клеток. Тугой комок во мне слегка разжался, когда я увидела длинноногого рыжего волка, мускулистого черно-серебристого, волка и огромного белого волка с хрустальными глазами: Бен, Адам и Сэмюэль.

Андре прошел мимо меня и склонился к клетке Стефана. Коснулся запора, и тусклая лампа мигнула. Магия странно действует на электричество. Я услышала гудение, и Андре резко отдернул руку и потряс ею.

— Клетки зачарованы, — сухо сказал Стефан. — Думаешь, иначе эти мои товарищи по несчастью не разнесли бы их на куски?

Я заметила, что сам он старается не касаться прутьев клетки с этой стороны. Он казался таким же худым и бледным, как всегда. Привычная футболка забрызгана свернувшейся кровью, но в остальном он выглядел обычно.

— Многие считают тебя мертвым, — сказал Андре.

— Ага, — ответил Стефан и посмотрел на меня. — И ошибаются.

Стефан жив и здоров, а вот насчет остальных я не уверена.

Я сделала шаг к клеткам, и рыжий волк — Бен — захотел не просто выйти. Он захотел съесть меня. Дядюшка Майк был нрав: демоны дурно влияют на вервольфов.

— Магия демона делает бегство из этих клеток невозможным, — сказал позади меня Стефан. Его голос звучал спокойно, но я чувствовала, что никогда не видела Стефана более сердитым.

— Сэм?|

Я подошла к белому волку. Клетка была ему мала, и ему приходилось причудливо изгибаться, чтобы не касаться прутьев. Когда я подошла, он задрожал. Сначала заскулил, потом зарычал.

В самой дальней клетке заворчал Адам, но смотрел он не на меня, а на Сэмюэля.

— Адам? — спросила я, и он посмотрел на меня. Он тоже очень сердит, запах гнева вервольфов перекрывает запах демона. Но его карие глаза чисты и холодны. Адам контролировал себя. Сэмюэль... в этом я не была уверена.

Я коснулась клетки Адама. Ничего не произошло. Ни вспышки силы, ни мигания огней. Магия меня не затронула, хотя я чувствовала, что прутья клетки под пальцами теплые. Я положила кол на пол и попробовала пустить в ход нож Зи, но не сумела прикоснуться им к прутьям. Только свет снова погас.

Дверцу держал прочный висячий замок, но углы клетки соединялись специальными креплениями — они-то и удерживали стенки клетки вместе. Я попыталась разжать их, но не смогла согнуть.

Адам заскулил. Я просунула руку сквозь прутья и коснулась его мягкой шерсти.

— Когда Литтлтон здесь, Адам тоже теряет контроль, — предупредил Стефан. — Если бы я знал, как на них действует демон, не стал бы привлекать вервольфов. Уоррен и Дэниэл мертвы.

— Уоррен не мертв. Он тяжело ранен, но приходит в себя в доме Адама, — сказала я. — А про Дэниэла я знаю.

Андре бросил на меня странный взгляд, и я поняла, что так и не сказала ему о смерти Дэниэла.

— Я рад, что ошибся насчет Уоррена. Адама я ожидал, рано или поздно, — Стефан наклонился ко мне, и его голос стал насмешливым, — но Мерседес Томпсон? Черт подери, а ты что тут делаешь?

Неожиданно, как марионетки на ниточках, все вервольфы рывком повернули головы к двери во внешней стене, которую я раньше не замечала. Адам зарычал, а Сэмюэль ударился о стену клетки. Я осторожно убрала пальцы из клетки Адама, но он не обратил на меня внимания. Я подобрала кол. Он показался мне чрезвычайно хрупким оружием против вампира.

Дверь открылась в ночь, темная фигура на мгновение остановилась на пороге и вошла.

Дверь захлопнулась.

— Андре! Какая приятная встреча! — пропел Литтлтон. Когда на его лицо упал свет, я увидела, что Зи прав: колдуны перестают быть хозяевами демонов, а демоны начинают управлять ими. Литтлтон еще не совсем утратил власть, поэтому его пленники живы, но долго это не продлится.

— Жаль, что ты пришел, когда я ходил перекусить. — На его футболке темнело пятно. Литтлтон остановился на полпути вниз и улыбнулся. — Но вот я здесь, и все хорошо. Иди сюда.

Андре убедил меня, что Марсилия дала ему достаточно сил, чтобы управиться с Литтлтоном. Я была так уверена в этом, что подумала, будто у него есть какой-то план действий, когда он обошел клетку Стефана.

Я крепче ухватила кол, закрывая его от Литтлтона своим телом, незаметно опустила рюкзак на пол и стала ждать, что сделает Андре.

Андре ниже Литтлтона, так что я видела лицо колдуна, хотя Андре стоял между нами. Я по-прежнему ждала действий Андре, когда Литтлтон наклонил голову Андре в сторону и укусил его в шею. Андре не сопротивлялся.

Литтлтон не стал кормиться, он только прокусил Андре кожу и слизал кровь. Потом рассмеялся.

— Спасибо. Какой сюрприз! Кто бы подумал, что эта эгоистичная сука поделится с тобой силой? Неужели она думала, что это поможет тебе победить, когда мы можем кормиться от прекрасного и сильного Стефана? — Он поцеловал Андре в щеку и прошептал: — Он вкуснее тебя.

На несколько мгновений он прижал Андре к себе.

— Знаешь, если бы речь шла только обо мне, я бы позволил тебе служить нам. Но мой друг, тот, что живет в моей голове, безымянный, — ему становится скучно. Вчера нас развлекали волк и Дэниэл. Сегодня я хотел использовать повелителя волков, но пришел ты. Поиграем?

Андре не противился, не пытался уйти. Он стоял неподвижно, как Стефан, когда Литтлтон убивал девушку.

Мой страх привлек внимание Литтлтона.

Он оставил Андре на прежнем месте и прошел туда, где у клетки Адама присела я.

— Маленькая девочка, которую Марсилия послала искать меня, — сказал он. — Да, я знаю о тебе. Господин вампиров умеет слушать своих детей. Ты не знала? Теперь господин я, а дитя он. Я все знаю о его планах.

Он мог говорить только об Андре.

Литтлтон наклонился ко мне. Руки у меня дрожали, и я чувствовала запах своего страха. Он был сильнее запаха демона. Мне следовало пустить в ход кол, но страх парализовал меня, и я стояла неподвижно.

— Почему Марсилия считала, что ты меня найдешь? Что значит «ходячая»? — спросил он.

Зи однажды сказал мне, что слова из Писания не действуют на вампиров, хотя на демонов и им подобных воздействовать может.

— «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного»^[46], — вырвалось у меня. Я была так испугана, что могла только шептать. Литтлтон закричал и зажал уши. Я схватила ожерелье и вытащила его из-под рубашки. Я держала его, как сверкающий щит. И

когда продолжила, голос мой окреп: — «Дабы всякий, верующий в Него».

Должно быть, то, что он зажал уши, не помогло: он опустил руки и одной схватил меня за плечо, а второй ударил.

Я открыла глаза и подумала, что не прошло нисколько времени... только я лежала на полу в пятнадцати футах от клетки Стефана, прижимаясь лицом к твердому холодному линолеуму. Облизав губы, я ощутила вкус своей крови; лицо у меня было мокрое.

Кто-то дрался.

Я повернула голову, чтобы лучше видеть.

Андре и Бен. Шерсть Бена казалась черной, когда он прыгал в тени, отыскивая слабое место в защите противника. Он бросился вперед, но Андре оказался проворнее и схватил Бена за пасть открытой рукой. Бен отскочил, почти не пострадав.

Думаю, если бы они дрались на земле или на чем-то, что дало бы опору когтям Бена, у него было бы преимущество. Но в темноте на скользком линолеуме схватка проходила почти на равных.

Литтлтон стоял спиной к свету и смотрел.

— Подождите, — сказал он, и больше всего это походило на голос разочарованного режиссера. — Стоп!

Бен гневно зарычал и повернулся к своему мучителю. Андре просто замер на месте, как внезапно выключенная заводная игрушка.

— Мне отсюда не очень хорошо видно, — сказал Литтлтон. — Поднимитесь по лестнице. Вы будете играть в церкви, а я буду смотреть с хоров.

Он повернулся и пошел к двери, которую мы оставили свисать с петель. Даже не оглянувшись, чтобы узнать, идут ли за ним, но они пошли. Андре брел в нескольких футах за колдуном, с его пальцев капала кровь Бена. Бен был менее послушен. Он остановился и заворчал на Адама и Сэмюэля, которые в свою очередь ответили ему ворчанием. Сэмюэль изо всей силы ударился о клетку, и это на три секунды выключило свет.

Когда свет снова загорелся, Бен стоял передо мной.

— Волк, — нетерпеливо сказал Литтлтон снаружи.

Бен сделал шаг ко мне и облизнул губы.

— Пошли, волк.

В этом голосе звучала сила. Я сама ее чувствовала.

Бен оскалил клыки, повернулся и выбежал из комнаты. Я слышала, как его когти стучат по каменным ступеням.

— Мерси, можешь подойти ко мне? — прошептал Стефан.

Хороший вопрос. Я попыталась шевельнуться, но с моим плечевым суставом было что-то не так. Левая рука совсем не двигалась. Я попыталась пошевелить ногами, и из глаз посыпались искры. Я поспешила вновь опустить голову на пол и сосредоточилась на вдохах и выдохах. На спине выступил холодный пот.

Досчитав до двадцати, я попробовала еще раз. Думаю, тогда я действительно потеряла сознание, но всего на мгновение.

— Нет, — сказала я. — Никаких движений в ближайшее время. Что-то неладно с плечом, и ноги не проявляют энтузиазма.

— Понятно, — сказал немного погодя Стефан. — А посмотреть на меня можешь?

Я наклонила подбородок и оторвала голову от пола, где ей так хотелось остаться. Стефан смотрел на меня, и его глаза сверкали, как огненная река.

— Да, — сказала я, и другого приглашения ему не потребовалось.

— Мерси, — сказал он, и его голос словно отозвался во всех клеточках моего тела, наполнив их целеустремленностью. — Иди ко мне.

Теперь было неважно, что рука не работает или что я не могу встать. Стефан звал, и я должна была идти.

Кто-то зарычал, замигал свет. Я краем глаза заметила, что Адам ходит из конца в конец клетки.

Дыхание вырывалось болезненно и неровно, я тащила неповинующееся тело, опираясь на здоровый локоть, потому что еще держала в руке кол.

— Замолчи, волк, — мягко сказал Стефан. — Хочешь, чтобы он спустился? У меня есть план, но, если колдун спустится слишком быстро, мы все погибнем, включая Мерси.

Когда его голос переставал звать меня, я отдыхала, не отрывая взгляда от Стефана. И когда он снова позвал, двинулась к нему.

Потребовалось много времени и стоило это немалой боли, но наконец я прижалась щекой к клетке Стефана.

— Молодец, — сказал он. — Теперь просунь пальцы сквозь прутья. Нет. Кол пока положи на пол. Хорошо. Хорошо. Вот так. Теперь отдохни.

Адам негромко зарычал, и что-то острое впилось в мой указательный палец. Боль была такой недолгой, что и тревожиться не стоило: легкая боль среди многих других. Но когда рот Стефана сомкнулся вокруг раны, я ощутила неожиданную эйфорию и всякая боль прошла.

Глава тринадцатая

Что-то холодное и горькое капает мне в рот. Я бы выплюнула, но для этого нужны слишком большие усилия. Нежные пальцы, холодные, как лед, касаются моей щеки, и кто-то шепчет мне на ухо слова любви.

Ледяная жидкость превратилась в огонь и скользнула по горлу в живот, возвращая меня к реальности; я услышала рычание. Дикий гнев в этом волчьем рыке вызвал прилив адреналина и страха, и я окончательно пришла в себя.

Я лежала, обхватив клетку Стефана. Кол закатился под меня и теперь лежал между моими ребрами и полом. Свет опять не горел, и я чувствовала запах горелой плоти, он перебивал даже запах демона.

Я знала, что не должна ясно видеть в темноте, но моя способность видеть ночью почему-то необычайно обострилась. Я видела Адама: он смотрел поверх моей головы, сморщив морду, и в его ярко-желтых глазах горел гнев, обещавший смерть.

Я чуть повернула голову, чтобы понять, на что смотрит Адам, но увидела только Стефана.

Вампир просунул пальцы сквозь прутья в нескольких дюймах над моей головой. У него был порез на руке, глубокий порез, оттуда текла кровь. Часть крови попала на решетку, но больше стекало по его пальцам на пол. Моя шея и щека стали влажными от этой крови.

Я облизала губы и почувствовала вкус крови, а может, это был самый сложный эликсир какого-то средневекового алхимика. Только что кровь была сладкой и отдавала железом, а в следующее мгновение от нее горело во рту.

Темная кровь на прутьях решетки искрилась, искры вспыхивали и на коже вампира.

Лицо его было скрыто за поднятым коленом.

— Дело сделано, — прошептал он.

Я оттолкнулась от клетки и здоровой рукой неловко постаралась отбросить его дымящуюся руку, отпихивая Стефана внутрь клетки, подальше от прутьев. Его обгорелая кожа показалась мне приятно прохладной.

Он медленно убрал руку и поднял голову, закрыв глаза, когда тусклая лампа, освободившись от действия магии, снова вспыхнула.

— Действовать будет недолго, — сказал он мне. — Ты ранена, поэтому старайся не причинять себе дополнительный ущерб.

Я начала спрашивать, но тут Сэмюэль и Адам завyli забыв о Стефане, и я присоединилась к их хору. А когда их вой стих, я услышала, как кто-то спускается по лестнице. Похоже, Литтлтон что-то тащит.

Я упала на землю, закрыв лицо волосами, чтобы спрятать его, и только тут поняла, что чувствую себя лучше. Намного лучше. Да я поразительно хорошо себя чувствую!

Створка двери с треском распахнулась. Сквозь волосы я увидела, как в дверь влетел Андре и безжизненной грудой рухнул на пол.

Литтлтону нравится все бросать.

— Ты неправильно вел себя, — пожаловался он, втаскивая за заднюю лапу обмякшего рыжего волка. — Ты должен был делать, что я велю. Я не велел тебе убивать волка, ведь еще не полночь. И твоя торопливость не мешает мне развлекаться.

Он посмотрел на нас, точнее, на Стефана. Я почти закрыла глаза. Надеюсь, что из-за

волос не видно, что я в сознании.

— Прости, — сказал он сокрушенно, подходе к Стефану и по-прежнему волоча за собой Бена. — Я был не очень хорошим хозяином. Я не сознавал, что ты жаждешь, иначе предоставил бы тебе еду. Но, наверно, сейчас я это сделал.

Он бросил Бена и толкнул меня ногой.

— Я мог бы немного поиграть с этой, — сказал он со вздохом. — Но людей хватает надолго. Однако я, может быть, принесу несколько человек тебе на корм. Будет забавно выпустить их здесь и смотреть, как ты будешь их подзывать.

Бен не был мертв: я видела, как поднимаются и опускаются его ребра. Но и невредим он не был. На бедре у него была разорвана кожа, из разрыва сочилась кровь; одна нога была необычно изогнута на два дюйма ниже сустава. Его голову я не могла видеть: мешало остальное тело.

Литтлтон вернулся к Андре. Он поднял его и осторожно, как любовника, понес к свету между клетками.

По-прежнему держа Андре, он сел на свету. Уложил Андре, как куклу, устроив его голову у себя на коленях. Лицо Андре было залито кровью.

Я облизнула нижнюю губу, стараясь не наслаждаться вкусом крови вампира.

Литтлтон укусил себя за запястье, на мгновение продемонстрировав клыки, и поднес рану ко рту Андре.

— Ты понимаешь, — шептал он Андре. — Только ты. Ты понимаешь, что смерть могущественней жизни. Сильнее секса. Управляя смертью, управляешь всей вселенной.

Это должно было прозвучать мелодраматически. Но от лихорадочного шепота и у меня зашевелились волосы на затылке.

— Кровь, — говорил он бесчувственному Андре. — Кровь — символ жизни и смерти.

Наконец Андре шевелился, схватил запястье Литтлтона, подтащил ко рту и скорчился над ним. Как голодный Дэниэл свернулся возле запястья самого Андре во время суда. Мне бы хотелось, чтобы кровь Стефана не была такой вкусной.

Андре открыл глаза и осмотрелся.

Я ожидала, что глаза у него будут гореть, как у Дэниэла. Но нет, его взгляд был внимателен и напряжен. Он сосредоточился на Стефане.

Литтлтон гладил Андре по волосам и что-то бормотал, его глаза были закрыты. Поэтому я рискнула шелохнуться, привлекая взгляд Андре. Когда он посмотрел на меня, я пошевелилась энергичнее, открыв его взгляду кол.

Андре снова закрыл глаза, неожиданно выпустил руку Литтлтона, так что она упала, и перевернулся, встав на четвереньки и оказавшись между Литтлтоном и мной таким образом, что закрыл меня собой.

— Кровь — это жизнь, — сказал Андре голосом, какой я у него раньше не слышала. Голос распространялся по комнате, как туман, и оседал у меня на коже. — Кровь — это смерть.

— Да, — ответил Литтлтон ошеломленно, и я вспомнила, что чувствовала, когда Стефан пил мою кровь. До этого мгновения я и не вспоминала, что он пил мою кровь.

Литтлтон, которого совершенно не заботили мои страхи, сказал:

— Кровь — это жизнь и смерть.

— Кто распоряжается смертью? — спросил Андре, и его голос призывал и меня ответить.

Литтлтон встал на колени, и я увидела отпечаток позвоночника под его рубашкой.

— Я! — крикнул он. Вытянув руку, он схватил Андре под подбородком и наклонил так, чтобы было удобнее. И впился в рану, которую нанес зубами раньше.

Для меня это был лучший шанс. Я попробовала встать и едва не упала. Одна из моих лодыжек не выдерживала вес тела, хотя больно не было.

Но идти совсем недалеко.

Литтлтон склонился к Андре, его ребра были отчетливы видны под рубашкой. Кому-нибудь следовало сказать ему, что люди не носят рубашек в обтяжку. Я выбрала место между тонкими изогнутыми костями слева возле позвоночника, и ударила всем телом, как учил сенсей.

Если бы не моя лодыжка, все получилось бы. Но выучка сработала против меня. Я попыталась использовать всю тяжесть тела, чтобы вбить кол. Нога подо мной подогнулась, и острое вошло всего на дюйм и застряло между ребрами, не пробив их.

Литтлтон с гневным криком вскочил. Ударил не глядя и промахнулся, потому что я уже стремительно откатывалась от него. К счастью, я быстрее вампира. Я катилась, пока не ударилась об автомобильный аккумулятор, дававший свет.

— Сука! — шипел Литтлтон.

Я потрогала шею, но ожерелье исчезло с нее, потерялось, когда он швырнул меня через комнату. И пока я искала ожерелье, колдун кинулся ко мне.

Андре сзади схватил его за пояс, и они оба рухнули на пол рядом со мной. Литтлтон сумел прижать Андре к полу: я увидела, что кол все еще торчит у него из спины.

Я схватила аккумулятор за пластмассовые ручки и взвесила в правой руке. Крякнув от усилий, подняла его над борющимися вампирами и опустила на тупую часть кола.

Лампочка, все еще присоединенная к аккумулятору, упала на пол, и комната снова погрузилась в темноту. На этот раз я почти ничего не видела: действие крови Стефана проходило.

Изогнувшись, я дотянулась до ножа Зи в ножнах. На это потребовалось больше усилий, чем должно бы.

Литтлтон обмяк, Андре оттолкнул его, и колдун упал на пол навзничь. Кол проткнул его насквозь и на несколько дюймов вышел из груди. Он задел и Андре, над самой ключицей, но Андре как будто было все равно. Он лежал на спине и смеялся, хотя не казался довольным.

Вернулась боль, меня начало тошнить, закружилась голова. Я сглотнула желчь и с помощью здоровой руки села, заняв нужное положение. Нож выпал у меня из пальцев и ударился о пол.

Я убивала мышей, кроликов, однажды даже загнала оленя, бегая в обличье койота. Я убила двух человек — теперь уже трех. Но это не помогало мне посмотреть в лицо предстоящему. Брайан, мой приемный отец, часто охотился — и как волк, и с ружьем. Он и Эвелин, его жена, разрубали тушу, а я заворачивала куски в бумагу и укладывала в холодильник. Разделять тушу мне еще никогда не приходилось.

Нож Зи погрузился в шею Литтлтону с влажным, хлюпающим звуком. Мне казалось, что Литтлтон мертв, я хочу сказать — мертвее, чем был раньше. Но когда нож начал его резать, тело судорожно задергалось.

Это движение привлекло внимание Андре, и он сел.

— Что? Нет, подожди!

Он сжал мою руку с такой силой, что остались синяки, и отвел ее. Голова Литтлтону

свесилась набок. И это почему-то было отвратительнее, чем если бы я совсем ее отрезала.

— Отпусти, — сказала я, не узнавая собственный хриплый голос. Я дернула руку. Но он не отпустил.

— Он нужен Марсии. Она сумеет с ним справиться.

С громким лязгом обрушился металл: магия колдуна рассеивалась, пленники могли выйти. Адам сел рядом со мной на мгновение раньше, чем с другой стороны появился Сэмюэль. Оба вервольфа рычали, почти беззвучно, и я, не глядя на них, поняла — их человеческая часть ушла, остался только хищник.

То, что это не испугало меня до смерти, доказывает только, до какой степени я была травмирована.

— Отпусти, — повторила я, на этот раз негромко, чтобы не возбуждать волков, дрожавших от запаха свежей крови. Я не знала, на кого они нападут сначала.

Андре посмотрел сначала на Адама, потом на Сэмюэля. Не знаю, попытался ли он контролировать их, но, если попытался, ничего не вышло. Адам зарычал, Сэмюэль взвыл, и оба сделали по шагу вперед.

Адам выпустил мое запястье. Я больше не стала ждать: мой нож резал плоть, хрящи, кости, пока голова Литтлтона не покатилась по линолеуму. Нож выпал у меня из руки.

Я ошибалась: когда голова совсем отрезана, гораздо хуже.

Рвать меня будет позже, подумала я. Сначала надо уничтожить тело.

Рюкзак совсем рядом, но у меня нет сил добраться до него.

— Чего тебе нужно? — спросил Стефан, оказавшийся по ту сторону тела, рядом с Андре. Я не заметила, что он тоже вышел из клетки, вообще не заметила его движения. Он просто вдруг оказался передо мной.

— Рюкзак, — сказала я.

Он встал так, словно ему было больно; двигался он без своей обычной живости, но вернулся с рюкзаком в руке. Оба волка застыли, когда он над телом Литтлтона протянул мне рюкзак. Стефан двигался медленно, потому что был в плохой форме, но, наверно, оно и к лучшему. Делать резкие движения рядом с вервольфом — неудачная мысль, даже если волки чуть расслабились, когда я отрезала колдуна голову.

Когда я потянулась к рюкзаку, Андре снова заговорил.

— Он нужен Марсии, Стефан. Если у нее будет свой послушный ей колдун, остальные будут трепетать в ее присутствии.

— Пусть Марсия справляется с ними сама, — устало ответил Стефан. — Колдун не послушное домашнее животное. Марсия позволила алчности возобладать над здравым смыслом.

Медальон невелик, его легко закрыть пальцами. Но тяжелый. В конце концов, я нашла его на дне рюкзака. Достала и положила Литтлтону на грудь.

— Что это? — спросил Стефан.

Не отвечая, я склонилась к груди Литтлтона и прошептала:

— Drachen.

Гори, ублюдок, гори.

Металлический диск засветился и приобрел цвет вишни. Мне на мгновение показалось, что это все. Но вдруг тело вспыхнуло — голубым почти невидимым пламенем, как горелка Бунзена, когда правильно подается газ. Я лишь мгновение имела возможность удивляться внезапности происходящего, как Стефан перепрыгнул через тело, ухватил меня и оттащил

быстрее, чем голодное пламя успело перекинуться на меня.

Его хватка напомнила мне о больном плече. Внезапная боль оказалась такой сильной, что я вскрикнула.

— Ш-ш-ш, — сказал Стефан, не обращая внимания на вервольфов, которые смотрели на него голодными глазами. — Сейчас спадет.

Он заставил меня опуститься на пол и зажал мою голову между коленями. Руки его были холодны, как у трупа. Чем он собственно и был.

— Дыши, — приказал он.

Я не могла сдержать истерический смех: мертвец приказывает мне дышать!

— В чем дело, Мерси? — спросил он.

От объяснений меня спас скрежет изогнутого металла: наружная дверь церкви открывалась.

Стефан повернулся лицом к новой угрозе, оба волка по бокам от него — тоже. Встал и Андре. Все они мешали мне видеть дверь, но запахи я чувствовала.

Даррил и еще двое. Испуганный ребенок во мне, которого не успокоило уничтожение Литтлтона, смог наконец расслабиться.

— Ты опоздал, Бран, — сказала я ему, пока последние языки пламени уничтожали вампира.

Ответил не Бран, а его второй сын Чарльз:

— Я говорил Даррилу, что не следует превышать скорость. Если бы полиция нас не остановила, мы были бы здесь десять минут назад.

Бран миновал вампиров так, словно их не существовало. Он коснулся сначала Сэмюэля, потом Адама.

— Чарльз принес вам одежду, — сказал он, и они исчезли в темноте. Вероятно, Пошли меняться и одеваться. Присутствие Брана не меньше, чем смерть Литтлтона — смерть навсегда, я имею в виду — позволило им справиться с собой и вернуться к человеческому облику.

Тусклый свет был за спиной Брана, поэтому мне трудно было разглядеть его лицо.

— Ты времени даром не теряла, — сказал он бесстрастно.

— У меня не было выбора, — ответила я. — Ты прочел то, что я тебе оставила?

Знаешь ли ты, что не все злодеи обратились в пепел?

— Да, — ответил Бран, и что-то во мне расслабилось. Он не знает, который из вампиров Андре, но он разберется.

Не обращая внимания на пыль или что там еще могло остаться от вампира, Бран наклонился ко мне — ему пришлось согнуться вдвое — и поцеловал в лоб.

— Это было очень глупо, — сказал он так тихо, что я едва расслышала.

— Я думала, ты не успеешь до утра, — сказала я.

— Я спешил.

Он положил руку мне на плечо.

— Ой! — сказала я, еще ниже опускаясь на пол.

— Сэмюэль, — крикнул Бран, — если можешь, поторопись: у тебя пациент.

Плечо у меня оказалось всего-навсего вывихнуто, и Сэмюэль по возможности мягко вправил его. Все равно болело страшно. Я тряслась и дрожала, с трудом сдерживая тошноту, пока Адам резким голосом, едва подавляя гнев, рассказывал всем, что происходило после того, как пришли мы с Андре.

Смерть Литтлтона словно ошеломила Андре. Стефан стоял рядом с ним, положив руку ему на плечо, и настороженно следил за волками.

Я подождала, чтобы убедиться, что смогу говорить без дрожи, и чтобы Адам закончил. Потом посмотрела на Стефана и сказала:

— Литтлтона сотворил Андре.

Андре ошеломленно посмотрел на меня, потом всей тяжестью бросился вперед. Не знаю, хотел ли он напасть на меня или просто убежать, но Стефан удержал его. И прежде чем Андре начал сопротивляться, Чарльз и Даррил уже помогали его держать.

— Я собирался спросить, уверена ли ты, — сказал Стефан, отпуская Андре: вервольфы способны удерживать вампира гораздо лучше. — Но Андре сам ответил на этот вопрос.

— У меня есть доказательство, — сказала я.

— Я бы хотел на него взглянуть, — ответил Стефан. — Хотя бы для того, чтобы представить его госпоже. Ну-с, сейчас есть здесь телефон, чтобы я мог позвонить в семью? Я высоко ценю вашу помощь, Адам, но, думаю, неразумно приводить в семью волков сейчас, когда еще не все прояснилось.

Пришли вампиры и увели Андре. Я думала, что Стефан пойдет с ними, но нет. По настоянию Сэмюэля меня отправили в больницу. Хотя Бена, который пострадал гораздо больше, Чарльз и Даррил в машине Даррила отвезли в дом Адама.

— Почему я не могу просто пойти домой? — ныла я. Плечо болело, и мне хотелось одного: оказаться в своей спальне и накрыть голову подушкой.

— Потому что ты не вервольф, — ответил Стефан. — Если у тебя сломана ключица, понадобится гипс.

Поездка на спортивной машине Адама, оказавшись внутри нее с тремя вервольфами и вампиром, для меня обернулась новым знакомством с невиданным количеством тестостерона. Когда Сэмюэль и Адам вместе со мной уселись на заднее сиденье, Стефан занял переднее. Бран промолчал, и Стефан остался.

Впятером мы ввалились в приемное отделение. Более- менее респектабельно выглядел только Бран; он нес меня. Лишь на ярком свете больничных ламп я поняла, как плохо мы выглядим. Я была в крови. Стефан тоже. Лицо у него было осунувшееся и усталое, хотя мирное. Мне не хотелось знать, как я сейчас выгляжу.

Сэмюэль даже в чистой свежей одежде словно неделю провел в загуле, а Адам?... Дежурная сестра бросила на него один взгляд и сразу нажала невинно выглядевшую черную кнопку под столом.

Ее привели в ужас не его одежда и усталость, а выражение глаз. Я очень обрадовалась, что с нами Бран.

— Все в порядке, Елена. — Сэмюэль с трудом сдержал рычание и проговорил почти как человек: — Я займусь ими.

Она снова посмотрела на него, и ее на лице отразилось крайнее удивление.

— Доктор Корник?

Она не сразу его узнала.

— Позвоните в кенневикскую полицию, — сказала я сестре. — Спросите Тони Монтенегро. Передайте ему, что у Мерси есть для него новости, пусть немедленно тащит сюда свою задницу.

Администрация больницы, конечно, будет расспрашивать Сэмюэля. Не знаю, пропустил

ли он смену, но появление в таком обществе ему не простят. А вот полиция может его прикрыть. И, возможно, Тони тоже будет полезно убедиться, что вервольфы серьезно воспринимают его заботу. Да и волкам не худо знать, что в полиции у них есть друзья. Люди, которым можно доверять. Это особенно важно, если вервольфы хотят влиться в человеческое общество.

В комнате ожидания было несколько человек; все они перестали заниматься своими делами и уставились на Адама. Запах страха вытеснил запахи болезни и крови. Даже Бран слегка напрягся из-за такого потока запахов. Сэмюэль прошел через комнату, не обращая внимания на женщину, которая выясняла сведения о страховке.

Проходя вслед за Сэмюэлем во вращающиеся двери, Бран задержался возле этой женщины.

— Не волнуйтесь, дорогая, сказал он мягко, — доктор Корник позаботится, чтобы все документы были заполнены верно.

Тони вошел в приемное отделение с таким видом, словно не раз бывал здесь раньше. Он был в гражданском — в джинсах и футболке, а вот добродушный молодой человек, сопровождавший его, — в мундире.

Тони прошел к моей койке за задернутыми шторами и огляделся. Сэмюэля не было, он занимался какими-то своими врачебными делами, но остальные трое еще были со мной. Мы со Стефаном вымылись. На мне был нелепый больничный халат, а вот Стефан по-прежнему в окровавленной одежде. Бран сидел в кресле врача и медленно поворачивался; он напоминал скучающего подростка. Как и те, из комнаты ожидания, Тони не обратил на Брана никакого внимания; он смотрел на прислонившегося к стене Адама. Стефан сидел в углу. Полицейские бросили на него быстрый оценивающий взгляд и вновь все внимание устремили на Адама.

— Тони, это Адам Хауптман, мы говорили о нем накануне. Адам, это мой друг Тони.

Представлять остальных я не стала.

Лицо Тони застыло, он стал как вкопанный. Должно быть, не узнал Адама по газетному снимку, пока я не назвала имя. В газетах Адама изображали консервативным бизнесменом. Сегодня в нем не было ничего консервативного и ничего от бизнесмена. От него исходил такой гнев, что его ощущали даже люди.

— Послушай, Джон, — небрежно сказал Тони, сразу отведя взгляд от Альфы. Думаю, в служебной информации полицейским сообщили, что не стоит играть с вервольфами в гляделки. — Принеси нам обоим по чашке кофе.

Второй коп бросил на Тони пристальный взгляд, но спросил только:

— Сколько времени мне нести этот кофе?

Тони посмотрел на меня. Я пожала плечами и тут же об этом пожалела.

— Не больше десяти минут.

Когда второй коп вышел, Тони плотнее задернул шторы. Конечно, не самое уединенное место, но шум множества различных приборов и загадочных машин заглушит для человеческого уха все, что здесь будет сказано.

— Ты точь-в-точь размороженный покойник, — сказал мне Тони.

— Это было не в участке, — ответила я, слишком усталая, чтобы поддержать его обычные шутки. — Но всего в полумиле от него.

— Значит, ты его нашла?

— Да, и убила, — сказала я. — Думаю, отныне все успокоится.

Тони нахмурился.

— Убила?

— Да, — устало сказал Стефан. — Нечто такое, что нельзя было выпускать на улицы. Это не было убийство, сэр. Самозащита.

— Не волнуйтесь, — спокойно вмешался Бран. — Тела нет.

Спасибо, что он тогда обратил внимание на лежащую отдельно голову Литтлтона. Мы и от нее избавились с помощью медальона Зи. Я о ней совсем забыла. Наверно, голова все равно только до смерти испугала бы нашедших — тела ведь не было; но я была рада, что мы позаботились и об этом последнем куске.

Тони взглянул на Брана внимательнее.

— Могу я поинтересоваться, кто вы такой?

— Нет, — сказала я ему.

— Зачем тогда ты меня позвала?

Я открыла рот, собираясь отвечать, но в это время Сэмюэль отодвинул занавеску и вошел; в руках у него был рентгеновский снимок.

— Доктор Корник, — приветствовал его Тони как старого знакомого. Вероятно, копам часто приходится иметь дело с врачами приемного отделения. И тут общая настороженность помогла ему догадаться.

— Нужно, чтобы полиция прикрыла Сэмюэля, — сказала я, прежде чем он спросил, вервольф ли Сэмюэль.

Тони нахмурился и внимательно осмотрел всех присутствующих, никому не глядя прямо в глаза.

— Хорошо, — медленно сказал он. — Вы уверены, что теперь все вернется к норме?

Я хотела пожать плечами, передумала и кивнула.

— Насколько это вообще возможно.

— Отлично. — Он посмотрел на Сэмюэля. — Подтвердите, что вы не представляете опасности для своих пациентов.

Я с тревогой ждала какого-нибудь саркастического ответа, но Сэмюэль тоже устал. Он сказал только:

— Я не представляю опасности для своих пациентов.

— Хорошо, — сказал Тони. — Хорошо. Доктор Корник, если вас будут расспрашивать, скажите, что помогали полиции. — Он достал из бумажника карточку. — Дайте мой номер, если потребуется.

Сэмюэль взял карточку.

— Спасибо.

Тогда Тони повернулся к Адаму.

— Мистер Хауптман, — сказал он. — Мерси говорит, что по всем вопросам, касающимся вервольфов, я должен прежде всего обращаться к вам.

Адам устало потер лицо. Он так долго молчал, что я встревожилась. Наконец он почти обычным вежливым тоном ответил:

— Да. Мерси дала вам мой номер?

— Так далеко мы еще не зашли.

Адам собрался и даже улыбнулся одними уголками губ, что сделало его похожим на голодного тигра. Тони незаметно отступил на шаг.

— У меня сегодня нет с собой карточек, но можете позвонить в мой офис. Я распоряжусь, чтобы вам сообщили мой номер. Или Мерси — она всегда знает, где меня найти.

Ногу я всего лишь вывихнула. Пока Тони разговаривал с Адамом, Стефан исчез. Казалось, никто этого не заметил. Не знаю, воспользовался он способностями вампира или просто всем было не до него.

Адам хотел, чтобы я осталась в его доме. Но там собралась половина местной стаи, половина стаи из Монтаны и еще Кайл. И мне не хотелось присоединяться к этой толпе.

После того как все ушли в дом Адама, Сэмюэль отнес меня в мой побитый трейлер и двинулся в сторону спальни. Но я не хотела спать.

— Можешь отнести меня в кабинет?

Он по-прежнему почти не разговаривал. Но послушно изменил направление и отнес меня в крошечную третью комнату, где гудело множество электронных приборов.

Он посадил меня в кресло и опустился передо мной на колени. Его руки дрожали, когда он взялся за мои колени, развел их и создал пространство для себя. Потом прижался к моим ногам горячим телом и уткнулся лицом в мои бедра.

— Я знал, что ты придешь, — прошептал он, и от его властности волосы у меня шевельнулись. — Я очень беспокоился. А потом... потом верх взял волк. Адам сохранил контроль, он пытался помочь мне, но я был в худшем состоянии, чем Бен. А он ведь пробыл там дольше меня. Я утрачиваю контроль над своим волком и становлюсь опасен для тебя. Я уже сказал отцу, что как только ты выздоровеешь, я вернусь в Монтану.

Я обнимала его здоровой рукой.

— Присутствие демонов плохо сказывается на самоконтроле вервольфов.

— Из нас троих, — сказал он мне в шею, — у меня оказался самый слабый контроль.

Неправда. Я там была и видела, как он сражался, когда Бен полностью покорился волку. И тут я кое-что поняла.

— Эта церковь менее чем в полумиле от больницы, — сказала я. — Дядюшка Майк говорил мне, что демоны создают вокруг себя зону возмущения, и полицейские рапорты это подтверждают. Когда мы с Тони выясняли это, оказалось, что сфера влияния демона охватывает три мили. Ты незримо сражался с демоном с той самой первой ночи, как мы встретились с Литтлтоном. На Бена он влиял несколько дней, на тебя — недель.

Он задумался.

— В ту ночь, когда ты сорвался из-за несчастного случая с ребенком, — сказала я, — виноват был не ты, а демон.

Спинка моего кресла протестующе скрипнула под его руками. Сэмюэль глубоко вдохнул мой запах и слегка отстранился, чтобы посмотреть мне в лицо. Очень медленно, давая мне время отстраниться, он поцеловал меня.

Мне казалось, я люблю Адама. Сэмюэль в прошлом уже причинил мне боль, сильную боль. Я знала, что он хочет меня по одной причине — той же, что раньше. Но; зная все это, я не могла оторваться.

Ведь я едва не потеряла его.

Я с жаром ответила на его поцелуй, прижавшись к нему и вцепившись пальцами ему в волосы. Прервал поцелуй Сэмюэль.

— Сварю тебе какао, — сказал он, оставляя меня в кресле.

— Сэм? — сказала я.

Он остановился в дверях спиной ко мне, опустив голову.

— Я в порядке, Мерси; Просто я сварю нам обоим какао.

— Не забудь зефир, — сказала я.

Глава четырнадцатая

— Суда еще не было? — спросила я.

— Нет. — Стефан попросил чаю и сейчас пил его. Не подозревала, что вампиры пьют чай. — Как нога?

Я хмыкнула.

— Все в порядке. — Не совсем так, но я не собиралась позволить ему сменить тему. — Им потребовался всего день, чтобы вызвать на суд тебя, а с Андре уже две недели прошло.

— Эти недели Андре провел в камере под домом семьи, — спокойно ответил Стефан. — Не на курорте. А что касательно, что дело затянулось... боюсь, это моя вина. Я уезжал в Чикаго и пытался разузнать о деятельности там Андре. Надо было убедиться, что Литтлтон единственный, кого он превратил.

— Мне казалось, у Андре недостаточно власти, чтобы превращать людей в вампиров.

Стефан поставил чай на стол и бросил на меня заинтересованный взгляд.

— Рейчел говорила, ты заходила к ней. Я не догадывался, сколько ты узнала.

Я закатила глаза.

— Я выросла среди вервольфов, Стефан, и запугать меня не удастся. Скажи, как Андре смог превратить колдуна, если он не может превратить обычного человека?

Его лицо осветила широкая улыбка.

— Не знаю. Могу рассказать все, что знаю. Кори Литтлтон заигрывал со злом с самых ранних лет. Я узнал, что в его квартире в Чикаго, за которую Андре заплатил по декабрь, есть тайная комната. В ней множество интересных предметов типа свечей из черного воска или книг с описаниями древних церемоний, которые лучше бы не повторять. Я все это сжег, и его дневник, в котором он писал так, что читать нужно было через зеркало, — тоже. Ну, по крайней мере не по-гречески.

— Знает ли Андре, как Литтлтон стал колдуном? Может ли он делать еще колдунов? — спросил Сэмюэль. Его хриплый спросонья голос доносился из прихожей.

— Привет, Сэмюэль, — сказал Стефан.

Из прихожей появилась тень кошки, потом и сама Медея; жалобно мяукая и скребя коготками по полу, она прошла через комнату и прыгнула Стефану на колени.

Следом появился и Сэмюэль, полуодетый и отрастивший однодневную щетину. Сэмюэль был сам не свой со времени плена у Литтлтона, а может, с того дня, когда рассказал мне об аборте, который сделала его девушка. Он часто срывался и становился слишком серьезен, когда я пыталась поговорить о поцелуе. Обсуждать это он не хотел. Меня это тревожило.

— Андре знает, как создать колдуна?

Стефан медленно кивнул.

— Согласно дневнику Литтлтона — знает. Литтлтон сам ему рассказал.

Сэмюэль подтащил стул и развернул так, чтобы сидеть, опираясь локтями на спинку.

— Может, Литтлтон пережил обращение, потому что был колдуном?

Медея подсунула голову под руку Стефана, и он, вместо того чтобы взять свою чашку, принялся чесать кошку за ушами. Она замурлыкала и плотнее уселась на его коленях.

— Не знаю — ответил наконец Стефан. — Не уверен, что даже сам Андре знает. Прежде чем превратить Литтлтона, он несколько лет кормился от него. Но вряд ли где-

нибудь таятся еще несколько таких Литтлтонов. Не так-то легко найти того, кто готов продать душу дьяволу.

Сэмюэль расслабился.

— Он был колдуном до того, как стал вампиром? — спросила я.

— Да. — Стефан повертел пальцами перед носом Медеи, и та стала тереться о них головой. — Он был колдуном до того, как встретился с Андре. Он решил, что превращение в вампира сделает его более могущественным. Так ему сказал Андре. Ни сам Литтлтон, ни его демон не обрадовались, когда узнали, что быть вампиром значит исполнять приказания Андре.

— Той ночью в церкви он не слушался приказов Андре.

Сэмюэль взял чашку и наполнил ее из чайника на столе, I

— Не выполнял. Узы контроля, которые налагает создатель на своих детищ, разорвать можно, хотя и трудно.

Стефан стал пить чай, а я задумалась о том, что скрывает, подчеркнуто нейтральное выражение его лица.

— Кстати об узах, — сказала я, задавая наконец вопрос, который преследовал меня с той ночи, когда я убила Литтлтона, — навсегда ли сохранятся последствия того, что ты тогда поделился со мной кровью?

Я хотела бы услышать «нет». Но он пожал плечами.

— Вероятно, нет. Сам по себе обмен кровью не создает связи. Любые последствия должны рассеяться... ты замечала в себе что-нибудь странное?

Я покачала головой. Телекинез мне недоступен.

— Как ты смог подозвать ее к себе? — спросил Сэмюэль. — Я считал, что у нее иммунитет ко всем вампирским штукам.

— Почти ко всем, — ответил Стефан. — Однако не волнуйся. Умение призывать от один из моих даров. Но если бы Мерси не была почти без сознания и готова прийти ко мне, я бы, не смог ее позвать. Она не обнаружит вдруг, что не в состоянии противиться призывам — моим или любого другого вампира.

Я не стала спрашивать о своем воспоминании — он шепчет мне на ухо слова любви — понадеявшись, что это была просто составная часть призыва.

— Зачем ты пришел сегодня? — предпочла спросить я.

Стефан улыбнулся мне так широко, что я сильно усомнилась в его искренности, когда он сказал:

— Хотелось приободриться. Приходить к тебе не всегда приятно, Мерседес, но бодрит. — Он взглянул на часы. — Однако мне пора. Пусть у тебя еще остается время для полноценного ночного сна. Госпожа ожидает моего подробного отчета.

Последний раз погладив кошку, он ссадил ее на пол и встал. Открыв дверь, он задержался и, не оборачиваясь, сказал:

— Не нервничай, Мерси. Я узнал все необходимое, и она не будет больше задерживать суд. Андре получит по справедливости.

Я подождала, пока Стефан выйдет, и спросила Сэмюэля:

— У них есть кресло, которое заставляет говорить правду. Зачем понадобилось расследование Стефана?

Сэмюэль мрачно посмотрел на меня.

— Иногда я забываю, как ты молода; — сказал он.

Я ответила сердитым взглядом:

— Не пытайся уйти от ответа. Почему он отложил суд?

Сэмюэль отпил чай, состроил гримасу и поставил чашку. Он не любитель чая.

— Думаю, его беспокоило, какие вопросы будут заданы, а какие нет. Если он знает достаточно, то сможет сам давать показания.

Звучит логично, но я не понимала, почему он сразу не хотел мне это сказать. Что-то здесь есть еще.

Он посмотрел на меня и устало рассмеялся.

— На сегодня хватит того, что со злом покончено. Ложись, Мерси. Мне нужно подготовиться к работе.

* * *

— Папа попросил узнать, когда ты уберешь эту соринку в глазу, в которую колдун превратил твой дом, — сказала Джесси, усаживаясь на стойку в моей мастерской.

— Когда выиграю в лотерею, — сухо ответила я и продолжила крутить гайки на старом БМВ, над которым трудилась. Джесси рассмеялась.

— Он сказал, что ты так и ответишь.

Плечо у меня все еще болит, я прихрамываю, но по крайней мере могу работать. Зи вкалывал две недели и не захотел брать с меня плату. Но он спас мне жизнь своим антивампирским рюкзаком, и я перед ним достаточно в долгу. Если повезет, то, заплатив ему, я еще сумею уплатить долги по счетам; но вряд ли много больше. Пройдет несколько месяцев, прежде чем я смогу подумать о замене обшивки трейлера.

— А что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Жду, когда Гэбриэл освободиться.

Я посмотрела на нее.

Она рассмеялась громче.

— Видела бы ты свое лицо! О ком ты беспокоишься: обо мне или о нем?

— Когда ты разобьешь ему сердце, мне придется слушать его стоны.

Если в моем голосе и прозвучал искренний страх, то только потому, что у Тэда, сына Зи и предшественника Гэбриэла, была очень бурная личная жизнь.

— Когда она разобьет мне сердце? Если чье-нибудь сердце и разобьется, то ее, — величественно сообщил Гэбриэл из открытой двери офиса. — Не способную противостоять моему очарованию, ее опустошит моя жестокость, когда я скажу ей, что уезжаю в колледж. Эта потеря вынудит ее вести долгую одинокую жизнь без меня.

Джесси хихикнула.

— Если папа заглянет, скажи, что я буду в десять.

Я строго посмотрела на Гэбриэла.

— Ты знаешь, кто ее отец?

Он рассмеялся.

— Мужчина, который ничем не рискует ради любви, не мужчина. — И подмигнул. — Но я доставлю ее домой до десяти — на всякий случай.

Оставшись одна, я накрыла БМВ чехлом и заперла мастерскую. Утром, до работы Стефан не позвонил, и поэтому я не знала, чем закончилось дело с Андреем.

Беспокоиться было не о чем. Андре явно виновен в создании чудовища. Тем не менее, в поведении Стефана вчера вечером была какая-то усталость, и это заставляло меня нервничать. Если случай несомненный, зачем он несколько недель занимался расследованием в Чикаго?

На стоянке меня ждали. Уоррен похудел и хромал еще сильнее, чем я. Это не помешало ему вытереть пыль Полом, который вздумал не подчиняться, когда Уоррен оказывался поблизости. И пусть иногда ему снились кошмары, он все равно выглядел более довольным, чем раньше.

Главным образом из-за красавца, прислонившегося к крылу побитой машины Уоррена, — ковбоя в полном наряде, включая лиловую шляпу. Единственное хорошее последствие всей этой истории с Литтлтоном — Уоррен и Кайл снова вместе.

— С чего ты так вырядился? — спросила я Кайла, отличавшегося безупречным вкусом.

— У меня встреча с мужем клиентки и его высокооплачиваемым адвокатом из Сиэтла. Чем дольше они будут считать меня легковесным деревенщиной, тем дороже это обойдется им в суде.

Я рассмеялась и поцеловала его в щеку.

— Рада тебя видеть.

— Мы собираемся посмотреть у меня кино, — сказал Кайл. — Не хочешь присоединиться?

— Только если переоденешься, — серьезно ответила я.

Машина чуть качнулась: Бен высунул голову, приподнявшись с матраца. Его рыжая шерсть потускнела, глаза тоже казались тусклыми. Он позволил мне прикоснуться к морде, потом снова свернулся на матраце.

— Когда я собрался ехать, — сказал Уоррен, — Адам решил, что Бену неплохо прогуляться. Мы подумали, что и тебе будет приятно.

— Он все еще не меняется? — спросила я.

— Нет. И не стал охотиться с нами в полнолуние.

Я посмотрела в окно, но, хотя Бен несомненно слышал наш разговор, он не поднял головы с передних лап.

— Он ест?

— Достаточно.

Значит, он вряд ли сорвется и съест меня, как съел Дэниэла; ведь именно это говорил мне Дэниэл. Вампиры, даже одержимые демонами, не едят других вампиров.

Меня немного удивило, что Бен так переживает. Он всегда казался мне способным задушить родную бабушку ради ее драгоценностей, а потом наесться у нее на кухне сэндвичами с ореховой пастой. Может, я ошибалась? Или съесть другого вообще очень трудно? Уоррен рассказал мне, что у Бена и Дэниэла, когда они вместе охотились за Литтлтоном, возникла странная дружба. Она оказалась недостаточно крепкой, чтобы спасти Дэниэла, но ее хватило, чтобы доконать Бена.

Мы смотрели японское аниме, ели купленную в ресторане мексиканскую еду и обменивались грубоватыми шутками, а Бен все это время глядел на нас пустыми глазами. В начале вечера Уоррен отвез нас домой, первой высадив меня.

На холодильнике была записка от Сэмюэля. Его вызвали на работу — заболел один из врачей. Я еще читала его записку, когда зазвонил телефон.

— Мерседес, — услышала я в трубке голос Стефана. — Сядь.

— Что случилось?

Я не люблю приказы. И осталась стоять.

— Прошлой ночью Андре судили, — сказал Стефан. — Он признался в том, что обратил Литтлтона, признался во всем: в создании Литтлтона, в том, что случилось с Дэниэлом, в том, что устроил нашу встречу с Литтлтоном и отеле.

— Из-за тебя, — сказала я. — Он ревновал к тебе.

— Да. Во время разговора с ним я решил, что в случае с Дэниэлом есть что-то странное. Андре постарался, чтобы кто-нибудь рассказал мне, что Литтлтон остановился в этом отеле.

— Литтлтон должен был убить тебя, — сказала я.

— Да, он должен был убить меня, но именно в ту ночь он вышел из-под контроля Андре. Андре считает, что все эти убийства усилили демона, и поэтому Литтлтон получил возможность больше его не слушаться. После той ночи Андре не мог его найти. Но он не слишком волновался, пока Литтлтон не стал по ночам оставлять у его дверей подарки.

— Какие подарки?

— Части тел. — Я промолчала, и Стефан продолжил: — Андре приходил во все большее отчаяние и, когда Литтлтон захватил Дэниэла, Уоррена, Бена и меня, убедил Марсилию, что ты — единственная надежда найти колдуна. Он был здесь, когда ходячие едва не изгнали вампиров с западных территорий. Тебе должно понравиться: его искренне поразило то, что ты нашла Литтлтона так быстро.

— Он признался, — сказала я. — Так что тебя тревожит?

— Семья не понесла значительного ущерба, — ответил он, четко произнося каждое слово.

Я села на пол кухни. Эти слова я слышала раньше.

— Она его освободила. — Я не могла поверить. — Она просто отпустила его!

Сэмюэль знал, что так может случиться, подумала я. Они со Стефаном знали, что освобождение Андре очень вероятно; именно поэтому Стефан так настойчиво искал доказательства.

— Я сказал, что, призвав тебя для участия в охоте, семья приняла на себя ответственность за ущерб твоему трейлеру и за то, что ты две недели не работала. Семья договорилась со специалистом о замене обшивки, хотя на это может уйти какое-то время: сейчас все заняты. Но через несколько дней наш бухгалтер пришлет тебе чек, чтобы компенсировать твою временную неспособность работать.

— Они его просто отпускают.

— Он послал Литтлтона сюда, надеясь уничтожить тех, кого считал врагами Марсилиии. Кресло подтвердило, что он говорит правду.

— Но ты не враг Марсилиии.

— Конечно нет. Я просто стоял между ним и тем, чего он хотел. Такое в семье понимают.

— А как же погибшие люди? — спросила я. — Семья сезонных рабочих, люди из отеля? — Бедная женщина, чья единственная вина в том, что она занималась паршивой работой не в том месте и не в то время. Как насчет Уоррена, кричащего от боли, и Бена, который отказывается становиться человеком?

— Семья не считает жизнь человека достойной внимания, — мягко ответил Стефан. — Марсилию заинтересовали мысль о колдуне, который одновременно вампир. Она считает, что с помощью такого колдуна может покончить со своим изгнанием. Конечно, Тройной

город больше не пустыня, какой он был двести лет назад, когда ее сослали сюда за неповиновение Повелителю Ночи, правившему в Италии. Но и Повелителя Ночи может заинтересовать существо, способное давать вампирам такую же долгую жизнь, как он сам. Заинтересовать настолько, что он вернет нас из изгнания.

— Она хочет, чтобы он создал еще одного, — прошептала я.

— Да.

На следующее утро Сэмюэль позвонил мне с работы, Бена поместили в клетку под домом Адама. Он без всяких провокаций напал на другого вервольфа попытка совершить самоубийство в стиле «вервольф». Он тяжело ранен, но есть надежда на выздоровление.

Я подумала о тусклых глазах Бена. О хромоте Сэмюэля и о мертвой женщине, которая по-прежнему приходит ко мне в кошмарах. Подумала о «скорее сорока» смертях, и которых винит Литтлтона дядюшка Майк: многие из них произошли, когда Андре еще не потерял контроль. Вспомнила признание Стефана, что вампиры не считают жизнь человека достойной внимания.

С точки зрения вампиров, если волки что-нибудь сделают Андре, это будет приравнено нападению на семью и приведет к войне, которая унесет еще много жизней с обеих сторон. Так что, хотя Адам и Бран очень сердиты, руки у них связаны. Не будь Сэмюэль сыном Маррока, он мог бы что-нибудь предпринять.

Стефан ничего не может сделать, даже если захочет. У него руки тоже связаны.

А вот у меня нет.

Хорошо, что я еще не вернула Зи рюкзак охотника на вампиров. Он мне понадобится. Прежде всего нужно найти дом Андре, а у меня есть все, что для этого необходимо: острое чутье и время.

Я побежала за мячом и поймала его; бежала я медленно, чтобы гнавшиеся за мячиком дети думали, что у них есть шанс. Бежали они смеясь, а это не очень помогает, если кто-то хочет меня догнать. Я проскочила между ними, пробежала через двор, положила мяч к ногам их отца и помахала хвостом. Дикае койоты так не поступают.

— Умница, — сказал он и притворился, что бросает мяч.

Я укоризненно посмотрела на него. Он рассмеялся.

— Смотрите, хулиганы! — крикнул он детям. — Я отправляю ее к вам.

Я метнулась за деревья, к мячу, и вдруг поняла, что возбужденные крики детей стихли. Я обернулась, чтобы посмотреть, в чем дело, но с ними было все в порядке. Они просто глазели на мужчину, выходящего из черной спортивной машины.

Адам так действует на людей.

Я повернула назад, поискала мяч и нашла его в кусте роз. Держа его в пасти я побежала назад и положила мяч к ногам Адама.

— Спасибо, — сухо сказал он мне. Потом повернулся к мужчине, который ему позвонил.

— Очень обязан вам за звонок. Моя дочь взяла ее к подруге и забыла за ней проследить.

— Никаких проблем.

Они обменялись рукопожатием — одним из чисто мужских рукопожатий, сильных, но без боли.

— Да, вам нужно за ней следить, — сказал мужчина Адаму. — Она очень похожа на

койота. Если пробежит еще несколько миль, ее могут застрелить, прежде чем заметят ошейник.

— Знаю, — ответил Адам с печальным смехом. — Мы думаем, она наполовину койот, хотя ее мать была немецкой овчаркой.

Когда Адам открыл дверцу, я прыгнула в машину. Он сел, дружески помахал «нашедшей» меня семье. Потом включил мотор и поехал.

— Я тебя подбираю третий раз за месяц, — сказал он мне.

Дважды в Ричмонде и сегодня в Бентон-сити. Я немало обошлась ему в бензине и вознаграждениях. Я видела, как он дважды давал парням деньги.

Я помахала хвостом.

— На этот раз я прихватил одежду, — сказал он. — Пересаживайся назад и меняйся, чтобы мы могли поговорить.

Я снова помахала хвостом.

Он приподнял бровь.

— Мерси, ты достаточно долго избегаешь разговоров со мной. Пора прекратить убегать и поговорить. Пожалуйста.

Я неохотно перескочила на заднее сиденье. Он прав. Если бы я не была готова поговорить, не бегала бы по Тройному городу в ошейнике с его телефонным номером. Конечно, отчасти это еще и потому, что не хотелось попадать в центр контроля за численностью животных.

Он принес спортивный костюм, который пропах им. Брюки велики, но я могла затянуть пояс, чтобы они не спадали. Рукава я закатала, потом вернулась на переднее сиденье.

Он подождал, пока я пристегнусь, прежде чем заговорить. Я думала, он начнет меня ругать за недавно приобретенную привычку бегать по городу в облике койота.

— Я тебя пугаю, — вместо этого сказал он.

— Вовсе нет! — негодуяще фыркнула я.

Он посмотрел на меня, потом на дорогу. Я заметила, что он возвращается домой круглым путем, по узкому шоссе вдоль реки Якима, которое выведет нас на северную сторону Ричмонда.

На его лице была улыбка.

— Ладно. Скажем, тебя пугает твоя реакция на меня.

Сердце мое забилося сильнее. Это нечестно, женщины должны оставаться загадкой для мужчин.

— Ты привык подчинять себе других, — горячо сказала я. — И должен меня простить, если я не люблю, когда меня пытаются контролировать.

— Я тебя не контролирую, — сказал он своим богатым, густым, как непроглядная ночь, голосом, которым бывал очень властным. Крысиное отродье! Как я ни была расстроена, этот голос действовал на меня. — Ты сама предпочла подчиниться.

— Я никому не подчиняюсь, — рявкнула я, глядя в боковое окно, чтобы показать ему, что хочу закончить этот разговор.

— Но хочешь подчиниться.

На это у меня не нашлось ответа.

— Мне потребовалось много времени, чтобы найти решение этой проблемы, — сказал он. — Что если я отдам руководство тебе?

Я подозрительно посмотрела на него.

— Что бы это значило?

— То, что я сказал. Если мы куда-то идем, ты выбираешь, куда идти. Если мы целуемся или делаем еще что-нибудь, то только потому, что начинаешь ты. Таким образом, даже если ты захочешь меня подчинить, ничего не получится, потому что я ни о чем не прошу.

Я скрестила руки на груди и принялась смотреть на реку.

— Позволь мне подумать.

— Справедливо. Так не хочешь сказать, что ты делала в Бентон-сити?

— Охотилась.

Он глубоко вдохнул.

— Так ты его не найдешь.

— Кого его? — невинно спросила я.

— Вампира. Андре. Так мы его не найдем. У них есть способы прятать свой запах; с помощью магии они скрывают место, где спят днем, даже от других вампиров. Поэтому Уоррен и Бен не смогли выследить Литтлтона, когда охотились на него.

— На меня их магия действует не так сильно, — сказала я.

— И ты умеешь разговаривать с призраками, которых мы не видим! — нетерпеливо рявкнул он. — Поэтому Марсилия и послала тебя за Литтлтоном. — Он все еще сердился на меня за то, что я это сделала, может быть, особенно потому, что я справилась. — Давно ты ищешь Андре? С тех пор как Марсилия отпустила его?

Я ничего не ответила. Не хотела. Мне пришло в голову, что впервые с тех пор, как мы сходили на первое свидание, я в его присутствии вполне ощутила себя собой. Может, сказывалась кровь вампира.

— Что я сделал, чтобы заслужить этот взгляд? — спросил он.

— Почему я не чувствую, что сейчас повинуюсь тебе? — спросила я.

Он улыбнулся и свернул на боковое шоссе, в объезд Ричмонда. Было четыре тридцать, и дорога была забита.

— Быть Альфой не совсем то, что быть просто доминантам, — сказал он.

Я фыркнула.

— Знаю. Не забудь, где я выросла.

— Если я не в стае, я могу усыпить своего Альфу, Бран делает это легко, но от нас, остальных, требуются большие усилия.

Не знаю, чего он от меня ожидал, но я не обрадовалась.

— То есть ты сознательно заставлял меня это чувствовать?

Он покачал головой, и я перевела дух: я и не знала, что затаила дыхание. Не люблю, когда мной манипулируют, тем более сверхъестественными средствами.

— Нет. Я же сказал, для этого нужны усилия, а то, как ты на меня действуешь, только все осложняет.

Теперь он на меня не смотрел. Он продукт своего времени. Он может выглядеть на двадцать с хвостиком, но родился он сразу после Второй мировой войны, а мужчины, выросшие в пятидесятые годы, не говорят о своих чувствах. Было любопытно наблюдать, как он ерзает. Неожиданно я почувствовала себя гораздо бодрее.

— Я так устроен, и ничего с этим не могу сделать, — сказал он немного погодя. — Я даже не знаю, сколько во мне меня самого, а сколько Альфы вервольфов. Но когда ты рядом, во мне пробуждается хищник.

— И поэтому ты хотел заставить меня нравиться тебе?

Я старалась, чтобы он понял, что я чувствую.

— Нет! — Он глубоко вдохнул и сказал: — Пожалуйста, хоть сейчас не настраивай меня против себя. Ты хочешь объяснений. Хочешь, чтобы я перестал влиять на тебя. Я пытаюсь, но это очень трудно. Пожалуйста.

Подействовало на меня это «пожалуйста». Я прислонилась к дверце, желая быть как можно дальше от него.

— Тогда объясни.

— Бран может контролировать своего Альфу до такой степени, что не знакомые с ним вервольфы не понимают, кто он такой. Я не настолько талантлив, но могу подчинять своего Альфу, чтобы он не вмешивался в мою повседневную жизнь. Когда я заключаю контракты, я не люблю использовать дополнительное влияние на людей. Даже в стае я не часто им пользуюсь. Сотрудничество всегда лучше принуждения, особенно когда принуждение действует только, если я рядом. Большие пушки я достаю только тогда, когда проблему в стае нельзя разрешить переговорами.

Он посмотрел на меня и едва не въехал в машину перед нами, потому что поток транспорта неожиданно остановился.

Не будь у меня такого острого слуха, я бы не расслышала его следующие слова:

— Когда я с тобой, контроль мне изменяет. Я думаю, именно это ты и чувствуешь.

Итак, он может заставить меня слушаться, когда захочет. И только потому, что он этого не делает, у меня остается свободная воля.

— Прежде чем ты начнешь использовать страх, который я чувствую, — заговорил он более уверенно, — позволь тебе напомнить, что в шестнадцать лет ты без труда отвергла Сэмюэля, а он как доминант сильнее меня.

— Он не Альфа, и я не отвергала его в лицо. Я просто убежала, не поговорив с ним.

— Я видел, как ты противостояла Брану и не попятилась.

— Нет, не видел.

Я не дура. Никто не может без страха смотреть в лицо Брану.

Он рассмеялся.

— Ну, слышал. Я помню, как Бран велел тебе быть умницей, увел своих волков и тем самым обеспечил тебе возможность найти ублюдка, который похитил Джесси.

— Я не спорила с Браном, — заметила я.

— Потому что тебе было плевать, получишь ты разрешение или нет. Ты подчиняешься мне только потому, что этого хочет какая-то часть тебя; готов признать: то, что я Альфа, вызывает эту твою часть на поверхность, но это ты ослабляешь свою защиту от меня.

Остаток дороги до дома я молчала. Я была достаточно откровенна с собой, чтобы признать, что сержусь, потому что он прав, но не собиралась говорить ему об этом.

Искусный стратег, он позволил мне перекипеть. Даже не вышел из машины, чтобы открыть мне дверцу, как обычно. Я выскочила и с минуты постояла у открытой дверцы.

— Кажется, будут показывать хорошее кино, — сказала я. — Не хочешь сходить со мной в субботу вечером?

Я не собиралась спрашивать. Как-то само выскочило.

Он улыбнулся — той медленной улыбкой, которая наинается у глаз, но так и не добирается до зуб. Я неловко переступила с ноги на ногу: от этой улыбки я теряла самообладание.

— Какой кинотеатр?

Я сглотнула. Дура. Полная дура.

— Тот, что за моллом^[47]. Я уточню.

— Отлично. Позвони, скажешь время.

— Поведу я.

— Хорошо.

Теперь его губы кривились.

Черт побери, подумала я, тупая овца идет прямо на бойню. Молча закрыла дверцу и ушла в дом.

Из огня да в полымя, подумала я, встретив взгляд Сэмюэля.

— В кино собираешься? — спросил он. Наверное, слышал, что я сказала Адаму.

— Да.

Я вздернула подбородок и постаралась подавить напряжение в желудке. Сэмюэль меня не обидит. Проблема в том, что я не хочу обидеть его.

Глаза его были полузакрыты, и он вдохнул.

— Ты снова пахнешь им.

— Он подобрал меня, когда я бегала койотом, и привез мне одежду.

Сэмюэль со скоростью барракуды сорвался с места и положил руку мне на шею. Я стояла совершенно неподвижно, и он сунул носом к моему уху. Я не могла не ощутить его запах. Почему его запах действует на меня так же, как улыбка Адама? Это неправильно.

— Когда ты уходишь с ним, — проворчал он, дрожа всем телом от готовности или боли — не могу сказать, от чего именно, потому что ощущала запах и того и другого, — хочу, чтобы ты помнила вот это.

Он поцеловал меня. Очень серьезно, чудесно и, учитывая гнев в его глазах, поразительно нежно.

Потом попятился от меня, приятно улыбаясь.

— Спокойней, Мерси, милая.

— Я не племенная кобыла, — сказала я ему, стараясь не вдыхать слишком глубоко.

— Конечно, нет, — согласился он. — Не стану лгать тебе о своих чувствах. Мысль о детях, которые не умрут до рождения, очень привлекает меня. Но ты должна знать, что волку во мне на это наплевать. Он хочет только тебя.

Он вышел, когда я еще пыталась найти ответ. Вышел не к себе в комнату, а вообще из дома. Я слышала, как завелась и отъехала его машина.

Я села на диван и обняла подушку. Я так старалась не думать об Адаме и Сэмюэле, что должна была найти другую тему для размышлений. Например, охоту на Андре.

Марсилия сказала, что вампиры боятся ходячих, потому что на нас не действует их магия, и потому что мы можем разговаривать с призраками. Но, как напомнил мне Даррил, призраки избегают зла, например, вампиров. Я могу быть невосприимчива к их магии, но, очевидно, магия, скрывающая их логова, на меня действует. Может, другие ходячие были сильнее меня?

Медея прыгнула на диван и села рядом со мной.

Марсилия не могла намекать на то, как я использовала миссис Ханну, чтобы найти Литтлтона. Это особый случай. Большинство призраков не могут разговаривать.

Да и вообще в Тройном городе призраков мало: город заселен слишком недавно. До Второй мировой войны, до того как старания создать атомную бомбу привели к возникновению Хэнфордского проекта, здесь вообще было мало людей.

Несмотря на то, что рост города связан с армией, а может, благодаря этому, в прошлом в Тройном городе было мало случаев насилия; а ведь насильственная, бессмысленная смерть — основная причина появления призраков.

Бессмысленные насильственные смерти происходят в зверинцах вампиров.

Я отпустила подушку, и Медея тут же забралась мне на колени.

Я не единственная способна видеть Призраков. В Портленде, ГДР я училась в школе, множество мест, населенных привидениями, и их видят нормальные обычные люди. Конечно, большинство людей видит их не так хорошо, как я, да и в основном по ночам. Я этого никогда не понимала. Днем призраки встречаются не реже, чем ночью, хотя многие твари не переносят дневной свет.

Например вампиры.

Не может быть, чтобы все было так просто.

На следующий день после работы я отправилась на поиски Андре — на двух ногах, а не на четырех. Я не была уверена, что поиски призраков помогут мне. Прежде всего, призраки не так уж обычны. Тысячи человек могут погибнуть в битве, а ночью не будет ни одного призрака. И даже если призраки есть, я не уверена, что смогу их увидеть или распознать, что это призраки. Некоторые покойники, например миссис Ханна, выглядят точно так же, как при жизни.

Я ищу иголку в стогу сена, чтобы убить ею Андре.

Я понимала, что это не будет похоже на убийство Литтлтона, хотя и оно далось достаточно тяжело. Андре днем спит и будет беззащитен. Даже если я его найду, не уверена, что смогу казнить.

А если казню, на меня ополчится семья Марсили.

Ну, по крайней мере тогда я буду избавлена от выбора между Адамом и Сэмюэлем. В каждой бочке дегтя есть ложка меда.

Я отправлялась на поиски во второй половине дня и возвращалась домой перед самым наступлением темноты. Сэмюэль старался не попадаться мне на глаза, но оставлял на холодильнике еду для меня. Иногда что-нибудь купленное в ресторане, но обычно то, что сам приготовил. Дома он вел себя так, словно никогда меня не целовал и никогда не говорил, что по-прежнему интересуется мной. Я не знала, радоваться или пугаться. Сэмюэль — очень терпеливый охотник.

Мы с Адамом сходили в субботу в кино. Он вел себя очень хорошо. Потом мы поехали в резервацию Хэнфорд и бегали под открытым небом — в обличье волка и койота. У Адама не было способности Сэмюэля отбросить все человеческое и наслаждаться радостью дикой жизни. Напротив, он играл с тем же напряжением, с каким занимался повседневными делами. А значит, когда я гналась за ним, я не была уверена, что хочу догнать, а когда он гнался за мной, я чувствовала себя кроликом.

Мы оба устали, когда перед ужином я высадила Адама у его дома. Он не поцеловал меня, но так поглядел, что это было, в общем, не хуже.

Мне не хотелось возвращаться домой к Сэмюэлю после этого взгляда. Поэтому я вернулась в Кенневик и принялась ездить по городу. Вид Адама, разыгрывающего роль прирученного зверя, разрывал мне сердце. Адам не похож на Брана, который наслаждается разными ролями. Я сама себе не слишком нравилась из-за того, что заставляю Адама делать это. Игры в резервации были гораздо лучше, там он не прятал волка так хорошо, как здесь.

Я остановилась у светофора, в одном из районов новой застройки за последние десять лет их появилось несколько, — и увидела его. На пороге очень приличного дома стоял мужчина средних лет с пустыми печальными глазами и смотрел на меня.

Я затормозила, припарковала «кролика» и посмотрела на этого человека. Рядом с ним появился еще кто-то, на этот раз пожилая женщина. Когда показался третий призрак, я вышла из машины. Дому всего несколько лет: потерять за несколько лет трех человек — многовато для нормальной семьи, особенно если покойники превратились в призраков, а не ушли на ту сторону, как большинство.

Я взяла рюкзак с орудиями охоты на вампиров и перешла через улицу. И только поднимаясь на крыльцо, поняла, что придется иметь дело и с живыми людьми. По какой-то причине я забыла, что, прежде чем убить вампира, мне придется миновать его зверинец.

Я позвонила, стараясь не смотреть на призраков, которых теперь стало гораздо больше: я их не видела, но чувала.

Никто не ответил, хотя я слышала движение внутри. Пахло не страхом и не гневом, только нематыми телами. Я повернула дверную ручку, и дверь открылась.

Запах внутри стоял очень тяжелый. Если у вампиров обоняние такое же, как у меня, не могу представить себе вампира, который здесь жил бы. Но вампирам не нужно дышать.

Я попыталась с помощью носа понять, в чьем я доме. Запах хозяина частично маскировало кислое зловоние пота и смерти, так что я не была уверена, что нашла нужного вампира, знала только, что это мужчина.

Призраки последовали за мной. Я чувствовала, как они трутся о меня, подталкивают внутрь, как будто знают, зачем я пришла, и хотят помочь. Они толкали и тянули, пока я не подошла к дверям рядом с ванной на первом этаже. Дверь была уже других и, очевидно, принадлежала платяному шкафу. Но, открыв по настоянию призраков дверь, я не удивилась, когда увидела спиральную лестницу, уходящую в темную дыру.

Я никогда не боялась темноты. Даже если я не вижу, обоняние и слух отлично меня выручают. Я не подвержена клаустрофобии. Тем не менее, спуск по этой лестнице оказался одним из самых трудных дел в моей жизни, потому что, хотя днем вампиры мертвы, мысль о необходимости убить одного из них пугала меня.

Фонарик я с собой не прихватила. Не думала, что понадобится: в конце концов, ведь сейчас день; С лестницы пробивалось немного света. Я видела, что комната невелика — чуть больше обычной ванной. И у дальней стены что-то стояло кровать или диван.

Я закрыла глаза и отсчитала целую минуту, а когда снова открыла их, получила возможность видеть немного лучше. Это кровать, И на ней вампир, но не Андре. Волосы светлее. Единственный светловолосый вампир в семье, имевший свой зверинец, это Вольфи, Волшебник. Но с ним я не ссорилась.

Поднимаясь по лестнице, мне пришлось преодолевать сопротивление призраков. Они знали, зачем я здесь, и хотели, чтобы я убила вампира.

— Простите, — сказала я им, поднявшись вверх. — Но я не могу убивать без причины. — Тогда зачем ты пришла?

Меня чуть удар не хватил и я повернулась, ожидая увидеть за собой вампира, но увидела только темную лестницу. Однако принять голос за игру своего воображения не могла, потому что все призраки исчезли. Я коснулась овечки на ожерелье, которое купила после того, как предыдущее порвал Литтлтон.

Вольфи рассмеялся.

— Ты пришла за Андре. Он здесь не живет. Но можешь вместо него убить меня.

— Зачем? — спросила я, рассердившись, потому что он испугал меня.

— Я знаю, как сделать колдуна, — ответил он. — Но никто меня не спрашивал.

— Тогда почему ты сам не сделал колдуна и не натравил на других? — спросила я, обретая уверенность. В коридоре было темно, но я видела свет, пробивавшийся в дом сквозь окна. Хотя Вольфи и не спит, он не может покинуть безопасность темной комнаты внизу.

— Я же не дурак. Марсилия тоже, но одержима возвращением в Милан.

— Тогда у меня нет причин убивать тебя, — сказала я.

— А может, ты и не смогла бы меня убить, — сказал Вольфи, поднимаясь по лестнице. Двигался он очень медленно, как ящерица, долго пробывшая на холоде.

Я услышала всхлип за одной из закрытых дверей и посочувствовала. Мне тоже хотелось всхлипнуть.

— Я не на тебя охочусь, — решительно сказала я, хотя все время отступала, пока не оказалась в круге света в конце коридора.

Он остановился на лестнице на полпути наверху; его глаза были затянуты пленкой, как у мертвеца.

— Хорошо, — сказал он. — Если убьешь Андре, я никому не скажу и никто не спросит.

И он исчез — спустился вниз так стремительно, что я даже не уловила его движения, хотя смотрела прямо на него.

Я медленно вышла из дома — стоило мне попытаться двинуться быстрее, и я с криком побежала бы.

Глава пятнадцатая

Я нашла в Паско другое логово вампира, но на этот раз действовала умнее. Вернулась на следующий день в полдень, когда солнце в небе стояло высоко, и приняла облик койота, потому что мое обоняние острее, когда я бегаю на четырех лапах.

Я перепрыгнула ограду и побегала вокруг, но что бы ни делали вампиры, чтобы скрыть свое логово, они добились успеха: запахов вампиров я не ощутила. Только от машины слабо пахло женщиной-вампиром — Эстеллой.

Через несколько дней я нашла третье логово. Оно принадлежало Андре.

Он жил в красивом маленьком домике, почти незаметном за огромным строением на столбах. Это строение располагалось на обширном, во много акров участке рядом с заповедником дикой природы вблизи Худ-Парка, сразу за Паско.

Я не стала бы заглядывать так далеко, потому что вампиры в отличие от вервольфов городские жители. Только по чистому везению я решила испытать автобус-«фольксваген» на этой дороге. Я остановилась кое-что отрегулировать и как только вышла из машины, поняла, что в этом доме умирали люди, много людей.

Я вернулась в машину, чтобы стать койотом.

Либо Андре был беззаботен, либо не так хорош, как Эстелла или Вольфи, потому что его запах я обнаружила на всем участке. Он любил сидеть за садовым столиком и смотреть на заповедник. Вид открывался прекрасный. Призраков я не видела, но чувствовала; их были десятки, и они ждали от меня действий.

Вместо этого я вернулась в мастерскую и принялась за работу.

Если бы я могла убить Андре сразу после того, как его отпустила Марсилия, или в ночь, когда я убила Литтлтона, было бы гораздо легче. Я убивала животных, чтобы съесть их и поскольку для койота естественно охотиться на мышей и кроликов. Трижды я убивала для самозащиты или для защиты других. А вот хладнокровное убийство — нечто гораздо более трудное.

За час до закрытия я оставила мастерскую на Гэбриэла и поехала домой. Сэмюэля опять не было, что даже к лучшему. Я села за стол и составила список известных мне людей, убитых Литтлтоном и Андре. Всех имен я не знала, но Дэниэла включила дважды, потому что Андре убил его в первый раз, а Литтлтон виноват в его второй смерти. В конце списка я поставила Уоррена. Потом, под ним, Сэмюэля, Адама, Бена и Стефана. Всем им колдун причинил ущерб.

Андре собирается создать новое чудовище типа Литтлтона. Могу ли я убить его днем, когда он беспомощен?

Стефан не может его тронуть, потому что связан данной Марсии клятвой. Волки не могут его тронуть, иначе погибнет много людей.

Если Андре убью я, то я и буду единственной, кто может пострадать. Рано или поздно Марсилия узнает, кто его убил, даже если Вольфи ей не скажет. А я верила Вольфи, насколько возможно. А когда Марсилия узнает, она прикажет убить меня. Я могу только надеяться, что она сделает это не настолько глупо, чтобы ввязались Сэмюэль или Адам: она ведь тоже не хочет войны, особенно когда семья на грани мятежа.

Стоит ли моя жизнь смерти Андре?

Я нарочно вспомнила лицо и хриплые крики женщины, которую Литтлтон медленно

убивал у меня на глазах. Вспомнила выражение, которое Адам в ярком больничном свете пытался укрыть за гневом; вспомнила долгие дни после той ночи, в которые Сэмюэль не произносил и двух слов. А еще Дэниэла, сломленного и голодного, на суде над Стефаном. Андре принес его в жертву дважды, первый раз из мести, второй — чтобы посмотреть, насколько сильно его чудовище.

Я прошла к своему сейфу и достала оба пистолета: девятимиллиметровый «зиг-зауэр» и 44 калибр — «смит и вессоц». Пришлось, набросить поверх футболки льняную кофту, чтобы можно было надеть через плечо солдатскую кобуру с «зиг-зауэром». Второй пистолет будет лежать в рюкзаке вместе с остальными сокровищами против вампиров. Я была совершенно уверена, что пистолеты в случае с Андре не помогут, зато устрашат его овец; впрочем, если судить по опыту с Вольфи, опасаться зверинца Андре не приходилось.

Я надеялась, что его доноры крови не станут вмешиваться. От мысли, что придется убить еще кого-то, меня тошнило, особенно если учесть, что зверинец Андре ни в чем не виноват, это тоже жертвы.

Даже с пистолетами, садясь в «кролика», я не была уверена, что поеду за Андре. Повинуясь порыву, я свернула на улицу Адама и подъехала к его дому.

Дверь открыла Джесси.

— Мерси? Папа еще не пришел с работы.

— Ладно, — сказала я ей, — мне нужно повидать Бена.

Она посторонилась, пропуская меня.

— Он еще в клетке, — сказала Джесси. — Когда папы поблизости нет, он бросается на ближайшего волка.

Я вслед за ней спустилась по ступенькам. Бен лежал свернувшись у двери, спиной к нам.

— Бен? — спросила я.

Его уши дернулись, и он чуть прижался к полу. Я села на пол перед решеткой и приткнулась к ней головой.

— С тобой все нормально? — спросила Джесси.

Он Бена исходил кислый запах, почти болезненный.

— Все хорошо, — сказала я. — Оставь нас на несколько минут.

— Конечно, я как раз смотрела кино. — Она быстро улыбнулась мне. — «Американский оборотень в Лондоне».

Я подождала, пока она не исчезла, и прошептала так, чтобы остальные вервольфы в доме, присутствие которых я ощущала, не слышали:

— Я нашла Андре.

Я не знала, насколько волк меня понял, но, как только я назвала имя вампира, Бен вскочил и зарычал.

— Нет, тебе со мной нельзя, — сказала я. — Если Марсилия подумает, что в смерти Андре виноват кто-то из волков, она будет мстить. Я пришла сюда, наверно, потому что боюсь. Не уверена, что смогу убить спящего Андре и остаться собой.

Бен сделал два медленных Шага в мою сторону. Я коснулась решетки кончиками пальцев.

— Неважно. Так нужно, и сделать это могу только я.

Охваченная неожиданным нетерпением, я встала.

— Не позволяй им победить, Бен. Не позволяй уничтожить и тебя.

Он заскулил, но я не стала задерживаться для дальнейших разговоров. Мне предстояло убить вампира.

В метеопрогнозе предсказали перемену погоды на три дня, и, когда я выходила из дома Адама, темные облака, собиравшиеся весь день, внушительно сгустились. Горячий ветер подхватил мои волосы и разметал по лицу.

Садясь в машину, я придерживала дверцу, чтобы ветер не ударил ею стоящую рядом сверкающую новую «тойоту».

Дождь еще не пошел, когда я свернула на гравийную дорогу к дому Андре и остановилась перед огромными, величиной с гаражные, дверями сооружения на столбах. Были и соседние дома, но все — ближе к шоссе, чем дом Андре, а большой амбар на столбах и стратегически размещенная густая живая изгородь совсем скрывали дом вампира.

Любой прохожий увидел бы мою машину, но соседи меня не волновали. Тело Андре я уничтожу, а вампиры не позволят полиции отыскать какие-нибудь другие останки, в том числе мои.

Трава по колено шуршала под ногами. Уже с месяц или даже больше никто не поливал лужайку. У дома кто-то посадил цветы, но они давно погибли. Вероятно, Андре все равно, как его уютное логово выглядит днем.

Я надела рюкзак, обошла амбар на столбах и постучала в дверь дома. Никто не ответил, а дверь была заперта. Обойдя вокруг дома, я обнаружила на противоположной стороне дверь, выходящую во дворик. Она тоже была заперта, но это затруднение позволил преодолеть очень кстати лежавший поблизости камень.

На звон разбитого стекла никто не пришел.

Я оказалась в столовой, безупречно чистой и пахнущей средством для мытья. Этот запах заставил меня чихнуть: он перекрыл все остальные запахи, которые могли здесь быть.

Как и весь дом, комната была небольшой, но красивой. Пол дубовый, с росписями по краям в древнем стиле, отчего комната кажется больше. У одной стены кирпичный камин. Над каминной полкой множество семейных фотографий. Я с любопытством посмотрела на них. Дети и внуки, подумала я, и среди них родственников Андре нет. Сколько времени пройдет, прежде чем они вспомнят, что давно ничего не слышали о дедушке и бабушке? Давно ли Андре живет здесь и много ли призраков он оставил?

Может, владельцы путешествуют по стране в доме на колесах, для которого построили амбар? Надеюсь!

Я начала поворачиваться и каким-то образом сбила с полки один из снимков. Стекло разлетелось по полу, и холодный ветер коснулся моего лица.

Оставив столовую, я перешла на кухню, которая оказалась удивительно большой для такого дома. Кто-то выкрасил деревянные шкафы белой краской, а поверх изобразил цветы и ветви. Окно над раковиной плотно закрыто темно-зеленым мешком для мусора, закрепленным клейкой лентой, так что дневной свет через него не проходит.

Гостиная, где тоже не было вампиров, оказалась не такой чистой, как столовая и кухня. Кто-то оставил на краю стола грязные стаканы, а на светлом ковре темнели пятна. Кровь, подумала я, но запах моющих средств по-прежнему отшибал нюх.

Дверь ванной была открыта, следующие две двери — нет. Я не думала, что Андре за ними: кто-то приделал снаружи новые блестящие засовы, чтобы держать в плену тех, кто в комнатах.

Я осторожно открыла первую дверь и быстро шагнула назад: даже своим

нечувствительным носом я ощутила сильный запах людских испражнений.

На груди грязных матрацев скорчился человек. Когда я открыла дверь, он еще больше съежился и прошептал:

— О Боже, они снова идут за мной. Не попусти. Не попусти, Господи!

Я прошептала:

— Ш-ш-ш. Я не причиню тебе боли.

Запах отвратительный, но нужно кое-то посильнее, чтобы меня выгнать. Человек вскрикнул, когда я коснулась его плеча.

— Пошли, — сказала я. — Давай убираться отсюда.

Он повернулся на спину и обеими руками схватил меня за голову.

— Вампир. — Он тряс меня с диким выражением. — Вампир.

— Знаю. Но сейчас день. Идем туда, где он до тебя не доберется.

Казалось; он понял и с моей помощью встал. Я подставила плечо под его руку, и мы, словно в пьяном танце, вышли в гостиную. Я открыла дверь и выпустила его из дома.

Небо еще больше потемнело, и казалось, что вечер намного ближе, чем на самом деле. Я усадила мужчину за садовый столик и приказала никуда не уходить, но не была уверена; что он меня понял, потому что слышала его бормотание о темном человеке. Неважно, Он не в том состоянии, чтобы уйти далеко.

Оставив дверь в гостиную открытой, я пошла ко второй двери. За ней обнаружилась пожилая женщина. На ее руках виднелись следы укусов. Если бы не двойные проколы, она показалась бы наркоманкой. Женщина была в лучшем состоянии. И пахло от нее не так скверно. Хотя в ее словах не было смысла, она с моей помощью легче вышла из дома. Зато Мне трудно было отцепиться от нее, когда я усадила ее за столик.

— Беги, — твердила она, — беги.

— Я о нем позабочусь, — сказала я. — Все в порядке.

— Нет, — сказала она, хотя и отпустила меня. — Нет.

Дом защищал их от ветра, а дождь еще не начался, хотя я слышала гром. Если скоро не начнется дождь, от молний загорится сухая трава.

Эти мысли несколько подкрепили, меня, когда я возвращалась в дом искать Андре. Спальни я оставила напоследок. Отчасти потому, что мне не хотелось в них заходить, но главным образом потому, что я понимала: чтобы иметь возможность их запирать, Андре должен находиться снаружи.

Из ванной не вел никакой тайный проход, а за соседней дверью находились радиаторы отопления и нагреватель для воды: здесь места для вампира не было. Я вернулась в гостиную и услышала новый грохот, в столовой.

Я вошла туда, когда на пол упала последняя застекленная фотография, упала перед небольшим ковром. Меня что-то толкнуло в спину, и я сделал еще шаг вперед.

— Под ковром? — спросила я. — Как банально!

Я знала, что сарказм позволяет легче переносить ужас. И надеялась, что днем Андре будет беспомощен — в отличие от Вольфи Андре тех же лет, что Стефан, а Стефан рассказывал мне, что умер днем.

Я отбросила ковер и увидела крышку люка с вделанным в нее железным кольцом. Прежде чем открыть крышку, я достала фонарик.

Ничего столь сложного, как винтовая лестница Вольфи. Прямо под отверстием простая деревянная стремянка. Я сунула голову в дыру, надеясь, что призрак, который толкнул меня,

воздержится от этого, пока я вишу вниз головой.

Не подвал, а скорее яма, выкопанная в земле ради доступа к трубам канализации. У стены фундамента несколько старых полок с каким-то материалом для отделки. У противоположной стены кровать с пологом, прямо из романа о любителях снимать бюстгалтеры.

Фонарик осветил вышивку на темном бархате занавеса, скрывавшего того, кто в постели, если, конечно, он там был.

Я встала на верхнюю ступеньку стремянки и осторожно спустилась на две ступеньки. Оттуда слезать стало уже легче. Раскрыв рюкзак, я достала кол и деревянный молоток, взятый в мастерской: по опыту я уже знала, что пробивать колом сердце вампира труднее, чем я думала.

Рюкзак с прочим содержимым я оставила у лестницы. Ничто из этого мне не понадобится, пока я не проткну Андре колом, зато мне предстоит нести в руках кол, молоток и фонарик.

Где-то близко надо мной ударила молния, заставив меня дернуться. Если я не успокоюсь, сердечный приступ у меня случится раньше, чем я убью Андре. Какая напрасная будет трата сил!

Стоя как можно дальше от кровати, я колом приоткрыла занавес.

Андре был там. Когда луч фонарика упал ему на лицо, он открыл глаза. Как и у Вольфи, они были затянуты пленкой. Андре был слеп. Я отступила на шаг, готовая бежать, но Андре лежал неподвижно с открытыми глазами. Он был одет — в розовую рубашку и светлые брюки.

Чувствуя сердце где-то в горле, я заставила себя двинуться вперед и положить фонарик на край кровати, где он давал немного света, но не мог повернуться и ослепить меня. Острие кола я нацелила на сердце Андре. Вероятно, разумнее было бы расстегнуть рубашку, но я не могла заставить себя коснуться его. Кол пробил одежду Литтлтона, должен пробить и одежду Андре.

Хотя весь день меня мучили угрызения совести, моя совесть успокоилась, когда я нашла его пленников. Андре должен умереть.

Его руки шевельнулись, я вздрогнула, и первый удар получился неудачным: кол скользнул по ребрам, но внутрь не вошел. Андре раскрыл рот, показав клыки, и его руки двинулись к груди.

Я снова быстро приставила кол и ударила молотом, на этот раз точно. Дерево задело кость и погрузилось глубже, в мягкие ткани. Я снова ударила, и кол глубоко вошел в грудь.

Как и у Литтлтона, тело Андре задергалось. Я побежала к рюкзаку, приговаривая: «нож, нож, нож», и споткнулась о какую-то неровность на полу. И еще стояла на четвереньках, когда Андре сбросил фонарик. Тот закатился под кровать, и все погрузилось во тьму.

Я поползла вперед, чутьем и на ощупь отыскивала рюкзак. С ножом Зи в руке я медленно вернулась в темный угол. Рассеянный свет фонарика показал мне, где кровать, но разглядеть что-то в самой кровати, где вампира скрывала тень от занавеса, при этом стало труднее.

Ты правда думала, что будет легко?

Беззвучный голос жег голову изнутри, и я машинально попыталась зажать уши. Бесполезно.

Ты думала, я такая же легкая добыча, как мой бедный Кори, который был всего лишь ребенком?

Мне хотелось повернуться и убежать. Спрятаться от этого вампира как можно дальше. Я не могу тягаться с вампиром, особенно с этим. Я почувствовала жжение в старом укусе на шее; боль распространилась на плечо, поврежденное Литтлтоном.

Это была его ошибка, потому что боль прорвалась сквозь страх и помогла мне понять, что страх этот навязан извне. И как только я это поняла, мне стало легче бороться.

Я продолжала двигаться вперед и остановилась, когда коленями уперлась в кровать. Нащупала пальцами грудь вампира, кол, а оттуда двинулась вверх, к горлу.

Он быстро, как змея, повернул голову и укусил меня в запястье. Боль выросла в моей голове, как гриб. Я отдернула руку. Его голова последовала за ней, поднимаясь вверх, как будто он мог контролировать только мышцы челюстей.

Нож Зи без труда отрезал ему голову. С помощью того же ножа я осторожно освободила руку от хватки клыков. Не хотелось еще порезаться вдобавок к тому, что сделал Андре. Чтобы вызволить запястье, пришлось разрубить Андре челюсть.

Когда это было позади, меня вырвало. Ножом Зи я отрезала полосу от своей кофты и перевязала запястье. Все равно эта кофта больше никогда не будет чистой.

Я вся дрожала и перестала ориентироваться, и мне потребовалось немало времени, чтобы снова отыскать рюкзак. Медальон с драконом был теплым на ощупь.

На этот раз найти кровать оказалось легче. Мои глаза привыкли к темноте, и луч фонарика, хотя и тусклый, слабо освещал комнату.

Я положила медальон на грудь Андре.

— Drachen, — сказала я, и меня ослепил яркий свет.

Потеряв возможность видеть, я вынуждена была некоторое время оставаться на месте. А когда способность видеть вернулась ко мне, пламя уже перекинулось с вампира на постель, и комнату заполнил дым. Я не могла ждать, чтобы забрать медальон и кол, потому что задохнулась бы. Поэтому я бросила их и вскарабкалась по лестнице. Нож Зи остался у меня в руке.

Темное небо было бурным; когда я, спотыкаясь, шла по дворику. Ветер сорвал ветку с соседнего дерева. Ветер или что-то другое тащило меня прочь от дома. Пришлось зажмуриться из-за пыли и листвы, заполнивших воздух.

Я добралась до садового столика и тронула мужчину за плечо.

— Пошли, — сказала я. — Нужно сесть в машину.

Но он упал со скамьи на землю. И только тут мой мозг осознал то, что давно говорили мне нос и уши. Он был мертв. Женщина положила голову на стол и как будто спала. Но билось только мое сердце. Она тоже мертва.

Я ошеломленно застыла и вдруг поняла: чего-то не хватает. Все время, что я здесь была, мертвецы задевали самые края моих чувств. Но теперь призраков не стало.

А это означало, что поблизости есть вампиры.

Я повернулась, ища его, но никогда не увидела бы, если бы он сам того не захотел.

Вольфи прислонился к стене дома. Он смотрел на небо, и его голова ритмично, в такт лихорадочному биению моего сердца, ударялась о стену.

Но вот он остановился и посмотрел на меня. Его глаза были затянуты пленкой, но я не сомневалась, что он меня видит.

— Сейчас день, — сказала я.

— Некоторые из нас не так ограничены, как большинство, — ответил он. — Предсмертные крики Андре подняли всю семью. Марсилия знает, что он мертв: они с Андре

слишком долго были связаны. Семья не станет ждать, пока еще больше стемнеет. Скоро они будут здесь. Уведи ее.

Я смотрела на него и поняла, что он говорит не со мной, только когда меня взяла за предплечье холодная рука.

— Идем, — сказал Стефан напряженным голосом. — Ты должна убраться отсюда, пока не пришли остальные.

— Ты их убил, — сказала я, вонзая каблуки в землю. Я не смотрела на него: не хотела видеть Стефана днем таким же, какими были Андре и Вольфи. — Они были не опасны, а ты их убил.

— Убил не он, — сказал Вольфи. — Он сказал мне, что ты никогда его не простишь, если он это сделает. Смерть была чистая. Они не испугались, но они должны были умереть. Нельзя позволить им бегать с криками «вампиры». А еще нам нужно указать госпоже на преступников. — Он улыбнулся, и я сделала шаг к Стефану. — Я пришел и застал дом в огне, — продолжал Вольфи, — а два человека из зверинца Андре были снаружи. Я всегда предупреждал Андре: то, как он содержит своих овец, однажды его погубит.

Он рассмеялся.

Пошли, — сказал Стефан. — Если через десять минут тебя здесь не будет, никто не узнает, что ты тут была.

По-прежнему не глядя на него, я позволила ему увести себя от Вольфи.

— Ты знал, что я охочусь на Андре.

— Знал. Ты — это ты, и не могла поступить иначе.

— Она допросит тебя с помощью кресла, — сказала я. — И узнает, что это сделала я.

— Она не станет допрашивать меня, потому что последние две недели я провел в клетке под домом семьи. Из-за своего отношения к намерениям госпожи создать новое чудовище. Никто не может сбежать из клетки — не дает магия Вольфи.

— А что если она допросит Вольфи?

— Кресло создал сам Вольфи, — ответил Андре, открывая передо мной дверцу машины. — Вольфи скажет, что ни вампир, ни вервольф, ни ходячая не виновны в смерти Андре, и кресло подтвердит его слова. Потому что в своей смерти Андре виноват сам.

Я не вытерпела и посмотрела на него. Выглядел он как всегда, только на глазах непроницаемые темные очки.

Наклонившись, он поцеловал меня в губы, и этот быстрый нежный поцелуй сказал мне, что страстные слова, которые он шептал, когда я пила его кровь в ночь смерти Литтлтона, я не выдумала. А я так на это надеялась.

— Даю слово: ты не пострадаешь, — сказал он, Я не смог до конца сдержать свое обещание, но ты хотя бы не лишишься жизни из-за того, что я втравил тебя в это, — Он улыбнулся. — Не нервничай, волчонок.

И захлопнул дверцу.

Я поехала по подъездной дороге. Но убегала я скорее от Стефана, чем от гнева Марсили.

До приезда пожарных дом Андре выгорел дотла. Когда репортер брал интервью у старшего, пошел дождь. Старший сказал, что дождь помешал огню распространиться по сухой траве. В доме нашли два тела. Связались с владельцами дома — те проводили лето в своем дачном домике в Кор-де-Лейн^[48]. Тела, вероятно, принадлежали бродягам,

обнаружившим, что дом пустует.

Я смотрела специальный выпуск новостей в десять вечера, когда кто-то заколотил в мою дверь.

— Если сломаешь, — сказала я, зная, что Адам меня слышит, хоть дверь и закрыта, — я заставлю тебя поменять ее.

Я выключила телевизор и открыла.

— У меня есть шоколадное печенье, — сказала я. — И еще ореховое, но оно пока горячее.

Он трясся от гнева, и глаза у него были желтые, волчьи. Он с силой сжимал челюсти, от этого на щеках проступили белые пятна.

Я откусила печенье.

— Где ты была? — спросил он негромко и угрожающе. Его сила окутала меня и заставила отвечать.

Вот и конец обещанию не давить на меня.

К счастью, пережитые мною ужасы и травмы выходили за всякие рамки, ничего не оставляя для ответа Альфе.

Я прикончила печенье, слизала с пальцев крошки шоколада и взмахом руки пригласила его зайти.

Он схватил меня за руку и отвел рукав. Я воспользовалась аптечкой Сэмюэля, которая была гораздо лучше моей. Промыла рану, нанесенную Андре, перекисью водорода. Надо будет купить Сэмюэлю новую бутылочку. В свежем чистом бинте рана совсем не выглядела страшной. Но чувствовала я себя так, словно вампир отгрыз мне руку.

— Бен сказал, что ты нашла Андре, — сказал Адам, разглядывая мое запястье. У него дергалась щека. — Он ждал меня в человеческом обличье. Но ты не сказала ему, где его нашла, поэтому мы вместе пошли искать, Бен и я. Джесси позвонила и сказала, что твоя машина вернулась.

— Андре сгинул, — сказала я. — Больше не вернется.

Одной рукой он продолжал держать меня за запястье, другой взял за лицо, так, что большой палец лег на горло, туда, где билась жилка.

— Если бы он убил тебя, смерть была бы быстрой и чистой. Госпожа затратит гораздо больше времени, когда ты попадешь ей в руки.

— Зачем это ей? — негромко ответила я. — Две овцы Андре спалили дом, пока он спал.

— Они не поверят.

— Стефан считает, что поверят.

Он смотрел на меня, пока я не опустила глаза. Потом прижал к себе и так держал.

Я не говорила ему, как боялась: он и сам это знал. Не говорила, что дома меня четыре раза вырвало. Не говорила, что зажгла в трейлере весь свет, не говорила о лицах двух бедняг, которых Вольфи. у бил только из-за того, что Стефан хотел меня защитить. Не говорила, что постоянно чувствую, как кол входит в плоть, и что теперь никогда не смогу уснуть. Не говорила, что Стефан поцеловал меня. Стефан, убивший двух человек, чтобы меня выручить. Он был прав, считая, что я не прошу ему убийство. Он только не понимал, что я по-прежнему считаю виновным его, кто бы это ни сделал. Вольфи было все равно, буду я жить или умру. Если он оказался в доме Андре, то сделал это в обмен на какую-то услугу Стефана.

От Адама так хорошо пахло! Он никогда не убил бы невинного человека, даже чтобы спасти меня. Я зарылась носом в ямку между его плечом и челюстью и позволила его теплу

окутать меня.

Потом я кормила его молоком с печеньем, пока не вернулся Сэмюэль.

На следующее утро я проснулась от того, что кто-то колотил в стену моего дома. Я натягивала джинсы, когда слышала стук в дверь.

Разбудили и Сэмюэля.

У моей двери стояли два больших красных грузовика, на их боках белыми буквами было написано название строительной фирмы. Трое рослых мужчин в комбинезонах, с широкими улыбками на лицах, болтали с Сэмюэлем.

— Не знаю, как они это сделали, — рассказывал им Сэмюэль. — Меня не было. Моя девушка спугнула их выстрелами, но они хорошо поработали.

Мы все послушно посмотрели на трейлер.

— Дешевле купить новый, а старый выбросить, — заметил старший из мужчин. Шляпа говорила, что он босс, а руки у него были сплошь в мозолях.

— За ремонт платят родители мальчишек, — сказала я. — Отремонтировать трейлер — гораздо меньше хлопот, чем переселяться в новый.

Босс сплюнул на землю жевательный табак.

— Это уж точно. Ну ладно. Мы все закончим за день-два в зависимости от ущерба стенам под обшивкой. В наряде также говорится о дырах в полу. Я должен их залатать и сменить ковер.

— Это у меня в спальне, — сказала я. — Не хотела ранить соседей, поэтому стреляла в пол.

Он хмыкнул. Не знаю, с одобрением или нет.

— Завтра сделаем. Мы сможем попасть в дом?

— Я буду здесь. В эту неделю я работаю по ночам, — сказал Сэмюэль.

— Где?

— В больнице.

— Лучше, чем в магазине, — сказал босс.

— Я и там работал, — согласился Сэмюэль. — В больнице больше платят, зато в магазине меньше стрессов.

— Моя Джонни медсестра в больнице Кадлек, — сказал один из рабочих. — Она говорит, что с врачами трудно работать.

— Ужасно, — подтвердил доктор Сэмюэль Корник.

Я подняла голову от машины, над которой работала, и увидела миссис Ханну, толкающую свою тележку. С того вечера, когда она помогла мне найти Литтлтона, я ее не видела, хотя раза два чуяла ее запах. Я вытерла руку и пошла ей навстречу.

— Привет, — сказала я. — Прекрасный день, верно?

— Здравствуй, Мерседес, — ответила она со своей обычной ласковой улыбкой. — Мне нравится, как пахнет воздух после дождя.

— Точно. Вижу, вы вернулись к своему обычному расписанию.

Ее лицо чуть затуманилось.

— А что это было, дорогая? — Но тут она снова улыбнулась. — Я нашла рисунок, который искала.

— Который?

Но она уже закончила разговаривать со мной.

— Мне пора идти, дорогая. Всего тебе хорошего.

— До свидания, миссис Ханна, — сказала я.

Она исчезла, но я еще какое-то время слышала лязг тележки и стук ее каблучков по тротуару.

К ланчу я закончила работу и направилась в офис. Гэбриэл оторвал взгляд от экрана компьютера.

— Тебе почта. На столе.

— Спасибо.

Я взяла коробку. Обратного адреса не было, но я узнала почерк Стефана. Поэтому не спешила распечатать, а ждала, пока Гэбриэл уйдет на ланч.

Внутри в бумагу с изображением Скуби-Ду были завернуты обожженный кол, маленький золотой медальон с изображением дракона и тяжелый автобус-«фольксваген» из темного шоколада.

Я собрала обертки, вместе с коробкой отнесла в мусор и только тогда заметила на столе еще один листок карандашный рисунок мужского лица. Перевернув его, я увидела, что это Адам. Глаза у него внимательные, но на губах легкая улыбка. Внизу на листке художник подписался: Марджори Ханна.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Устройство, заряжающее аккумуляторы машины во время хода, генератор переменного тока. — Здесь и далее примеч. пер.

Североамериканский койот.

«Семья» во главе с Чарлзом Мэнсоном в конце 60-х годов во совершила ряд убийств, в том числе киноактрисы Шарон Тейт, жены режиссера Полански; Джеффри Деймер серийный убийца, совершивший с 1978 по 1991 год множество убийств.

Один из самых известных университетов США в г. Балтиморе, штат Мэриленд.

Ярко раскрашенный микроавтобус, в котором разъезжает герой сериала «Скуби-Ду» — говорящая собака.

Вампир, герой знаменитого одноименного фильма немецкого режиссера Мурнау, 1922 г.

Вашингтон, в котором происходит действие романа, штат на северо-западе США. Самый крупный его город Сиэтл.

Три расположенных по соседству города в США называют Tri- Cities, Тройной город. В штате Вашингтон такой Тройной город составляют города Ричленд, Паско и Кенневик.

Герои популярных мультфильмов.

Так обычно называют гонконгские фильмы, в которых соединены приемы голливудского боевика с китайскими традициями.

Эндрю Лэнг, 1844–1912, шотландский писатель и критик, известный собиратель народного творчества.

Эдмунд Берк, 1729:—1797, ирландский государственный деятель, писатель и философ; его наиболее известная работа «Размышления о французской революции» написана в 1790 году.

Комическая опера Артура Салливана, написанная в 1879 году. Поставлена в виде мюзикла на Бродвее в 1981 году. Пензенс — порт в Великобритании.

Округ Колумбия, где расположена столица США.

В США принято измерять температуру по шкале Фаренгейта. По Цельсию соответствующие числа: +37,8 и -17,8.

Уличный праздник в городе Спокане, штат Вашингтон, который проводится в дни цветения сирени.

Одна из моделей «фольксвагена».

Одна из моделей «фольксвагена», «семейная машина», производится с 1973 года.

Модель «фольксвагена».

«Got Milk?» — лозунг рекламной кампании середины 90-х годов прошлого века, приведшей к резкому росту продажи коровьего молока.

Площадка для тренировки в восточных единоборствах.

Бимбо — так на жаргоне называют физически привлекательную, но неинтеллигентную женщину; Хани — сладкая, милая.

+5,6 по Цельсию.

Merse по-английски означает «милосердие, милость, прошу милости»

Лаборатория и фабрика в штате Вашингтон относятся к ведению министерства энергетики США и в основном заняты производством оружейного плутония

Метамфетамин, известный также как крэк.

Спортивный двухместный автомобиль фирмы «Мазда».

41,7 по Цельсию.

Традиционное мексиканское блюдо — лепешки с различными наполнителями (мясом, овощами, креветками и т. п.).

Стиль домов и интерьеров, популярный в начале XX века.

То есть выше ста градусов; 100° по Фаренгейту = 37,8° по Цельсию.

Машина производства компании «Форд». Относится к классу роскошных автомобилей.

Ритуальный танец для вызова дождя у индейцев чероки и других племен.

Очень дорогой итальянский спортивный автомобиль.

Маленькая машина фирмы «Судзуки».

Известный рождественский гимн, сочиненный Адольфом Адамом в 1847 году и в 1855 году переведенный на английский. В гимне вспоминают смерть Иисуса Христа.

Песня 1977 года Денниса Уилсона и Грегга Джекобсона.

«Жук», одна из моделей «фольксвагена»

По-немецки Drachen означает и дракон, и воздушный змей.

Запрещено (нем.).

На всех американских шоссе есть ограничения скорости. Если скорость превышена только на пять миль, полицейские не останавливают.

Викка, викканская секта — неоязыческая религия, ставшая популярной в 1954 году и основанная на поклонении природе.

Стивен Винсент Бенет, 1889–1943, американский писатель, автор рассказа «Дьявол и Дэниэл Вебстер». Кристофер Марло, 1564–1593, знаменитый английский драматург, автор пьесы «Трагическая история доктора Фауста».

Группа самых престижных университетов на северо-западе США: Гарвард, Йель, Принстон и др.

Разновидность протестантской церкви, в которой каждая конгрегация управляет своими делами независимо.

Евангелие от Ионна, 3:16.

Торговый центр, множество магазинов в одном большом здании.

Горы в штатах Айдахо и Монтана.